

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА

XII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«А В Р О Р А»
ЛЕНИНГРАД
1 9 7 1

**Печатается
по решению Ученого совета
Государственного
ордена Ленина Эрмитажа**

Научный редактор *А. А. Быков*

Нумизматика

4

О МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

в V—IV вв. до н. э.

О ранней истории Боспорского царства известно очень немногое. Есть фактически только одно чрезвычайно важное, но предельно краткое сообщение Диодора о том, что в 438 г. до н. э. закончилось сорокадвухлетнее правление Археанактидов и царем стал Спарток¹.

Вопрос о происхождении Спартока и характере событий, приведших его к власти, не решен до настоящего времени. С. А. Жебелев, М. И. Артамонов и В. Ф. Гайдукевич считают, что Спарток не был эллином и получил власть путем переворота². Т. В. Блаватская, ссылаясь на данные нумизматики, отстаивает мнение об эллинском происхождении Спартока и утверждает, что никакой смены династий на Боспоре не произошло, поскольку политика правителей не изменилась³.

Так как монетная чеканка играет в этом споре не последнюю роль, необходимо более подробно исследовать монетные выпуски V в. до н. э. Если рассматривать только чеканку Пантикапея, то на первый взгляд в этом столетии никаких существенных изменений в типе монет не произошло. На лицевой стороне сохраняется старый тип львиной головы, украшенной пышной гривой. Правда, на оборотной стороне вместо прежнего «*quadratum incusum*» появляется изображение головы барана. Но это совсем необязательно объяснять какими-то политическими причинами, поскольку, как справедливо указывал А. Н. Зограф, чеканка изображения на оборотной стороне — закономерный этап в развитии монетного типа⁴. Новый сюжет большинство исследователей относят к культу Аполлона. А. Н. Зограф полагает, что Спартокиды, обращаясь к наиболее почитаемому божеству, пытались завоевать популярность у пантикапейских греков⁵. Однако есть некоторые основания для другой трактовки этого изображения. Разведение домашних животных, особенно баранов, быков и лошадей, играло в экономике Боспора значительную роль и возникновение нового типа оборотной стороны, возможно, связано с задачами пропаганды основных богатств государства.

Таким образом, внешний облик монет Пантикапея V в. до н. э. не обнаруживает элементов, которые можно было бы безоговорочно поставить в зависимость от смены правящей династии.

Иная картина открывается, если обратиться к другим городам Боспора. Наиболее крупные и экономически развитые из них Нимфей, Феодосия и Фанагория почти одновременно в конце V в. до н. э. начинают впервые выпускать собственную монету, типологически резко отличающуюся от пантикапейских. Трудно усмотреть здесь простую случайность. Основанные еще в VI в. эти города имели широко развитую торговлю и давно нуждались в монете. Находясь в тесной экономической связи с Пантикапеем, они до конца V в. до н. э. удовлетворяли всю свою потребность в монете за счет пантикапейских монет, весьма обильно чеканившихся начиная с VI в. до н. э.

Почему же возникла необходимость в собственной монете именно теперь? Следует особо подчеркнуть, что чеканка боспорских городов в количественном отношении резко уступала монетным выпускам Пантикапея и в силу этого не могла иметь экономического значения.

Вероятно, выпуск собственных монет был вызван резким изменением отношения пантикапейских властей к этим городам. Мы достоверно знаем, что уже Сатир I предпринял попытку присоединить Феодосию к Боспорскому царству. Затем последовало подчинение целого ряда местных племен. Отсюда можно сделать вывод, что династия Спартокидов приступила к созданию единого Боспорского государства. Ранее, несмотря на тесные экономические связи между боспорскими городами, каждый из них сохранял политическую независимость. Новая политика Спартокидов должна была встретить сопротивление городов, ибо тенденции к полисной автаркии всегда были сильны в греческом мире. Поскольку чеканка монеты была одной из основных привилегий самостоятельного государства, то в выпуске собственных монет, с типами, резко отличающимися от пантикапейских, несомненно, нашел выражение протест против стремления лишить города их полисной независимости.

Понятно и сохранение в течение некоторого времени в самом Пантикапее старых монетных типов. Династия, только что пришедшая к власти и встретившая сильное сопротивление политике объединения, старалась, видимо, подчеркнуть этим законность и преемственность своей власти, неизменность отношения к Пантикапею — столице государства. Однако прежние типы монет существовали при новых правителях сравнительно недолго и в Пантикапее. IV в. до н. э. является одним из наиболее важных периодов в монетном деле Боспора. Именно в это время в нем происходят значительные изменения, которые характеризуются двумя важными чертами. Во-первых, полностью сменяются монетные типы, удерживавшиеся в течение 150 лет, во-вторых, впервые в истории Боспора наряду с традиционным серебром в качестве материала используются золото и медь.

Эти новшества, вероятно, являются следствием политических и экономических преобразований, происшедших на Боспоре. Прежде всего закончился процесс объединения городов в одно государство — самое крупное в Северном Причерноморье. Создание его значительно укрепило экономическое положение Боспора и сосредоточило в руках боспорских правителей огромные хлебные ресурсы. Последнее имело большое экономическое значение, так как многие государства Греции того времени остро нуждались в хлебе. Значительный подъем испытывает и ремесло Боспора. Возрастает производство местной керамики, черепицы, изделий из металла, в городах ведется большое строительство⁶.

К началу IV в. до н. э. династия Спартокидов прочно закрепилась у власти. Некоторые ее представители были окружены большим почетом. Например, Левкон I пользовался такой популярностью, что других царей этой династии часто именовали левконидами⁷. Перисада I, по свидетельству Страбона, даже причислили к богам⁸.

Достигнув крупных политических и экономических успехов, Спартокиды могли перейти и к самостоятельной монетной политике. Прежде всего была резко изменена типология. С первой четверти IV в. до н. э. на лицевой стороне пантикапейских монет чеканилась мужская голова с остроконечными козлиными ушами — так называемый сатир. По мнению многих зарубежных исследователей, это — «портрет» скифа⁹. Однако изображение подчеркнуто уродливого лица с карикатурно курносом носом и шишкой на лбу не находит параллели в других памятниках боспорского искусства (см. Чертомлыкскую вазу, гребень из Солохи и головной убор из Большой Близицы). Подобного искажения лица нет и на первых пантикапейских монетах IV в. до н. э.¹⁰

Развитие нового монетного типа представляется возможным разделить на три этапа.

Первый — начало IV в. до н. э., когда на монетах чеканилась только голова бородатого человека. Черты лица не утрированы, и изображение полностью входит в русло эллинского искусства. Нет никакого сомнения, что здесь представлено сатиropодобное божество. Едва ли оно связано с культом Диониса, до времени Митридата Евпатора

Табл. I. Монеты Пантикапея первой половины IV в. до н. э. (1, 2, 3), 70—60-х гг. IV в. до н. э. (4, 5), второй половины IV в. до н. э. (7, 8, 9), последней четверти II в. до н. э. (6).

не имевшим распространения на Боспоре¹¹. С другой стороны, новый тип можно поставить в связь с негреческими культами. Д. Б. Шелов указывал, что на территории Боспора находят бляшки с изображением азиатской богини, владычицы зверей, которая держит в руках голову сатира, весьма сходную с запечатленной на монетах начала IV в. до н. э.¹² Только голова сатира на бляшках дана не в профиль, а в фас. Вполне возможно, что в этих мотивах нашел отражение культ местного божества. Это тем более вероятно из-за значительного усиления роли местных элементов в жизни Пантикапея IV в. до н. э., о чем говорят и данные археологии. Так, при раскопках некрополя этого времени было обнаружено значительное количество негреческих погребений¹³. После объединения городов и ряда местных племен в единое государство в жизни Боспора все теснее переплетаются греческие и местные элементы, что позволяет говорить об особой культуре греческих колоний Северного Причерноморья.

Независимо от того, как будет решен вопрос о происхождении династии Спартокидов, несомненно, что, создав единое государство и достигнув значительных экономических и политических успехов, они стремились к усилению роли Боспора в греческом мире. Подчеркивая самостоятельность и значение своего государства, Спартокиды оказывали поддержку местным культам в противовес традиционнотреческим. Эта политика и нашла отражение в монетной чеканке.

Второй этап развития нового монетного типа начинается с 60—70 гг. IV в. до н. э., когда наряду с бородатым лицом на серебряных монетах встречается безбородое. Оба типа можно отнести к боспорскому варианту культа кабиров, который был достаточно известен в Северном Причерноморье. В Ольвии найдена надпись с посвящением самофракийским богам, святилище кабиров обнаружено при раскопках Нимфея¹⁴. Изображение этих божеств помещено на мерном сосуде ойнохое из Керчи. Интересно также отметить, что бородатое и безбородое лица изображаются в пантикапейских выпусках либо на монетах одного достоинства, либо бородатое лицо — на большем номинале, а безбородое на меньшем (как, например, в последнем выпуске золотых и медных монет). Подобное расположение типов вполне соответствует представлениям об отце и сыне кабиров.

Известно, что культ кабиров тесно связан с культом Аполлона¹⁵, одного из наиболее почитаемых божеств в Пантикапее. Поэтому изображение кабиров должно было, с одной стороны, поддерживать политику Спартокидов, направленную на укрепление самостоятельной роли нового государства и поощрение боспорских культов, а с другой стороны, указывать на связь с традиционным, чисто эллинским культом Аполлона.

Третий период развития монетного типа Боспора начинается со второй половины IV в. до н. э., когда впервые обнаруживаются признаки сознательной утрировки черт лица сатира. Появляются они постепенно и впервые становятся заметными на монетах с безбородым сатиром на лицевой стороне и лежащим львом на оборотной¹⁶. Возможно, здесь отразилась политика поощрения местных традиций не только в области культов, но и в художественных приемах.

Интересно проследить развитие типологии оборотных сторон пантикапейских монет IV в. до н. э. Среди наиболее часто встречающихся типов оборотной стороны: лев, идущий, готовящийся к прыжку, терзающий оленя или только протома льва с зерном или полумесяцем за ней. Некоторые из этих изображений также могут иметь отношение к местным культам.

Как известно, лев — неперенный спутник азиатской богини Кибелы, культ которой существовал и на Боспоре. При раскопках Пантикапея найдена большая статуя Кибелы, стоявшая на акрополе. Статуя является римской копией с греческого оригинала V в. до н. э.¹⁷ Справа от богини был помещен лев, слева тимпан. О большой популярности Кибелы говорит посвященная ей надпись времени Перисада I¹⁸. Азиатского происхождения и протома льва с звездой за ней: подобная композиция обычна для монет Понтийского царства. Весьма интересно замечание Гесихия о богине Кибеле: *κίμμερίς θεὰ ἡμίτηρ τῶν θεῶν*¹⁹. Кибела именуется киммерийской богиней, что, возможно, говорит о том, что ее культ существовал на Боспоре еще до прихода греков²⁰.

К неэллинским культам можно отнести и тип льва, терзающего оленя. При раскопках кургана Солоха найдены остатки горита, на обивке которого изображены лев и грифон, терзающие оленя²¹. Поскольку, грифон связан с культом богини — владычицы зверей²², лев также должен относиться к тому же культу. Льва и грифона мы находим и на известной бляшке в виде оленя из кургана Куль-Оба²³. Однако на оборотной стороне монет наряду с местными встречаются и чисто эллинские мотивы (например, Пегас). Интересен и новый тип лука и стрелы, появившийся в конце IV в. до н. э. К этому периоду относится начало крупных военных столкновений боспорского государства со скифами, что в конце концов привело к передаче власти правителями Боспора Митридату Евпатору. По-видимому, в связи с войнами помещали на монетах изображение оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Diod., XII, 31.

² С. А. Жебелев. Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 13.

³ Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора в V—IV веках до н. э. М., 1959, стр. 44, 45.

⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, М.—Л., 1951, стр. 167.

⁵ Там же.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 137—140.

⁷ Там же, стр. 70.

⁸ Strabo, VII, 4, 5.

⁹ С. Т. Sellman, Greek Coins, London, 1933, p. 180.

¹⁰ А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 172.

¹¹ Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXIV, 1950 стр. 64.

¹² Там же, стр. 65.

¹³ В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 59—64.

¹⁴ М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Симферополь, 1952, стр. 81.

¹⁵ Н. И. Новосадский. Культ кабиров в Древней Греции. Варшава, 1898, стр. 69.

- ¹⁶ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора. М., 1956, табл. V, № 53.
- ¹⁷ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 160.
- ¹⁸ *Inscriptiones antiquae graeciae et latinae orae septentrionalis Ponti Euxini, Petropolis*, II, 17.
- ¹⁹ *Hesych*, SC, I, 53.
- ²⁰ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 160.
- ²¹ Там же, стр. 126.
- ²² Д. Б. Шелов. К вопросу..., стр. 65.
- ²³ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 273.

КОНТОРНИАТЫ И ЗРЕЛИЩА В РИМЕ IV—V вв.

Среди нумизматических памятников Римской империи известна сравнительно многочисленная группа особых медных знаков диаметром 35—50 мм. В отличие от больших монет-медальонов они имеют приподнятый край и выемку, которая отделяет этот край от остального поля знака. Вероятно, такая форма и определила появившееся еще в XVII в. название знаков — конторниаты (от итальянского «contorno» — очерченный).

Конторниаты мало изучены¹. Отечественная нумизматическая литература дает либо краткие сведения о них, либо затрагивает отдельные вопросы, связанные с этими знаками². Из зарубежных изданий следует отметить составленный А. Альфельди корпус, охватывающий около 600 конторниатов³.

На конторниатах встречаются портреты императоров (от Августа до Антемия), античных философов и ораторов, писателей и поэтов, а также композиции на мифологические темы. Многочисленны изображения, относящиеся к зрелищам, главным образом цирковым состязаниям на колесницах⁴.

Так, на монетовидных знаках представлены портрет Августа и общий вид столичного Большого цирка, отстроенного в годы правления этого императора (табл. I, 1). Изображения возниц, «славы шумного цирка», нередко сопровождаются портретами Августа (табл. I, 2), Траяна (табл. I, 3), Валентиниана III (табл. I, 4), известных в народе тем, что в их правление «дни арены» отличались особым разнообразием программы.

На некоторых конторниатах изображен Александр Македонский. Возницы, суеверные и завистливые к успехам соперников, считали такой знак своего рода талисманом (табл. I, 6).

Многие знаки помечены монограммой Ξ (табл. I, 5). Наряду с изображениями победителей в состязаниях, призовых урн и ветвей, она свидетельствует об отношении конторниатов к зрелищам. Эту монограмму, воспроизведенную также на крупе одной из состязавшихся в цирке лошадей⁵, можно интерпретировать как «Praemia exspecta» — «в ожидании награды»⁶.

Конторниаты отражают сцены борьбы с хищными зверями. Такие зрелища устраивали, в основном, на арене амфитеатра Флавиев (табл. II, 7, 8). Конные или пешие, легковооруженные или совсем безоружные bestiarii — рабы, военнопленные варвары, осужденные на казнь преступники, наконец, кичившиеся своей удалью вольные охотники — вступали в бой с пантерами и львами, медведями и кабанями. Случалось, что человек побеждал, но чаще искалеченные разъяренными животными борцы просили смерти как милости и под радостные крики зрителей bestiarii добивали.

Устраивавшаяся в амфитеатре Флавиев травля зверей тоже изображена на конторниатах (табл. II, 9). С помощью специальных механизмов из подвалов амфитеатра поднимали на арену декоративные горы и леса, «населенные» зверями. Хлопая бичами и

Табл. I. Конторниаты, на которых изображены Circus maximus, состязания колесниц на его арене, победители в состязаниях, призы.

7

8

9

10

11

12

13

14

Табл. II. Конторниаты, на которых изображены bestiarii (7, 8), травля зверей (9), театральные маски (10), орган (11), бегун, кулачный боец, борцы (12—14).

пуская зажженные стрелы, служители приводили животных в ярость и те начинали терзать друг друга.

Привлекают внимание помещенные на знаках театральные маски и музыкальные инструменты (табл. II, 10, 11). Маски широко применялись в театрализованных мистериях и весьма фривольных представлениях мимов на подмостках театров Бальба, Марцелла и Помпея. Что касается инструментальной музыки, то особенное признание получил гидравлический орган, изобретенный еще во II в. до н. э. греческим механиком Ктесибием и усовершенствованный при Нероне.

Наконец, в числе зрелищ, отраженных на конторниатах, фигурируют соревнования атлетов, демонстрировавших мастерство в кулачном бое, борьбе и беге не только на городском стадионе Рима, но и вообще в цирках, амфитеатре и театрах (табл. II, 12—14). Большую популярность снискали кулачные бойцы, и бывало, что даже в театре, по ходу спектакля, зрители настойчиво требовали их выступления.

Итак, монетовидные знаки своеобразно иллюстрируют ту политику «Panem et circensis», которую проводили правители Рима, чтобы завоевать популярность среди свободного населения империи, а заодно отстранить большинство народа от вмешательства в государственные дела. Сущность таких мероприятий — бесплатных увеселений и раздач продовольствия — выражена в известных словах императора Аврелиана, обращенных к рядовым римлянам: «Ваше дело заниматься зрелищами, наше — нуждами государства».

Очень интересные и важные вопросы о назначении знаков и причинах их появления решаются пока что предположительно.

Повторение одних и тех же имен победителей в состязаниях, наблюдающееся на конторниатах с портретами как ранних, так и позднейших императоров, а также достаточно деградировавший стиль исполнения знаков дали исследователям веские основания отнести изготовление конторниатов к IV и V вв.

Как известно, это было время, когда в Римской империи восторжествовало христианство, многое заимствовавшее от античной культуры, но тем не менее объявившее ее «греховной и погибельной».

Подавляющее большинство изображений на конторниатах, несовместимое по своему содержанию с принципами христианской религии, позволило А. Альфельди утверждать, что знаки служили средством пропаганды языческой городской аристократии Рима в борьбе против христианской императорской власти⁷. По мнению исследователя, конторниаты были памятными или наградными жетонами-подарками, которые раздавали на зрелищах в дни январских календ⁸, когда римляне по обычаю дарили друг другу медную монету, считавшуюся символом грядущего благополучия. В дополнение к благопожеланию конторниат-подарок с его «языческим» изображением имел еще и пропагандистский смысл: он как бы намекал на возможность «счастливей жизни по заветам предков» в наступающем году.

Соглашаясь в общем с приведенным толкованием, следует однако отметить, что монетовидные знаки могли быть использованы и в дни другого многолюдного праздника римлян, тоже сопровождавшегося зрелищами. В декабрьские сагурналии, посвященные воспоминаниям о золотом веке при древнем «боге-царе» Сатурне, враждебная христианству аристократия могла распространять конторниаты в качестве тех же памятных знаков или наград за победы в бегах на колесницах и за успехи в других видах состязаний.

Далее, на наш взгляд, изображения на конторниатах как императоров-язычников (например, Августа, Нерона, Траяна, Юлиана II), так и «христолюбивых» властителей (Константина I, Констанция II, Феодосия I, Гонория, Валентиниана III, Антемия) позволяют предполагать, что римская знать выступала в борьбе за свое влияние в массах против христианства как такового, но не против христианской императорской власти. Наоборот, римские сенаторы, лишённые императорами реальной власти, искали потенциальных союзников среди правителей. Вместе с тем, помещавшиеся на конторниатах

портреты властителей Западной, а не Восточной империи (за исключением Аркадия) отражали, по-видимому, острую неприязнь римских апологетов язычества к тем правителям, при которых первенство окончательно перешло к сопернику Рима — Константинополю.

Как языческие, так и христианские источники свидетельствуют, что на протяжении IV и V вв. в Риме широкое распространение получили зрелища. Императоры вынуждены были поощрять их проведение, чтобы не потерять влияние в народе, который усматривал в даровом питании и публичных играх уже не столько милость правителей, сколько свое неотъемлемое право.

Так, в противоположность «отцам церкви», которые предавали зрелища анафеме как «безбожную мерзость», отрывавшую людей от «слова проповеди», Константин II в указе 343 г. провозглашал: «Хотя всякое суевение должно быть уничтожено, не приличествует разрушать основу торжества древних игр римского народа — те храмы, которые положили начало цирковым зрелищам и упражнениям»⁹.

Еще более конкретно высказывался о зрелищах Грациан: «Не следует ограничивать общественных забав. Напротив, надо побуждать счастливый народ выражать свою радость»¹⁰.

И если во времена Августа зрелища в Риме устраивались 66 дней в году, то в середине IV в. им было отведено 175 дней. Для «народа империи», разрушавшейся под ударами варварских племен, Константин II украсил Большой цирк еще одним огромным египетским обелиском. Гонорий капитально реставрировал театр Помпея, а Валентиниан III — амфитеатр Флавиев. Клавдиан, последний поэт языческого Рима, воспел состязания на колесницах, выступления бестиариев и травлю зверей, борьбу атлетов, музыкальные и театральные представления,¹¹ при созерцании которых, как образно писал христианский священник Сальвиан, «глаз развращается, ухо поворится и вообще нет слов для всей этой непристойности»¹².

При таком отношении императоров к публичным играм пропаганда с помощью конторниатов идей возврата к прежним порядкам должна была иметь определенный, хотя и временный успех у сторонников исторически обреченного язычества. К зрелищам настолько привыкло население не только Западной, но и Восточной империи, что, даже восприняв христианство, оно зачастую предпочитало состязания колесниц церковной проповеди. Это о своих прихожанах высказывался Иоанн Златоуст: «На ипподром идти — они не обращают внимания ни на холод, ни на дождь, ни на длинный путь... А пойти в церковь — так дождь и грязь становятся препятствием. И если спросить о числе пророков или апостолов, то они не сумеют открыть рта, а о лошадях и возницах ведут речи не хуже софистов»¹³. Вот почему другой оратор, упомянутый выше Сальвиан, патетически восклицал, имея в виду нашествие варваров: «Кто перед пленом думает о цирке? Кто, идя на казнь, смеется? Объятые страхом рабства, мы отдаемся играм и веселимся в предсмертной тоске. Римский народ умирает и хохочет»¹⁴.

Любопытным фактом является почти полное отсутствие на конторниатах гладиаторских сцен — зрелища, излюбленного римлянами. Этот факт тоже можно объяснить перипетиями борьбы последних сторонников язычества с христианством.

Указ Константина I, изданный в 326 г., запрещал выступления гладиаторов, как «неподобающее увеселение, которое вызывает слезы». Однако закон фактически не выполнялся с молчаливого согласия самого Константина и его преемников. Чрезвычайно показательны слова Симмаха — префекта Рима, устроившего в конце IV в. грандиозные игры. Когда ему доложили, что гладиаторы — плененные саксы передушили друг друга, чтобы не выступать на арене, он гневно воскликнул: «Я не желаю больше слышать о негодах, превзошедших злостью Спартака»¹⁵.

Но закон — пусть даже формальный — есть закон, и, вероятно, стремясь к союзу с христианскими правителями, римская сенаторская аристократия предпочитала воздерживаться от изображений гладиаторских боев на конторниатах — праздничных «сувенирах».

В заключение следует указать, что среди нерешенных вопросов, связанных с изучением конторниатов, особое внимание привлекает отсутствие сведений о них в письменных источниках. Возможно, знаки были лишь одним из вспомогательных средств в сложной борьбе язычников с христианами, о котором не считали нужным упоминать в своих произведениях апологеты обеих религий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Р. Ш е р ц л ь. Римское монетное дело. Харьков, 1893, стр. 97, 98; А. К. М а р к о в. Древняя нумизматика, ч. II. СПб., 1903, стр. 214, 215; В. К. Т р у т о в с к и й. Нумизматика, ч. I. М., 1909, стр. 114; А. Н. З о г р а ф. Античные монеты. МИА, 16, М. — Л., 1951, стр. 72.
- ² В. М. Б р а б и ч. Конторниат из собрания Эрмитажа. СГЭ, X, 1956, стр. 48, 49; О н ж е. Конторниаты из собрания Государственного Эрмитажа. ВДИ, 2, 1966, стр. 172—174; О н ж е. К изображению круга Зодиака на римских конторниатах. ИАИ, вып. IX, 1966, стр. 297—306.
- ³ A. A l f ö l d i, Die Kontorniaten, ein verkanntes Propagandamittel der stadtrömischen heidnischen Aristokratie in ihrem Kampfe gegen das christliche Kaisertum, Budapest, 1942—1943. Из новейших зарубежных работ см.: L. S a c h e r o, Sui «contorniat», «Numismatica», V/1, Roma, 1964, p. 8—21; L. S a c h e r o, Contorniat e bronzi martellati, «Italia Numismatica», 3, 1967, p. 41—42.
- ⁴ Из пятнадцати конторниатов, хранящихся в отделе нумизматики Эрмитажа, изображения различных зрелищ имеются на шести экземплярах. Для данной статьи использованы лучшие по сохранности знаки, известные прежде всего по корпусам Ж. Сабатье (J. S a b a t i e r, Description générale des médaillons contorniates, Paris, 1860) и упомянутого А. Альфельди, а также один из эрмитажных конторниатов (см. табл. I, 2).
- ⁵ R. D e l b r u e c k, Die Consulardiptychen, Berlin — Leipzig, 1929, Taf. 56.
- ⁶ Так, у Вергилия относительно состязаний сказано: «... exspectent praemia palmae» — «... ожидают в награду пальмовую ветвь» (Verg., Aen., V, 70).
- ⁷ A. A l f ö l d i, op. cit.
- ⁸ Ibid., S. 37 ff.
- ⁹ De Paganis sacrificiis et templis, XVI, 10, 2 (Imp. Constantiis ad Catullinum).
- ¹⁰ Cod. Theod., XV, 7, 3.
- ¹¹ Claudian., De Fl. Mall. Theod. cons., 279.
- ¹² Salvian., Var., III, 51.
- ¹³ Цит. по статье: М. С ю з ю м о в. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточноримской империи IV в. УЗУГУ, вып. 11, 1952, стр. 86.
- ¹⁴ Salvian., De vero Indicio et provid. Dei, VII, 78.
- ¹⁵ Sym., Epist., X, 47.

КЛАД ХЕРСОНСКИХ МОНЕТ СЕРЕДИНЫ IX в.

Во время раскопок, проводившихся экспедицией И. А. Антоновой в 1964 г. на городище Херсонес, в одной из башен южной стены был найден клад, состоявший из 45 целых и двух обломков литых херсонских монет, большинство которых принадлежит к двум типам¹.

К первому относятся монеты, ранее неизвестные, с буквой П на лицевой и оборотной сторонах (диам. 12—13 мм и 14—16 мм, вес соответственно 1,2 и 1,9 г). Знаки, помещенные на монетах, истолковать пока не удалось. Памятники второго типа по изображениям сходны с изданной А. В. Орешниковым монетой с буквами П на лицевой стороне и Х оборотной, которые расшифровываются как $\rho\beta\lambda\upsilon\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\omega\nu\omicron\varsigma$. Однако по фактуре, качеству литья и диаметру (12—14 мм, вес 1,20 г) они представляют полную аналогию найденным при раскопках в Херсонесе еще не опубликованным экземплярам², на лицевой стороне которых, как и на монетах клада, помещена буква П, а на оборотной —

крест или X.

Внутри каждого типа монеты строятся в ряды, образуемые последовательностью отливки. Среди херсонских монет IX—X вв. трудно выделить экземпляры, отлитые в одной форме. Вероятно, форма изготовлялась из глины, в которой при помощи штампа с рельефным изображением выдавливались лунки-формочки, соединенные каналами (литниками), затем форма обжигалась³. Монеты, изготовленные в таких формочках-лунках, сделанных одним штампом, должны были иметь идентичные изображения, как монеты, отчеканенные общим штемпелем. Только расположение литников на монете позволяет отличить общую форму от общего штампа. Однако разный обруб литников, искажающий контуры монеты и износ формы зачастую мешают выявить происхождение монет от общего штампа или общей формы.

Форма для литья монет, так же как и для литья других изделий, составлялась из двух половин: на одной оттискивалось изображение лицевой стороны, на другой — оборотной. В случае, если верхняя и нижняя части формы не совпадали точно, монеты получались как бы склеенными из двух половинок. В процессе эксплуатации формы снашивались, иногда приходила в негодность лишь одна половина, которая заменялась новой с таким же изображением. Монеты, у которых идентична лишь одна из сторон, чрезвычайно важны для определения хронологической последовательности выпусков.

Для изготовления повторных форм могли использоваться монеты более ранних выпусков. Однако экземпляры, отлитые в новых формах, должны быть несколько мельче своих предшественников: при застывании металл «усаживается» и монеты получаются чуть меньше лунки, в которой отливаются.

Начиная со времени правления Василия I, монеты вряд ли использовались в качестве штампа, так как почти все экземпляры одного типа одинаковы по размеру. Напротив, монеты клада даже с явно идентичными изображениями можно выстроить в ряды по при-

знаку уменьшения диаметра. Не находим мы в них и многих других элементов отработанной литейной техники Херсона IX—XII вв. Проследить особенности монет данного клада легче всего на рядах, о которых говорилось выше.

Первый ряд первого типа образуют монеты 441, 443 и 444 (табл. I). Самая крупная из них, имеющая и наиболее четкое изображение, — монета 441. На лицевой ее стороне помещено П, прочерченное тонкими линиями, с верхней горизонтальной чертой, сильно выдающейся влево. На оборотной стороне буква более низкая и широкая, с таким же выдающимся влево горизонтальным элементом, как и на лицевой стороне. Лицевые стороны двух других монет стертые. На оборотной стороне экземпляра 443 поле вокруг П поднимается на высоту рельефа буквы, элементы которой расплываются и рисунок сохраняется благодаря выемке внутри П. У монеты 444 рисунок П более четкий, многие его детали близки к 441-й: выступ с внешней стороны правой черточки увеличивается, но не заплывает совсем, как на монете 443, а идущая вверх от левого конца горизонтальной черточки трещина не слилась с полем, как на 443.

Такой же ряд с постепенно стирающимся, затухающим изображением составляют монеты 421, 419, 420, 446 (табл. I). На лицевой их стороне помещено П, прочерченное тонкими линиями, на оборотной П более широкое, приземистое, в некоторых частях едва видимое. Если на первых двух монетах (419 и 421) изображения лицевых сторон мало отличаются друг от друга, то на третьей монете этого ряда (420) буква П укоротилась за счет стирания нижних концов вертикальных черточек. Постепенное ухудшение формы заметнее на оборотных сторонах монет. Правая черточка П еще слабо видна на монете 421, но уже на 419-й она скорее угадывается и полностью отсутствует на третьей монете (420) этого ряда. На четвертой монете (446) от П остались лишь левая и верхняя сильно укороченные черточки. Они образуют в центре монетного кружка знак, напоминающий букву Г. Лицевая сторона монеты стерта.

Такие большие изменения от монеты к монете в ряду и уменьшение в диаметре, прослеживаемое на монетах предшествующего ряда, наводят на мысль об употреблении для отливки данных монет мягких форм и монет в качестве штампа.

Аналогичные ряды образуют монеты того же первого типа, но меньшего диаметра. Важной особенностью данной группы является то, что П лицевой стороны вычерчено и отлито более профессионально и в лучшей форме. Оно ничем не отличается от П на монетах Михаила III⁴ и Василия I⁵. Однако П оборотной стороны прорисовано так же, как на монетах первой группы: небрежными, тонкими линиями. И если изображения лицевой стороны, стираясь, не искажаются, то изображения оборотной, так же как и на монетах первой группы, при порче формы, которая происходит очень быстро, прибрегают совершенно неожиданные начертания.

Экземпляры 429, 440 и 439 (табл. I) отлиты в одной форме, хотя на первый взгляд это относится только к монетам 429 и 440. Монета 439 обломана слева, и изображение оказалось у самого края кружка. Правая вертикальная черточка у П на оборотной стороне укоротилась из-за дефекта формы, который можно было заметить еще на монете 440. На месте конца левой черточки образовалась выемка, так что этот кончик с трудом просматривается. На лицевой стороне сильно стертое П не полностью поместилось на кружке. На оборотных сторонах первых двух монет этого ряда у края кружка слева от П виден знак, напоминающий букву О. Его можно было бы принять за начало круговой надписи. Однако такой же кружок виден на монете 445 (табл. I), на которой он находится под П и поэтому вряд ли может служить началом круговой надписи. Скорее всего это дефект формы или литья.

В ряду, состоящем из монет 422, 424, 415 и 423 (табл. I) лицевое П сильно сглажено, но сделано, по-видимому, в той же форме или тем же штампом, что и на монетах предыдущего ряда (сходные утолщения в середине вертикальных черточек). На оборотной

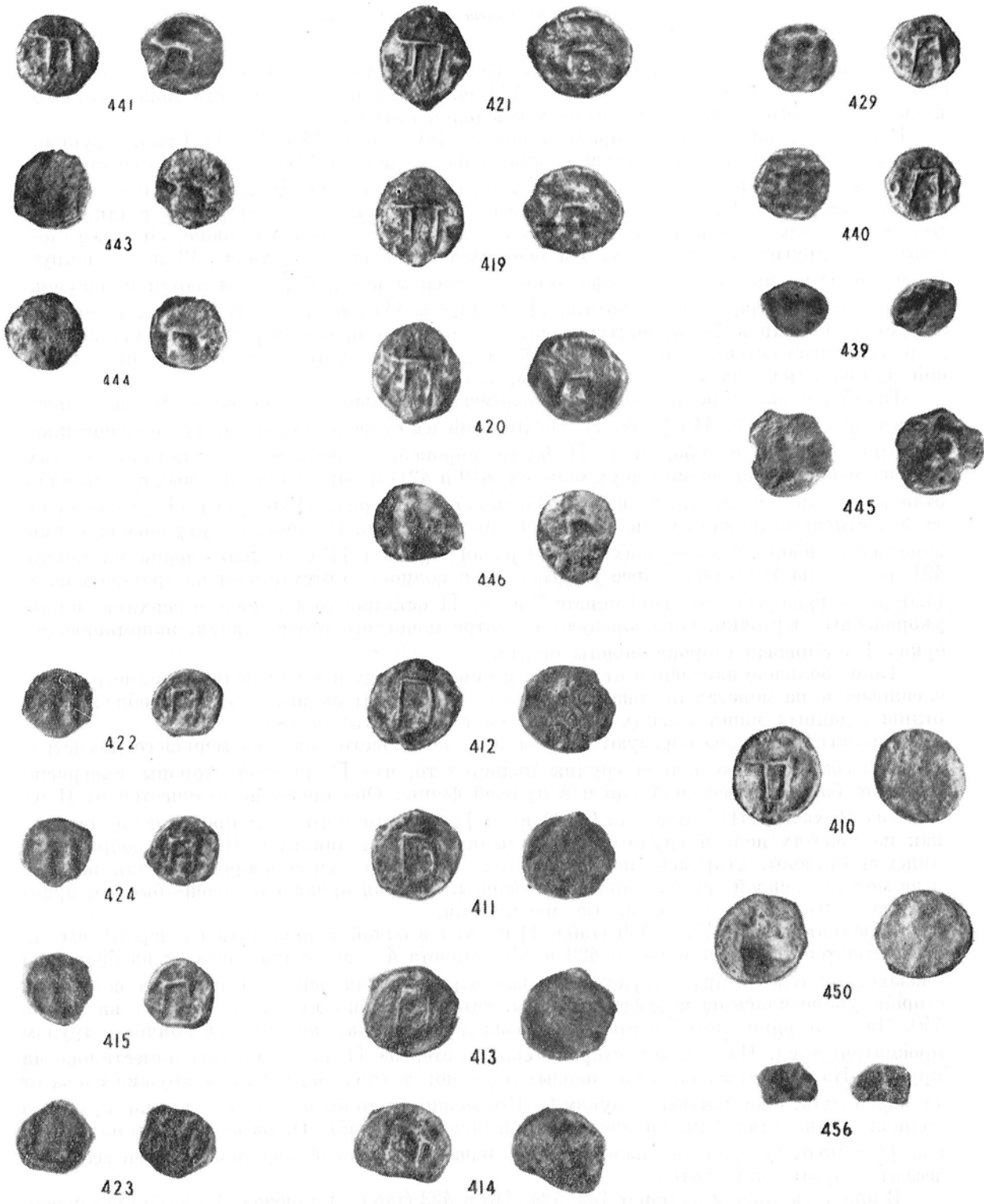

Табл. I. Монеты клада, найденного в Херсоне в 1964 г.

стороне П прочерчено тонкими линиями и, как на всех монетах с подобным изображением, быстро портится. Вмятина вокруг конца правой вертикальной черточки сравнительно небольшая на монете 422, на двух следующих углубляется и «съедает» кончик буквы. Одновременно правый край выемки и расположенного чуть выше нее углубления справа от П поднялись на высоту П, образовав фигуру, которая очень похожа по начертанию на В. На монете 423 эта фигура сливается с П, создавая впечатление монограммы ПВ.

Не ряды, а сложное разветвление образуют монеты второго типа с П на лицевой и X на оборотной сторонах. В большинстве случаев оборотные стороны их настолько стерты, что отнести монету ко второму типу можно лишь благодаря установлению связи монет по общей форме.

Лучше всех сохранилась монета 428 (табл. II), которая и позволила определить весь тип. На лицевой ее стороне помещено прекрасно выполненное П, аналогии которому находятся как на монетах второй группы первого типа, так и на уже ранее известных монетах Херсона. Обратная сторона сильно стерта, тем не менее на ней явственно проступает буква X. Аналогичные изображения имеет монета 427, обратная сторона которой отлита либо в общей с монетой 428 форме, либо в форме, оттиснутой одним и тем же штампом. Помещенная на ее лицевой стороне буква П, выполненная тонко прочерченными линиями, ближе по рисунку к буквам первой группы первого типа. У следующей в ряду монеты 417 испорчена окисью лицевая сторона, на оборотной слабо различима почти заплывшая X.

К этим трем экземплярам примыкают монета 438 и два ряда монет — 432, 447, 431, 430, 434 и 433, 436, 435, 437 (табл. II). Лицевые стороны их с буквой П в большинстве случаев не имеют общих форм или штампов. Последовательность литья и связь монет между собой определяются лишь по небольшим дефектам формы и «рисунку» оборотной стороны (чуть заметный рельеф, напоминающий букву X). На оборотной стороне монеты 438 слева у края — натек в форме запятой, который впервые можно заметить на монете 417. Этот же дефект — на монете 432. Два легких штриха, появившиеся на монете 432 рядом с «запятой», особенно четки на экземпляре 447. На сильно стертых монетах 431, 430 и 434 рисунок тот же. Однако монета 438 не является посредницей между 417 и рядом 432—434. Это две самостоятельные ветви от 417. Возможно, от одного из экземпляров названного ряда происходит ряд 433, 435, 436, 437. К сожалению, сохранность оборотных сторон, связывающих эти ряды, слишком плоха, чтобы более определенно судить об общности форм данных монет.

На всех перечисленных экземплярах второго типа бросается в глаза постепенное уменьшение диаметра и разная отчетливость лицевой и оборотной сторон. Это подтверждает мысль об использовании монет в качестве штампа при изготовлении форм. Вероятно, именно поэтому довольно трудно установить четкую последовательность в выпуске монет данного типа.

Ряды очень важны для определения типов монет: если бы их не устанавливать, многие дефекты, образовавшиеся на монетах при литье в стертых формах, можно было бы принять за различные рисунки, буквы, надписи. Так, на монете 423 порча формы привела к появлению натёка, который в соединении с П стал напоминать буквы МВ — монограмму имен Михаила и Василия на монетах Херсона. Только очевидная последовательность разрушения формы, прослеживаемая на предшествующих монетах ряда, не позволяет отнести этот экземпляр ко времени правления Михаила III. На монетах 446 и 439 сохранившаяся часть П похожа на Г или какой-то знак, смысл которого трудно уловить. Лишь монеты той же формы, но лучшей сохранности помогают уяснить его происхождение и значение. На монетах 429 и 440 можно было бы безуспешно искать продолжение или следы надписи, не будь монеты 445. Определить большинство монет второго типа удалось исключительно благодаря существованию рядов.

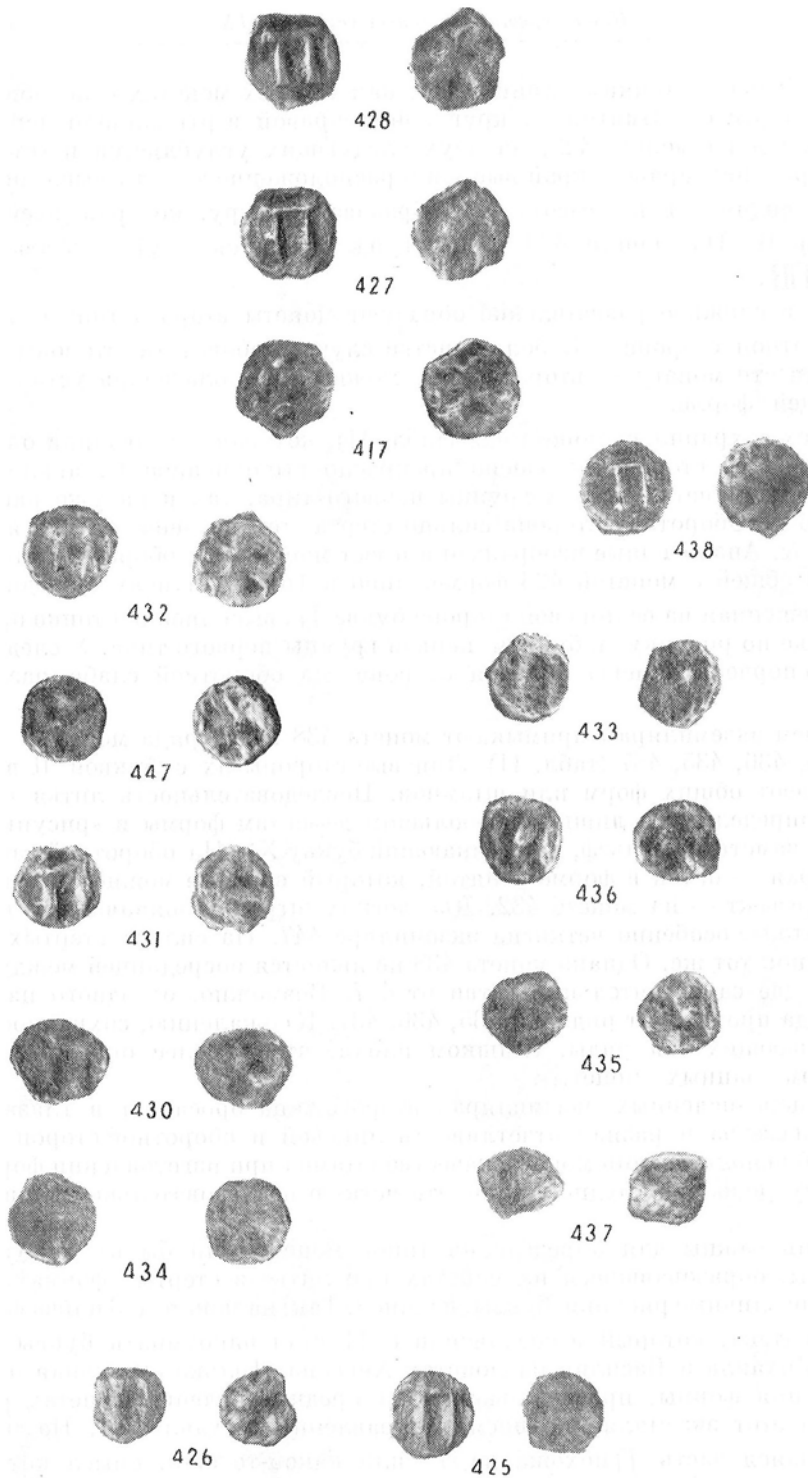

Табл. II. Монеты клада, найденного в Херсоне в 1964 г.

Раскрытие сомнительных изображений, всегда приводящее к первоначальному П или Х, позволяет предположить, что стертые монеты, которые не могут быть проверены по другим экземплярам той же формы, должны принадлежать к одному из названных выше типов. В частности, это касается ряда монет 412, 411, 413, 414 (табл. I). Все они отлиты в одной форме. Свидетельство тому — вмятина под П на лицевой стороне и две небольшие округлые вмятинки у края кружков на оборотной. Обратная сторона у экземпляров этого ряда совершенно стерта и не дает оснований определить тип монеты.

Еще одна монета вызывает сомнение — 410-я большого диаметра, с гладкой оборотной стороной. На лицевой ее стороне — знак, напоминающий трапецию. Вероятно, это то же самое П: горизонтальный элемент выдается влево, как на монетах 421, 419, 420, но концы вертикальных черточек соединились внизу благодаря порче формы.

Быстрое снашивание форм, в которых отливалось не более трех-четырех монет, указывает на несовершенство техники литья, использование мягких необожженных или плохо обожженных форм. Употребление монет в качестве штампа — явление также не свойственное отработанной литейной технике Херсона.

Казалось бы, особенности производства, а также неумелое изображение буквы П, обнаруживают работу фальшивомонетчика. Однако последний должен был бы стремиться приблизить свои произведения к оригиналу, а не изобретать новые типы. Поэтому, представляется более правильным рассматривать монеты клада как самые первые в сериях IX—X вв. Возможно, они зафиксировали момент работы над созданием образца, поиски типа новых монет Херсона.

Подтверждает такое предположение и состав клада. Выше было отмечено, что буква П на лицевой стороне монет второго типа, а также второй группы первого типа имеет близкие аналогии в изображениях на монетах Василия I⁶. Это, вероятно, дало основание А. В. Орешникову отнести известные ему монеты с буквами П — Х к периоду между правлениями Михаила III и Василия I⁷. Однако тот факт, что в публикуемом кладе нет монет с инициалами МВ, заставляет предполагать, что они еще не выпускались к моменту сокрытия клада, иными словами, монеты с буквами П — Х и П — П отливались до начала эмиссии с монограммой МВ.

Из-за спорности определения монет с инициалами МВ трудно назвать точно годы сокрытия публикуемого клада. В. А. Анохин высказал мнение, что эти монеты появились не в период совместного правления Михаила III и Василия I (867 г.), как считалось до сих пор, а в царствование Михаила III, то есть с 842 по 867 г. Буквы МВ он расшифровывает как Μιχαήλ Βασίλειος (Михаил василевс) в отличие от принятого толкования их как инициалов имен Михаила и Василия⁸.

Возможность такой трактовки обсуждалась еще Б. Кёне, который пришел к выводу, что в В нельзя видеть начальную букву титула Михаила, так как слово василевс не ставилось на монетах Херсона IX—X вв. В. А. Анохин объясняет появление В на монетах Михаила III необходимостью отличить букву М — начальную букву имени — от цифры М, помещавшейся на византийских монетах в течение трех с половиной столетий — с правления Анастасия I (491—518) до Феофила (827—842). Кажется, подтверждает рас-

шифровку В. А. Анохина и предложенное им чтение монограммы $\overset{\cdot}{\text{T}}\overset{\text{N}}{\text{H}}$ как D [ominus] N [oster,] TH [eofilus]⁹ на монете, изданной Л. Н. Беловой¹⁰.

Атрибуции В. А. Анохина привлекают прежде всего тем, что позволяют связать начало новой херсонской монетной эмиссии с важным событием в жизни города — образованием феми. Кроме того, при существующей датировке очень трудно объяснить необыкновенную интенсивность выпуска монет с инициалами МВ. Если же принять определение В. А. Анохина, цифра их среднегодового чекана становится равной соответствующим цифрам других правлений.

К сожалению, безоговорочно согласиться с В. А. Анохиным нельзя из-за недостаточно аргументированных датировок. В его статье не содержится доводов, на основании которых отвергаются соображения Б. Кёне. Между тем отказ от титулов на монетах Василия I и его преемников, если они ставились на монетах предшественников, не понятен. Еще более загадочно появление латинского языка на монете, которую В. А. Анохин относит ко времени Феофила, когда греческое обозначение титула императора прочно вошло в практику монетариев. Остался лишь специфический нумизматический шрифт, содержащий и латинские и греческие буквы. Однако и этим шрифтом имя Феофила писалось не через ТН, а через Θ. Даже на монетах, производство которых нумизматы приписывают византийским монетным дворам Италии, имя Феофила начинается с Θ. В Херсоне употреблялся греческий язык. Более того, уже в VI в. на монетах Маврикия, где имя и титул императора написаны на официальном латинском языке, место чекана обозначалось по-гречески. Чем же объяснить возврат к языку, давно вышедшему из употребления во всей империи?

Херсон, как город Византийской империи, подчинялся многим общим тенденциям развития византийского общества. Однако в силу некоторых причин он был чрезвычайно самобытным. Об этом невозможно забыть, занимаясь его монетной историей. Поэтому сравнение его монетного дела с монетным делом метрополии вполне закономерно, как закономерны и попытки найти объяснение своеобразия в особенностях развития города. Употребление латинского термина и латинского языка на монете Херсона нельзя связать

ни с влиянием Византии, ни с самобытностью города. Расшифровка монограммы $\overset{N}{\text{ТН}}$ В. А. Анохиным, хотя и очень привлекает, остается пока гипотетичной. Неопределенным вследствие этого остается и время сокрытия клада, который можно датировать 840—867 гг.

Монеты клада, подобно рассмотренным выше с монограммами МВ и $\overset{N}{\text{ТН}}$, дают некоторые основания для принятия как начальной, так и конечной из названных дат.

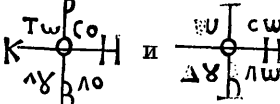
Указанное выше сходство начертания буквы П на монетах Василия I и второго типа из клада склоняет к мысли, что те и другие отделены друг от друга небольшим промежуточным временем. Однако девиз $\rho\lambda\omicron\mu\varsigma$ $\text{X}\epsilon\rho\sigma\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ на монетах без имени императора, на наш взгляд, мог быть поставлен только вскоре после образования фемы.

Херсонская фема была образована в 834 г. До этого времени городом управляли, по словам Константина Порфирородного, протевоны и архонты. Основанием для послышки стратига из Константинополя послужило высказанное строителем Саркела спафарокандидатом Петроной опасение, как бы Херсон не вышел из-под руки императора ¹¹.

Однако с организацией новой системы управления старая не исчезла полностью: «Тактиконе» Успенского — византийская «табель о рангах», написанная в 845—856 гг., — называет архонтов Херсона среди чинов третьего класса ¹². По мнению Дж. Б. Бюри, архонты — это византийские чиновники Херсона до образования фемы ¹³. Г. А. Острогорский считает их местными чиновниками, находившимися под властью стратига ¹⁴, а Е. Гликаци-Арвейлер — начальниками флота ¹⁵. Думается, что эти предположения не исключают друг друга.

В «Тактиконе» Успенского, помимо архонтов Херсона, назван стратиг Климатов, в которых все исследователи видят Крымские Климаты. Г. А. Острогорский обращает внимание на то, что стратиг Климатов стоит в первом классе наряду с прочими стратигами фем, архонты же на два ранга ниже, в третьем классе среди реально существовавших должностных лиц, подчиненных стратигу ¹⁶. Правда, в третьем классе помещены и архонты архонтий. Однако в подобном же, но более позднем источнике — «Клеторологии» Филофея, составленной в 899 г., уже отсутствуют архонты Херсона, стратиг назван стратигом не Климатов, а Херсона, а слово архонт в значении начальника византийской провинции вообще не употребляется. ¹⁷

Таким образом, к моменту написания «Клеторологии» укрепился новый порядок управления и исчезли некоторые должности, существовавшие при учреждении фемы в Херсоне. Это подтверждают и две печати, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Обе принадлежали архонтам города. На лицевых сторонах печатей помещены обычные

для VIII—IX вв. монограммы (Господи, помоги рабу твоему),

на оборотной надписи соответственно **ΓΡΗΓΟΡΙΩΒΣΠΑΦΑΡΙΩΣΑΡΧΗΧΕΡΣΟΝΟΣ** Γρηγόριῳ β(ασιλικῆ) σπα(θαρίφ) [χι] ἄρχ(οντι) Χερσόνου (Григорию, спафарию и архонту Херсона. Печать № М-912) и **ΓΡΗΓΟΡΙΩΒΣΠΑΦΑΡΙΩΣΑΡΧΗΧΕ.СΩΝΟ** Γρηγ[ο]ρᾶ β(ασιλικῆ) σπ(αθ αρίφ) [χι] ἄρχ(οντι) Χερσῶνου(ς) (Григоре, императорскому спафарию и архонту Херсона. Печать № 7989).

Эти памятники доказывают прежде всего, что слово «архонт» употреблялось в Херсоне не в значении вообще начальника, а применялось к определенному должностному лицу. Следовательно, и в сочинении Константина Порфирородного имеются в виду конкретные чиновники херсонесского самоуправления.

Все известные печати Херсона, за исключением описанных и еще двух — кира и комита, несомненно, относятся к периоду существования фемы в Херсоне. Это позволяет нам считать, что в практику херсонской администрации они вошли с момента образования фемы или перед самым ее созданием. По типу лицевой стороны печати архонтов относятся к числу наиболее ранних из всех херсонских моливдовулов, а ограниченное количество их свидетельствует о том, что архонты очень недолгое время пользовались правом ставить свои печати. Вывод, к которому приводит анализ печатей, совпадает с свидетельствами письменных источников: архонты Херсона — чиновники из горожан — после образования фемы, очевидно, продолжали существовать в качестве подчиненных стратига, однако как ответственные должностные лица вскоре были упразднены: «Клеторология» Филофея их уже не знает.

Итак, в первые годы после образования фемы в Херсоне сохранялись элементы самоуправления. Довольно скоро они были заглушены императорской администрацией, но отнюдь не уничтожены. Это засвидетельствовано не только письменными сообщениями¹⁸, но и вещественными памятниками: на оборотной стороне монет Александра (912—913) помещается тот же девиз — ПХ¹⁹.

Самоуправление — одна из черт античного полиса — города-государства. По-видимому, именно эту сторону политической жизни Херсона — известную независимость от византийского правительства — и подчеркивает девиз $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ Χερσῶνος. Монеты, на которых ставились только эти слова, без упоминания имени императора, могли выпускаться только тогда, когда власть Константинополя не окончательно укрепилась, а самоуправление играло значительную роль. Как кажется, это было время, к которому относятся печати архонтов.

Выпуск собственных монет в Херсоне — явление уникальное в истории монетного дела Византии IX в. Примерно с середины VIII в. на территории восточных провинций империи работал лишь один монетный двор — константинопольский, продукция которого отражала официальные общегосударственные идеи. Имперские монетные дворы в Италии, теснее связанные с экономикой и культурой западноевропейских стран (в оформлении монет, по метрологическим их данным), тем не менее помещали на изделиях изображения императоров, признавая тем самым свое подданство.

Парадоксально, что оригинальные херсонские выпуски для нумизматов и археологов настолько привычны, что не возникает потребности выяснять причины их своеобразия. Хорошо известно, что средневековые чеканы создавались под влиянием монет,

ранее обращавшихся на данной территории. Так было, например, в Италии, Болгарии, Сербии, Руси и т. д. Сложившееся в настоящее время представление об истории Херсона VII—IX вв. не проливает света на интересующий нас вопрос. Крупнейший знаток средневекового Херсона А. Л. Якобсон считает, что в середине IX в. город как ремесленный и торговый центр находился в состоянии глубокого упадка. «Не случайно, — замечает исследователь, — почти полностью отсутствует археологический материал, определенно датируемый VIII—IX вв.»²⁰ По мнению Д. Л. Талиса, Херсон в VII—IX вв. был лишь военно-административным и церковным центром²¹. Указанная точка зрения приводит к выводу, что никакой собственной ремесленной и художественной традиции в Херсоне первой половины IX в. не было и быть не могло, денежное обращение не существовало и существовать не могло,²² а следовательно, не мог возникнуть и оригинальный монетный чекан. Однако, вероятнее всего, и денежное обращение и ремесленное производство в Херсоне продолжали существовать. Напомню о находках в Херсоне сицилийских монет Льва V, не встречавшихся в раскопках греческих и малоазийских городов,²³ о константинопольских монетах Теофила, подтверждающих известия письменных источников о связях города с центральными районами империи в 30—40-х гг. IX в. Интересно, что в Херсоне обнаружены куфические фельсы VIII—IX вв.²⁴ К сожалению, ни один из них не определен более точно из-за плохой сохранности, а это был бы неоценимый материал для политической и экономической истории Херсона в «темные века». Хочу обратить внимание также на литые монеты, подражающие типу херсонских монет Маврикия, которые выпускались в промежуток с середины VII в. до начала новой эмиссии²⁵.

Находки на херсонесском городище монет первой половины IX в. и печатей середины IX в. доказывают, что «официальный» Херсон был знаком с художественными традициями и монетным делом Византии, а, значит, имел возможность следовать существующим образцам. В то же время печати архонтов, свидетельствующие об элементах самоуправления города Херсона, а также литые монеты, подражающие типу Маврикия, рисуют те общественные и экономические условия, в которых появились первые херсонские монеты IX в. с надписью «полис Херсон» и вся серия своеобразных литых монет IX—X вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Я глубоко признательна руководству Херсонесского музея и А. М. Гилевич за предоставленную мне возможность изучить и опубликовать данный клад. Пользуюсь также случаем, чтобы поблагодарить фотографа ЛЮИМ М. Г. Агаронян за великолепные снимки, по которым удалось «прочсть» многие из совершенно слепых монет-слиточков.
- ² Орешников, 1905, стр. 365, № 17; Орешников, Дополнение, стр. 109, № 3. Херсонесский музей, инв. № 4924 и 5116, одна монета без номера. На монетах из раскопок линии буквы X перпендикулярны, на монетах клада они расположены не под прямым углом, что и дает нам основание сравнивать их с изданным А. В. Орешниковым экземпляром.
- ³ Об употреблении твердых (каменных) форм для литья херсонских монет см.: В. И. Кадеев, Л. А. Солнцев, А. Д. Фомин. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов. СА, 1963, № 1, стр. 48; И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона. НиС, вып. 3, Киев, 1968, стр. 88, прим. 11.
- ⁴ Орешников, 1905, стр. 365, № 13.
- ⁵ Там же, стр. 365, № 18.
- ⁶ Там же, табл. IX, 18.
- ⁷ Там же, стр. 365, табл. X, 17; Орешников, Дополнение, стр. 109, № 3, табл. В, рис. 3.
- ⁸ В. А. Анюхин. Обзор монетного дела средневекового Херсона. НиС, вып. 3, Киев, 1968, стр. 103—105.
- ⁹ Там же, стр. 104, 105.
- ¹⁰ Л. Н. Белова. Незданные монеты Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 328, 329.
- ¹¹ Constantine Porphyrogenitus, De administrando imperio, Budapest, 1949, ed. Gy. Moravcsik — R. J. N. Jenkins, cap. 42, p. 182—184.
- ¹² Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. ИРАИК, т. III, 1898, стр. 109 и сл.; Г. А. Оргорски. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича. Сборник радова Византологического института, т. 2, Београд, 1953, стр. 39 и сл.

- ¹³ J. V. Burgu, *The Imperial Administrative System in the Ninth Century*, London, 1911, p. 13.
- ¹⁴ Г. А. Острогорски, ук. соч., стр. 42, 43.
- ¹⁵ H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r, *L'administration militaire de la Crète byzantine*, «Byzantion», XXXI, 1, p. 218.
- ¹⁶ Г. А. Острогорски, ук. соч., стр. 43.
- ¹⁷ J. V. Burgu, *op. cit.*, p. 140—142.
- ¹⁸ См. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, М. — Л., 1950, стр. 19, 20.
- ¹⁹ Орешников, 1905, № 31.
- ²⁰ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, М. — Л., 1959, стр. 52.
- ²¹ Д. Л. Талис. Вопросы периодизации Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, т. XVIII, М., 1961, стр. 64.
- ²² Я отнюдь не отрицаю периодов спада и подъема экономики (и денежного обращения) вообще. Поскольку Херсон не прекращал своего существования, а продукты, по словам самого Д. Л. Талиса (ВВ, т. XIX, М., 1961 стр. 246), ввозил из Малой Азии, для меня становятся непонятными слова «глубокий упадок», «город в социально-экономическом смысле» и т. д.
- ²³ I. V. S o k o l o v a, *Les monnaies siciliennes du IXe siècle des fouilles de Chersonèse*, *Atti di Congresso internazionale di numismatica*, Roma, 1965, p. 565—570.
- ²⁴ Херсонесский музей, инв. № 1477, 3363, 4468, 4469/15, 4462, 4613, 4705. Определение А. А. Быкова.
- ²⁵ И. В. Соколова. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму. ВВ, т. XXIX, М., 1968, стр. 257—261; В. А. Анохин, ук. соч., стр. 102, 103.

О ХАЗАРСКОМ ЧЕКАНЕ VIII—IX вв.

Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов

За последние десятилетия советские и зарубежные археологи и историки уделяли большое внимание проблемам салтово-маяцкой культуры и Хазарского каганата. Вопросы его границ, этнического состава населения, политического и социального строя, занятия жителей, экономики получили широкое освещение благодаря изучению археологических материалов и письменных источников. Однако из поля зрения авторов даже наиболее крупных работ совершенно выпал такой важный вопрос, как денежное обращение, впервые поставленный около семидесяти лет назад, в 1902 г., Э. Цамбауром, который позднее дважды к нему возвращался.

Э. Цамбаур считал, что «хазары — это хитрый торговый народ, у которого должны были существовать организованные монетные дворы, изготавливавшие подражания большей частью саманидского типа, сбываемые потом несведущим славянским купцам»¹. Однако Э. Цамбаур не дал никаких нумизматических доказательств, не описал и не воспроизвел ни одной монеты. Впоследствии он только прибавил, что «многочисленные в русских кладах подражания куфическим дирхемам, несмотря на отличную техническую выделку и полное незнание куфического шрифта, так неправильно относят к волжским болгарам»².

Т. И. Арне (1914) поддержал исторические доводы Э. Цамбаура, указав на большую, чем у болгар, склонность хазар к торговле и большую их культурность. Однако отсутствие нумизматических доказательств у Цамбаура не прошло мимо внимания Арне и он закончил словами: «Может быть, ученые будущего докажут, что Э. Цамбаур прав»³. Категорически не согласился с Э. Цамбауром Р. Р. Фасмер, отметив, что подражаний саманидским дирхемам, чеканенным в Итиле неизвестно, а на подражаниях с именем саманида Насра обозначены волжско-болгарские города Сувар и Булгар⁴.

Из современных советских исследователей только В. Л. Янин и В. В. Крпоткин коснулись вопроса о хазарском денежном обращении. В. Л. Янин (1956) отрицал существование не только хазарских монет, но и какого-либо денежного обращения в каганате⁵. В. В. Крпоткин присоединился к мнению Э. Цамбаура и даже пытался внести некоторые дополнения. Из его слов, однако, совсем не ясно, какой тип подражаний из нескольких десятков, имевшихся в Безлюдовском кладе X в., он считает хазарским⁶. Мнение автора настоящей статьи, посвятившего развернутое исследование этому кладу, совершенно иное. Пока нет никаких данных, позволяющих относить какие-либо из этих подражаний к Хазарии ни IX, ни X в.

При таких обстоятельствах особенно привлекает внимание клад куфических монет, найденный в 1939 г. в Коротоякском районе Воронежской области, поблизости от с. Девица при реке того же названия. Помимо серебряного перстня с гладкой сердоликовой вставкой и нескольких серебряных украшений от поясного набора, клад содержал 299

Табл. I. Необычные дирхемы Девицкого клада.

Рис. 1. Дирхем с именем ал-Ма'мун и обозначением Мадйнат ас-салам, 103 г. х. (Увеличено).

целых и 24 обломка серебряных куфических монет, переданных в Государственный Эрмитаж. Украшения и перстень остались в Воронежском музее.

Древнейшая монета клада — сасанидская драхма Хосрова I 21 г. правления (551 г. н. э.), самые поздние — аббасидские дирхемы халифа ал-Му'тасима, чеканенные в 223 (837/38) г. В клада, кроме упомянутых, оказалось 86 очень странных монет, на первый взгляд не отличающихся от обычных аббасидских дирхемов. Но внимательное изучение обнаруживает явное типологическое несоответствие их лицевых и оборотных сторон. Поражает невозможное сочетание мест чеканки, дат и центральных легенд оборота. Кроме того выявляются многочисленные погрешности в надписях: пропуски букв, лишние знаки и слова, перестановки букв, неудачные начертания. Всего среди этих 86 монет насчитывается 12 различных типов. Для иллюстрации их своеобразности достаточно указать несколько экземпляров.

1. Ал-Ма'мун. Мадйнат ас-салам. 103 г. (Тип Ia; табл. I, рис. 1).

2. То же, но 104 г. (Тип Ib).

Как известно, в 103 и 104 (721/22 и 722/23) гг. еще правил омайядский халиф Йазид II, Багдад же был основан лишь в 145 (762/63) г., а ал-Ма'мун приступил к правлению в 195 (813) г.

3. Мадйнат Сарканд (вм. Самарканд), 108 г. (Тип II; рис. 2).

На монете снова омайядская дата — халифа Хишамы (105—125/724—743), а на обороте имя аббасида ал-Махдй, который упомянут как наследник престола, что встречается на аббасидских дирхемах с 145 (762/63) г. При этом в имени ал-Махдй грубая ошибка — ал-Мадй, а в слове единиц переставлены две первые буквы — «мс'н» вместо «см'н».

4. А-Мухаммадйа (вм. ал-Мухаммадйа), 150 (767/68) г. (Тип VIII; табл. I, рис. 3).

Оборотная сторона типа ранних дирхемов ал-Мансӯра (754—775) с изображением

отнюдь не свойственного для аббасидских монет украшения √.

Надписи на этих четырех дирхемах, как и остальных 82, грешат пропусками букв или их перестановкой, даже наличием лишних букв или слов, избылируют и каллиграфическими неудачами.

Просмотр корпуса халифских монет В. Т. Гизенгаузена ⁷, каталога К. И. Торнберга ⁸ и некоторых других работ показал, что многие экземпляры, подобные 86 обнаруженным в Девицком клада, встречались и раньше. Третья из упомянутых монет — изданная, но иначе определенная К. И. Торнбергом, судя по данному им воспроизведению, оказалась чеканенной той же парой штемпелей, что и экземпляр Девицкого клада ⁹.

Рис. 2. Дирхем с обозначением Мадѣнат Сарканд (вместо — Самарканд), 108 г. х. (Увеличено).

Рис. 3. Дирхем с обозначением а-Мухаммадѣйя (вместо — ал-Мухаммадѣйя), 150 г. х. (Увеличено).

Рис. 4. Поддельный аббасидский дирхем с именем халифа ал-Махди и обозначением Мадѣнат ас-салѣм (Багдад), 162 г. х. (Увеличено).

Монеты, подобные изучаемым, признавали всегда аббасидскими, невзирая на ошибки и несуразности, которых не замечали или считали случайными. Трудно поверить, чтобы с аббасидского монетного двора выпустили монету с ошибкой в имени правителя или в названии города, или даже с датой, предшествующей его основанию.

Почерк изучаемых дирхемов, бесспорно, похож на почерк аббасидских монет второй половины II (VIII) в., что тоже послужило в прошлом причиной причисления их к аббасидскому чекану. Однако при ближайшем рассмотрении почерк девичьих дирхемов совсем иной. Как показало сравнение нескольких сотен аббасидских монет с девичьими, почерк последних лишен четкости, ровности и уверенности, присущей почерку легенд на аббасидских монетах, сохраняющему одинаковые формы букв в одинаковых положениях. Для 86 девичьих экземпляров характерно отсутствие единообразия в начертании букв, неточности резца — *лам-алифы* на лицевой стороне монет I и II типа, обнаруживающие недостаточную изощренность мастера, а иногда и большую его привычку к рукописному почерку. Пропуск *алифа* в «*дйини-л-хаки*» круговой легенды оборота на ряде монет позволяет заключить, что мастер в данном случае руководствовался слуховым, а не зрительным впечатлением. Имеются и другие недочеты, указывающие на малую искусственность резчиков штемпелей, которых нельзя все же упрекнуть в незнакомстве с арабским языком и куфической письменностью.

Обращает также внимание случайное сочетание друг с другом штемпелей лицевых и оборотных сторон без всякого учета исторических фактов.

Дирхем с обозначением — «ал-Мухаммадийа, 150 г.» и со знаком Ψ на лицевой стороне встретил Р. Р. Фасмер при обработке Кохтлаского клада 1923 г.¹⁰ Заметив ряд несуразностей в типе и легендах монеты, он отнес этот экземпляр и несколько других дирхемов с тем же знаком к «монетам неофициальных монетных дворов, т. е. к поддельным того времени»¹¹. В краткой предварительной заметке о составе Девичьего клада, автор

настоящей статьи совершенно так же определил имевшиеся в кладах дирхемы со знаком Ψ и обозначением — «ал-Мухаммадийа, 150 г.»¹² Однако впоследствии в собрании Государственного Эрмитажа ему посчастливилось найти несколько «настоящих», поддельных аббасидских динаров и дирхемов. Все они оказались сделанными из меди, а затем позолоченными или покрытыми тонкой серебряной пластинкой (плакированы). Один дирхем, якобы халифа ал-Махди, с обозначением багдадского монетного двора и 162 (778/79) г. особенно интересен. Верхний серебряный слой его пострадал от коррозии, и даже на фотографии ясно видна его структура. Но тип дирхема и все надписи безупречны, что и следует ожидать от действительно поддельной монеты (рис. 4).

Выполненные неопытной рукой 86 дирхемов Девичьего клада, несмотря на неодинаковую сохранность, принадлежат к наиболее тяжеловесным дирхемам VIII и начала IX в., а проба большинства из них (960, лишь 2 экз. — 916) почти не отличается от пробы аббасидских дирхемов (963—972). Все надписи на 86 девичьих монетах, несмотря на ошибки, прекрасно читаются, чего совершенно нельзя сказать о редких в кладах IX в. подражаниях. Следовательно, эти 86 дирхемов не подлинные и не поддельные аббасидские монеты, и не подражания им. Так как славяне и финны Восточной Европы познакомились с куфическими монетами в ± 800 г.¹³ отпадает возможность считать эти дирхемы их изделиями. Остается отнестись эти монеты к территории, лежащей между Кавказским хребтом и южной границей славяно-финских земель, другими словами, к Хазарскому каганату. Для такого мнения имеется немало оснований.

Клад найден примерно в 5 км от впадения реки Девичы в Дон, судя по карте Хазарии, опубликованной М. И. Артамоновым¹⁴, в центре северной окраины каганата. Среди изучаемых 86 дирхемов преобладающее число — 76 экземпляров (типы II, IV и XI) — чеканены всего тремя парами штемпелей, одним штемпелем лицевой стороны чеканены 31 экземпляр (типы III и IV) и оборотной стороны — 68 (типы IV и XI).

Тип Ia — 1 экз.	Тип VII — 1 экз.
» Ib — 1 экз.	» VIII — 1 экз.
» II — 8 экз.	» IX — 1 экз.
» III — 1 экз.	» X — 1 экз.
» IV — 30 экз.	» XI — 38 экз.
» V — 1 экз.	» XII — 1 экз.
» VI — 1 экз.	

---

86 экз.

Учитывая эти обстоятельства, приходится заключить, что место производства монет находилось не очень далеко от места находки клада, т. е. в Хазарии.

На хазарское происхождение указывает и знак Ψ , изображенный на 42 экземплярах.

Названный Р. Р. Фасмером «веткой», он напоминает рунические знаки Υ Υ Υ на керамике, найденной при раскопках в Саркеле. Точно такого же знака, как на монетах, среди них нет. А. М. Щербак отмечает, что многочисленные денежные знаки тюркских народов составляют особое ответвление рунических знаков, служивших для обозначения собственности (фамильные знаки)¹⁵. Думается, что знак Ψ на монетах является именно таковым, своего рода хазарской тамгой.

Необходимо еще напомнить о существовании дирхемов, носящих прямое указание на их хазарское происхождение. Таких не нашлось в Девицком кладе, но известны они давно, только не сразу была раскрыта их принадлежность. Два экземпляра впервые описал

Х. Д. Френ¹⁶. В обозначении места чеканки на них, переданном словами Ψ Ψ Ψ Ψ , первое слово Х. Д. Френ, естественно, прочел как *ард* («земля»). Относительно второго заметил, что оно «допускает различные чтения..., которые было бы слишком долгом перечислять». Указав, что это слово могло бы также читаться *ал-хейр* («сад» — в частности название дворца в Самарре) свои соображения Х. Д. Френ заключает вопросом: «Что мешает, чтоб и в этом случае читать — Ард ал-Хейр?» Вопрос Х. Д. Френа стал законом для нумизматов, огрубивших в дальнейшем *ал-хейр* в *ал-хейр* («добро»). Р. Р. Фасмер, встретив дирхем с таким обозначением, проверил все возможные варианты диакритики и огласовки по трудам арабских географов, включая Якута. Не найдя никакого подходящего населенного пункта, он предложил после убедительного палеографического анализа чтение *Ард ал-Хазар* («Земля хазар») ¹⁷ (рис. 5). Под влиянием В. В. Бартольда, считавшего, что на хазарской монете должен был бы значиться Итиль, Р. Р. Фасмер, не отказавшись от своего, безусловно правильного чтения, предположил, что так арабы называли местность, в которой поселили пленных хазар¹⁸. Е. А. Пахомов, принявший чтение Р. Р. Фасмера, тщательно описал пять известных ему типов ардалхазарских дирхемов и, сославшись на сообщение ал-Баллазури о поселении пленных хазар в Закавказье, постарался уточнить местонахождение Ард ал-Хазара¹⁹.

Однако можно было бы возразить В. В. Бартольду, что далеко нередко в качестве места чеканки на куфических монетах указана область, а не город (Азербайджан, Арран, Армянийа и ряд других), а Р. Р. Фасмеру и Е. А. Пахомову, что никогда арабы, да и не только они, не называли именем побежденных врагов ни свою, ни тем более завоеванную территорию. Пример тому, хотя бы, Дербент — Баб ал-Абваб.

Типологическое несоответствие лицевых и оборотных сторон, пропуски, перестановки и лишние буквы в легендах, каллиграфические неудачи также свойственны ардалхазарским дирхемам, как и 86 исследуемым, что является весьма существенным признаком для отнесения тех и других к хазарскому чекану.

Рис. 5. Дирхем с обозначением Ард ал-Хазар, 223 г. х.
(В увеличении и в натуральную величину).

Рис. 6. Подражания кувфическим дирхемам из Девитского клада.

Нет недостатка и в экономических и исторических предпосылках. Вопрос о денежном обращении каганата, хотя бы в том виде, каким оно было в русских и финских землях, был собственно уже решен топографическими работами Р. Р. Фасмера, не успевшего только составить карты²⁰. Но даже очень неполная карта куфических находок Р. Якимовича (1923)²¹, а также карта, составленная В. В. Кропоткиным²² по трудам Р. Р. Фасмера с дополнением новых данных, подтверждают сказанное. Транзитный торговый путь через Хазарию с IX в. до 965 г. (гибель Саркела), усеявший куфическими дирхемами не только Восточную Европу, имел огромное значение. Он снабжал серебром восточных славян и финнов, а также все население Центральной и Северной Европы. Путь этот с Востока через Кавказ упоминает Ибн Хордадбех в «Книге путей и государств» (закончена между 886 и 892 гг.), в которой указывается и встречный маршрут русских купцов по Дону — «реке славян», Волге и Каспию²³.

Но и до IX в. хазары имели много случаев познакомиться с арабскими монетами. Хазары появились у северных склонов Кавказа в середине VII в., почти одновременно с арабами, завоевывавшими Закавказье. За полтора столетия арабо-хазарских войн, которые велись с переменным успехом, хазары не могли не узнать о существовании арабского денежного обращения, так как в первые же годы VIII в. возникли деятельные арабские монетные дворы в Армяннйи (Двин), Тифлисе, Барда'а и Джанзе. Письменные источники показывают, что уже в середине VIII в. хазары пользовались дирхемами для платежей. Ибн А'сам ал-Куфи рассказывает об уплате каганом 100 000 дирхемов около 760 г. в качестве приданого своей дочери, вышедшей замуж за арабского наместника Армяннйи²⁴. Известны также находки двух арабских динаров 128 (745/46)²⁵ и 143 (760/61)²⁶ гг. в пределах Хазарского каганата и небольшого клада сасанидских драхм и дирхемов самого конца VIII в. при раскопках Правобережного Цимлянского городища²⁷.

Рис. 7. Лицевая сторона подражания с руноподобным знаком. (Увеличено).

Таблица датирующих признаков хазарских монет

Типы	Даты на монетах	Датирующий признак оборотной стороны	Годы хиджры	Годы н. э.
Ia	103 (721/22)	ал-Ма'мун	192—(215)	811/12—(830/31)
Iб	104 (722/23)	то же	то же	то же
II	108 (726/27)	ал-Махди (как наследник)	145—(158)	762/63—(775)
III	119 (737)	символ веры в круге	136—(158)	754—(775)
IV	то же	Зу-р-рийасатайн (Фадл ибн Сахл)	196—(205)	811/12—(820/21)
V	125 (742/43)	символ веры в 2-х кругах	136—(158)	754—(775)
VI	142 (759/60)	то же	то же	то же
VII	144 (761/62)	символ веры в круге	то же	то же
VIII	150 (767/68)	символ веры в 2-х кругах	то же	то же
IX	то же	то же	то же	то же
X	то же	ал-Махди (как наследник)	145—(158)	762/63—(775)
XI	то же	Зу-р-рийасатайн	196—(205)	811/12—(820/21)
XII	162 (778/79)	символ веры в 2-х кругах	136—(158)	754—(775)
Обл. П/б Цимл. городища	1хх или 2хх	ал-Амин (как наследник)	179—(186)	795/96—(802)

Имелась в каганате и среда, в которой могли найтись инициаторы чеканки монет и исполнители. Арабские авторы IX и X вв. сообщают на этот счет ряд интереснейших фактов. Так, мы узнаем, что в стране было много мусульман. Толчком к распространению ислама послужило принудительное принятие его каганом в 737 г. скоро, впрочем, от него отступившимся. Но значительная часть хазарской знати предпочла язычеству новую веру, которая оказалась более подходящей к их образу жизни. Кроме того в городах большую часть населения составляли пленные, взятые во время войн с арабами. В руках мусульман главным образом была сосредоточена торговля Хазарии. Из сообщений ал-Истахрӣ, ибн Фадлана, ал-Мас'ӯдӣ и других, писавших об участии мусульман в свите кагана и в судопроизводстве, следует, что мусульманская община пользовалась в Хазарии большим влиянием. В Итиле и Самандаре имелись базары — значит не только кушцы, но и ремесленники, — мечети и мусульманские школы²⁸. Были, следовательно, и знавшие арабский язык люди, вполне возможно, читавшие и кӯфи. Из их числа, видимо, и вербовались доморощенные

Рис. 8. Руноподобный знак на фрагменте глиняного сосуда из Саркела.

хазарские монетные мастера, чем объясняется отмеченное уже техническое и типологическое несовершенство хазарских монет. Особенно хорошо показывают неопытность хазарских резчиков, может быть, даже и хазар по происхождению, их первые опыты. В Девичком кладе нашлись три экземпляра, вполне подходящие под оставленное теперь название «варварские» подражания. Кроме центральных легенд, едва ли что-либо может быть прочтено в их бесформенных надписях. Зато о хазарском происхождении монет убедительно говорит первый *лām-ālif* центральной легенды на лицевой стороне одного экземпляра, в точности повторяющий руноподобный знак на одном из фрагментов керамики из Саркела (рис. 7, 8).

Поскольку даты на 86 дирхемах Девичкого клада не соответствуют действительному времени выпуска монет, в вопросах датировки приходится опираться на вторичные признаки. Предлагаемая таблица показывает, что хазарские монеты Девичкого клада появились между 136 (754) и 205 (820/24) гг. (См. таблицу на стр. 33).

Иначе обстоит дело с ардалхазарскими дирхемами 223 (837/38) г. В становлении хазарского монетного типа, год на них, подобно обозначению места чеканки, видимо, еще один реальный элемент.

Таким образом, 3 подражания и 86 рассмотренных дирхемов Девичкого клада и ардалхазарские дирхемы 223 (837/38) г. представляют три естественные стадии в развитии хазарского монетного дела, известные уже по истории денежного обращения средневекового Востока. Именно так развивалось оно в VII—VIII вв. в Согде, начавшем со слепого подражания китайским цяням династии Тан и постепенно создавшего собственный оригинальный тип монет²⁹. Тем же путем в X в. шло создание монетного типа Волжской Болгарии, также начавшей с бездумного повторения типа саманидских дирхемов, сперва даже с именами саманидского эмира и с обозначением саманидских монетных дворов³⁰.

Трудно сказать что-либо определенное о фактическом месте производства хазарских монет. Можно предположить, что монетный двор хазар помещался в столице каганата Итиле, находившемся в дельте Волги. Раскопки, однако, не обнаружили никаких следов города, давно, видимо, унесенных волжскими водами в Каспийское море в связи с его обмелением и передвижением устья Волги к югу³¹.

Хорошо известно, что глава Хазарского государства и ближайшая к нему знать приняли иудейскую веру по новейшим исследованиям, основанным на версии ал-Мас'уди, во времена халифа ар-Рашида (786—809)³². Ардалхазарские дирхемы 223 (837/38) г. показывают, что на монетном деле Хазарии не отразились ни принятие иудаизма, ни междоусобная война в каганате в начале IX в. Как долго существовал хазарский чекан и не связана ли судьба его с гонением на мусульман в Хазарии, о котором ал-Бал'азури³³ упоминает под 240 (854/55) г.? На эти и ряд других вопросов, нужно думать, ответят, и как всегда неожиданно, новые монетные находки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ E. Z a m b a u r, Orientalische Münzen in Nord- und Osteuropa, «Monatsblatt der Numismatischen Gesellschaft in Wien», Bd. V, 1902, S. 374.

² E. Z a m b a u r, Die Münzen der Chazaren, «Monatsblatt der Numismatischen Gesellschaft in Wien», Bd. VIII, 1911, S. 313—315.

³ T. J. A r n e, La Suède et l'Orient, Upsal, 1914, p. 86—87.

⁴ P. P. Ф а с м е р. О монетах волжских болгар X в. Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, т. XXVIII, вып. 1. Казань, 1926, стр. 40, 45.

⁵ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 116, 117.

⁶ В. В. К р о п о т к и н. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 120, 121.

⁷ В. Г. Т и з е н г а у з е н. Монеты Восточного халифата. СПб, 1873.

⁸ C. J. T o r n b e r g, Numi Cufici Regii numophylacii Holmiensis quos omnes in terra Sueciae repertos digessit et interpretatus est, Upsaliae, 1848.

⁹ Ibid., p. 19, tab. II, 42.

- ¹⁰ W. Anderson, Der Chalifenmünzfund von Kochtel. Mit Beiträgen von R. Vasmer, Dorpat, 1926, S. 72—73, Nr. 199 (410), Taf. IV, 35.
- ¹¹ Ibid., S. 73; Р. Р. Фасмер. Завалипинский клад куфических монет VIII—IX вв. ИГАИМК, VII, вып. IV, Л., 1931, стр. 10.
- ¹² А. А. Быков. Новая находка куфических монет, КСИИМК, XIV (1941), стр. 119.
- ¹³ Р. Р. Фасмер. Завалипинский клад..., стр. 13; Он же. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия АН СССР, 1933. Отделение общественных наук, стр. 478.
- ¹⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 424.
- ¹⁵ А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. ЭВ, XII (1958), стр. 56.
- ¹⁶ В. Г. Тизенгаузен, ук. соч., № 1854 и 1855.
- ¹⁷ W. Anderson, Der Chalifenmünzfund von Kochtel..., Nr. 208, Taf. IV, 39.
- ¹⁸ Ibid., S. 79—90.
- ¹⁹ Е. А. Пахомов. Монеты Азербайджана, вып. II. Баку, 1963, стр. 129—132.
- ²⁰ См. прим. 13.
- ²¹ R. Jakimowicz, Über die Herkunft der Hackisilberfunde, «Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum», Rigaе, 1923, VIII, 1930, S. 251.
- ²² В. В. Кропоткин, ук. соч., стр. 132.
- ²³ П. Г. Булгаков. Книга Путей и Государств Ибн Хордэбеха. Палестинский сборник, вып. 3, (66), М. — Л., 1958, стр. 136; А. Мез, Die Renaissance des Islams, Heidelberg, 1922, S. 443; И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV. Арабская географическая литература, Л., 1957, стр. 149.
- ²⁴ А. Н. Кугат, Abū Muḥammad bin A'sam al-Kūfi'nin «Kitāb al-Futūh'u». Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi, VII (1949), № 2, p. 272.
- ²⁵ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, стр. 136, № 5.
- ²⁶ А. А. Быков. Денежное обращение Хазарии в VIII и IX вв. «Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы», т. III (в печати).
- ²⁷ Среди обломков последних оказалась также половинка хазарского дирхема.
- ²⁸ А. А. Быков. Денежное обращение...
- ²⁹ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, вып. VI, стр. 7, 8, и другие работы того же автора, особенно «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» (в печати).
- ³⁰ Р. Р. Фасмер. О монетах Волжских болгар X века. Изв. Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете. Казань, 1926, т. XXXIII, вып. I, стр. 29—60; С. А. Янина. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в., МИА, № 111, М.-Л., 1962, стр. 192.
- ³¹ М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 390, 391, прим. Л. Н. Гумилева; Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии, М., 1966.
- ³² М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 266—268.
- ³³ [Al-Belādsorī], Liber expugnationis regionum, auctore Imāmo Ahmed ibn Jahja ibn Djābir al-Belādsorī, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici edidit M. J. de Goeje, Lugduni — Batavorum, 1866, p. 203.

МЕДЬ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ЧЖУРЧЖЕНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ (1115—1234 гг.)

Медная монета чжурчженей, по существу тот же китайский цян, в русской литературе обычно называется «чох». Принятый в трудах английских исследователей термин «cash» происходит от названия малакской монеты «саиха», известной португальцам с 1511 г., а французский «сарèque» созвучен наименованию тонкинского номинала «сарек». Употребление малайских слов для обозначения китайских монет в европейской литературе объясняется тем, что раньше малайцы были главными посредниками в торговле между Дальним Востоком и Западом¹.

Медные цзиньские монеты сохранили традиционную форму китайского цян — круглой монеты (диам. ок. 23 мм, вес ок. 3 г) с квадратным отверстием посередине, предназначенным специально для нанизывания монет в связки. Легенда также состоит из четырех рельефных иероглифов, расположенных по сторонам отверстия. Внешний край монеты и внутреннее отверстие как на лицевой, так и на оборотной стороне снабжены уплощенным ободком, выступающим над иероглифами легенды для предохранения их от стирания. Такая форма в наибольшей степени отвечает назначению монеты. В Китае с момента возникновения денег шел поиск типа монет, наиболее удобных для ношения в связках. Еще монеты в форме ножей, лопат, мотыг изготовлялись с небольшим ушком или отверстием. Затем стали отливать круглые монеты, сперва с круглым отверстием, и наконец, с квадратным. У монет, соединенных в связки, очень быстро стирается легенда как наиболее выпуклая часть поверхности. Поэтому еще циским ножам придавали рельефную «точку», значительно возвышающуюся над иероглифами легенды. Иногда шли по другому пути. Например, некоторые баньяны, круглые цинские монеты, несут на себе нарочито массивные выпуклые иероглифы, более стойкие к стиранию. Однако победила первая тенденция — предохранять надпись с помощью рельефной детали, не имеющей смысловой нагрузки. Так появился рельефный ободок. Из четырех иероглифов, составляющих легенду, первые два означают, за редким исключением, девиз правления, т. е. время выпуска монеты, а два последние — одно из многочисленных в китайском языке обозначений денег.

На всех выпущенных при Цзиньской династии монетах в легенде указан девиз правления. Легенды начинаются с иероглифа, расположенного в верхнем поле. По способу чтения различаются два вида легенд: одни читаются по часовой стрелке, другие — крестобразно, т. е. после иероглифа верхнего поля следует иероглиф нижнего поля, затем — правого и, наконец, — левого поля. Обратная сторона цян, как правило, гладкая. Однако в чжурчженской монетной системе, так же как и в китайской, бывали исключения. На оборотной стороне чжурчженских монет отдельные иероглифы уточняют год выпуска монеты, встречаются знаки, которые истолковывают как чжурчженские письма, имеются и еще не расшифрованные надписи. Единицей денежного обращения, как и в Китае, была не отдельная монета, а связка монет. Единичная монета обладала недостаточной ценностью для широкого самостоятельного обращения.

Интересные данные об отношении к монете в средние века дают новейшие раскопки Шайгинского городища чжурчженского времени в долине реки Сучан, производимые археологической экспедицией Дальневосточного филиала АН СССР под руководством Э. В. Шавкунова². На городище, где вскрыты рядовые жилища ремесленников, найдены игрушки, сделанные из монет. Две монеты, крупная и мелкая, соединенные железным стерженьком и, по-видимому, обшитые кожей, по предположению Э. В. Шавкунова, служили биткой для подкидывания ног. Другие монеты, которым намеренно была придана куполообразная форма, судя по аналогичным железным предметам, употреблялись для закрепления снизу деревянных черенков ножей. Использование монет для такого рода мелких поделок свидетельствует о невысокой ценности, которую они имели в глазах населения. И это понятно: стоимость каждой монеты определялась заключенными в ней тремя граммами меди.

Другой пример — из литературы: китайский поэт Ван Юй-Чэн (954—1004), желая создать образ самого последнего нищего, вынужденного с семьей покинуть родные края и скитаться на чужбине, пишет:

...Печальный вдовец... В серебре голова,
Давно уже бродит, видать, без приюта;
С ним дряхлая мать, — чуть, больная, жива, —
Да плачут от холода трое малюток.
В котомках у нищих — ни доу зерна,
Сто чохов едва наберется в кармане...³

Вероятно, сто цяней представлялись современникам совсем ничтожной суммой. По-видимому, относительная дешевизна товаров первой необходимости и бедность широких слоев населения способствовали распространению монет минимальной стоимости, которая как нельзя более соответствовала потребностям самого мелкого товарооборота.

Археология свидетельствует, что первые связки в Китае, еще не медных монет, а раковин-каури, появились в эпоху Инь (1766—1122 гг. до н. э.)⁴. Известные по письменным источникам связки датируются раннежоуским временем: «Ван Цзян одарил Лина раковинами — десять связок...»⁵ Способы соединения монет в связки и размер последних менялись с течением времени.

О связках периодов Юань и Мин (XIII—XVII вв.) можно судить по их воспроизведениям на ассигнациях. На бумажных деньгах, кроме иероглифической надписи номинала, помещали изображения связок в количестве, соответствующем стоимости данной купюры⁶. Для домонгольского времени известен еще один вид связки. На гравюре из Хара-Хото изображен тангутский чиновник, у его ног — связка, состоящая из пяти столбиков монет на пяти отдельных низках, соединенных наверху в пучок. Снизу каждая низка закреплена узелком. Одновременно, как правило, ходили связки нескольких достоинств. Есть точное описание китайской связки XIX в. «Для удобства счета чохи нанизывают столбиками, разделенными узелками и перехватами веревочки. Во всякой связке шесть таких столбиков, по три с каждой стороны: крайние (верхние) по 49 монет (100 номинальных чохов), остальные по 98 (200 номинальных чохов) $4 \times 200 + 2 \times 100 = 1000$ »⁷.

О количестве монет в связках более раннего времени сохранились сведения в письменных источниках.

В эпоху Тан в 821 г. была декретирована связка в 920 цяней, а к концу династии в связке насчитывалось только 850 цяней. В период Пяти династий в 927 г. в связке было 800 монет, а в 948 г. — только 770. При Сунах в 983 г. по рекомендации управляющего финансами Цзяннани Чжан Ци-цюаня за 1000 принимали 770 монет⁸. И, наконец, в чжурчженском государстве 88 цяней считались сотней⁹.

Основой денежной системы чжурчженского государства служила медь, т. е. медь была товаром, играющим роль всеобщего эквивалента, выполняющим функции меры стоимости. Такая роль меди резко отличает дальневосточную денежную систему от европейской, в которой счет шел на серебро или золото. В Европе медные деньги рассматривались как кредитные. Попытка выпустить полноценную медную монету, например, в России в

1725 г. не увенчалась успехом. Русское обращение, основанное на более компактном серебре, не приняло тяжелых медных монет весом от 1,6 кг (1 рубль) до 16 г (1 копейка)¹⁰.

В государстве Цзинь распределение отдельных функций между металлами несколько иное, чем в Европе, и они по другому ведут себя в обращении. Все приведенные в источниках цены всегда выражаются в связках медных монет: «...за золоченые пояса с даосскими цветами — 17 связок 671 вэнь, за пояса с изображениями цветов лички — 17 связок 971 вэнь, за музыкальные инструменты за цзинь — 1 связку 902 вэня...»¹¹ и т. д. Интересно, что даже стоимость серебра выражается в цянях: «Расходы по содержанию пограничных гарнизонов состоят параллельно из ассигнаций и старого серебра, где каждый слиток весит 50 лян и по стоимости равен 100 связкам»¹².

Точно так же связками определяется максимум наличных денег, которые может хранить у себя частное лицо: двадцать тысяч или десять тысяч связок — для разных слоев населения суммы не одинаковы¹³. В 1198 г. был установлен закон «о хранении цяней чиновниками и народом»¹⁴. Следовательно, медные деньги признавались как средство сохранения ценностей в масштабах всего государства.

Множество фактов из династийной истории свидетельствуют о том, с какой легкостью медь-товар превращается в деньги, а деньги переплавляются и становятся обычным товаром — сырьем. Например, «... в 1191 г., в десятом месяце, приказали уменьшить цену продаваемых зеркал, чтобы препятствовать переплавке денег частными лицами»¹⁵. В денежном обращении создались условия, при которых цена меди, в изделиях и слитках, сильно превосходила цену меди в монетах, что возможно, когда ценность монет определяется стоимостью заключенного в них металла. Противоположным примером превращения товара в деньги может служить вся история отливки чжурчженских монет. В начале правления нового императора обычно начинался поиск сырья для новых эмиссий. Допустимыми мерами, кроме разработок медных приисков, считались не только добровольные продажи населением медных изделий казне, но и принудительная скупка предметов из меди у послов, возвратившихся из зарубежных государств¹⁶.

Доказательством самостоятельной ценности меди является также обычная для истории китайского монетного дела порча медной монеты государством и частными лицами, выпустившими деньги. Уменьшение веса монет или добавление к сплаву железа, или олова — привычный способ изыскания дополнительных средств в периоды обострения экономического положения¹⁷.

Подход к меди как к валютному металлу очень ярко проявляется и в объяснении, которое дается в Цзиньской династийной истории по поводу начала эмиссии бумажных денег. В 1154 г. выпуск ассигнаций «в условиях, когда было мало меди, является разумным выходом из положения»¹⁸. Совершенно ясно, что ассигнации, деньги кредитные, представляют в обращении именно медь.

Государственная монополия на отливку монет была традиционной в Китае. Еще ханьский император Уди в 112 г. до н. э. сделал литье монет государственной монополией. Частная отливка монет представляла собой краткие эпизоды в истории китайского монетного дела. Изредка право литья монеты предоставляли привилегированным особам.

С самого начала эмиссии собственных денег цзиньский император следовал исключительно праву государства на отливку монет. Династийная история оправдывала это решение ссылкой на опыт предшествующих китайских династий и заботой о качестве монеты, которую при частной отливке «подлые людишки, стремясь к наживе, делают все более тонкой и плохой»¹⁹. Принимая во внимание данное объяснение, нельзя упускать из виду, что власти преследовали еще и фискальные цели, объявляя литье монеты своей прерогативой.

Общий дефицит меди, характерный для Сунского Китая, сказался и в эпоху Цзинь. Небогатая залежами медной руды, известными к тому времени, территория Цзиньской империи, конечно, не могла снабдить казну необходимым количеством сырья. Династийная история лишь в двух местах упоминает о разработках месторождений меди: «Мы установили контроль за отливкой монет в местах, где имеется медная руда»²⁰. И еще: «Мастера плавильщики говорят: «Надо разрабатывать медную руду»²¹.

Имеется гораздо больше сообщений о запрете вывозить медь за границу и об изъятии у населения утвари из этого металла, ибо утечка его за пределы государства потенциально являлась ущербом для казны. Нарушение запрета по указу 1157 г. каралось смертной казнью²².

В 1157 г. со всей страны бронзу и медь, принадлежавшую населению, свозили в два города — Цзиньчжао и Чжунду, где отливались монеты. В 1158 г. в Чжунду учредили две монетные инспекции, восточную назвали Баоюань, западную — Баофу. В Цзиньчжао была одна инспекция под названием Лиюн²³. Все три инспекции отливали монеты *Чжэн-лун тунбао*.

В передаче легенды Цзиньская история неточна: в период Чжэнлун (1156—1160 гг.) выпускались не *тунбао*, а *юаньбао*. Эту ошибку династийной истории повторяет и энциклопедия Тушунцзичэн²⁴. Характерно, что нумизматические сочинения Ли Цзо-сяна²⁵ и Дин Фу-бао²⁶, цитируя Цзиньши, приводят правильную легенду монет, хотя и без каких-либо оговорок. Ошибка династийной истории последовала, видимо, из-за небрежности составителей, работавших в период, когда *Чжэнлун юаньбао*, выпущенные на сто лет раньше, еще были в обращении, и только спешка, в которой составлялась монголами Цзиньская история, может служить этому объяснением.

Современный автор Пэн Синь-вэй говорит о *Чжэнлун тунбао*, ни словом не упоминая о *Чжэнлун юаньбао*²⁷. Только одно китайское сочинение примиряет данное противоречие. В Цзиньшисо говорится: «Хайливан отливал деньги (девят правления Чжэнлун), были *тунбао* и *юаньбао*, два сорта»²⁸. Принимая во внимание это сообщение, мы, тем не менее, склоняемся более к мнению составителей нумизматических каталогов и энциклопедий, которые приводят изображение *Чжэнлун юаньбао* и тем самым удостоверяют существование только последних. Ни в одном сочинении *Чжэнлун тунбао* не воспроизводятся.

Эрмитажное собрание располагает 15 экземплярами *Чжэнлун юаньбао* (9 принадлежали прежде собранию Азиатского музея и 5 — бывшему собранию Е. А. Пахомова). Их легенда читается по часовой стрелке (табл. I, 1). 14 монет не несут никаких изображений на оборотной стороне, 15-я, происходящая из собрания Е. А. Пахомова, имеет обратную сторону, в точности повторяющую лицевую (табл. I, 2). Такая же монета хранится в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина.

Ли Цзо-сянь приводит вторую разновидность оборотной стороны: четыре полумесяца, по одному в каждом поле, обращенные выпуклой стороной к отверстию²⁹. Третий вариант в Косэн тайдзэн — четыре точки, или «звезды», по одной в каждом поле³⁰. *Чжэнлун юаньбао* имеет ту же стоимость, что и сунские монеты сяопин. Это наименьший номинал в китайской, а следовательно и в цзиньской денежной системе.

Вторая чжурчженская монета — *Дадин тунбао* (табл. I, 3) выпускалась в период Дадин (1161—1189 гг.), в годы царствования императора Шицзуна. За четыре года, прошедшие со времени начала сбора медной утвари у населения, в казне накопилось какое-то количество металла, ибо в 1161 г. разрешили народу держать медную утварь и чистую медь³¹. Собрав запас меди, казна стала покупать у населения различные медные вещи по твердой цене. Указ об отливке монет *Дадин тунбао* последовал в 1170 г. Началась особенно интенсивная заготовка нужного количества сырья: «Из-за нехватки меди послали чиновников по всем областям учесть и собрать медные предметы, чтобы переплавить. Медную утварь полностью сдавали в казну, платили за нее лишь половину. Не забирали только статуи Будды, чаши, ударные инструменты, музыкальные тарелки, пояса и украшения на одежде крупных сановников»³². По возможности активно разрабатывались и немногочисленные медные месторождения. «В 1174 г. послали чиновников в разные лу проверить, как обстоят дела с разработками медных руд»³³. В эти годы нашли еще один источник меди. «Ежегодно посылали за металлом ремесленников в горы, за северную границу». В результате, по подсчетам чиновников, в 1192 г. в казне создались запасы меди на десять лет вперед. Однако такой путь, хотя и был эффективным, потребовал со стороны казны слишком больших затрат. Кроме того, на границе возникали осложнения с местным населением. В конце концов приказано было прекратить походы за медью³⁴.

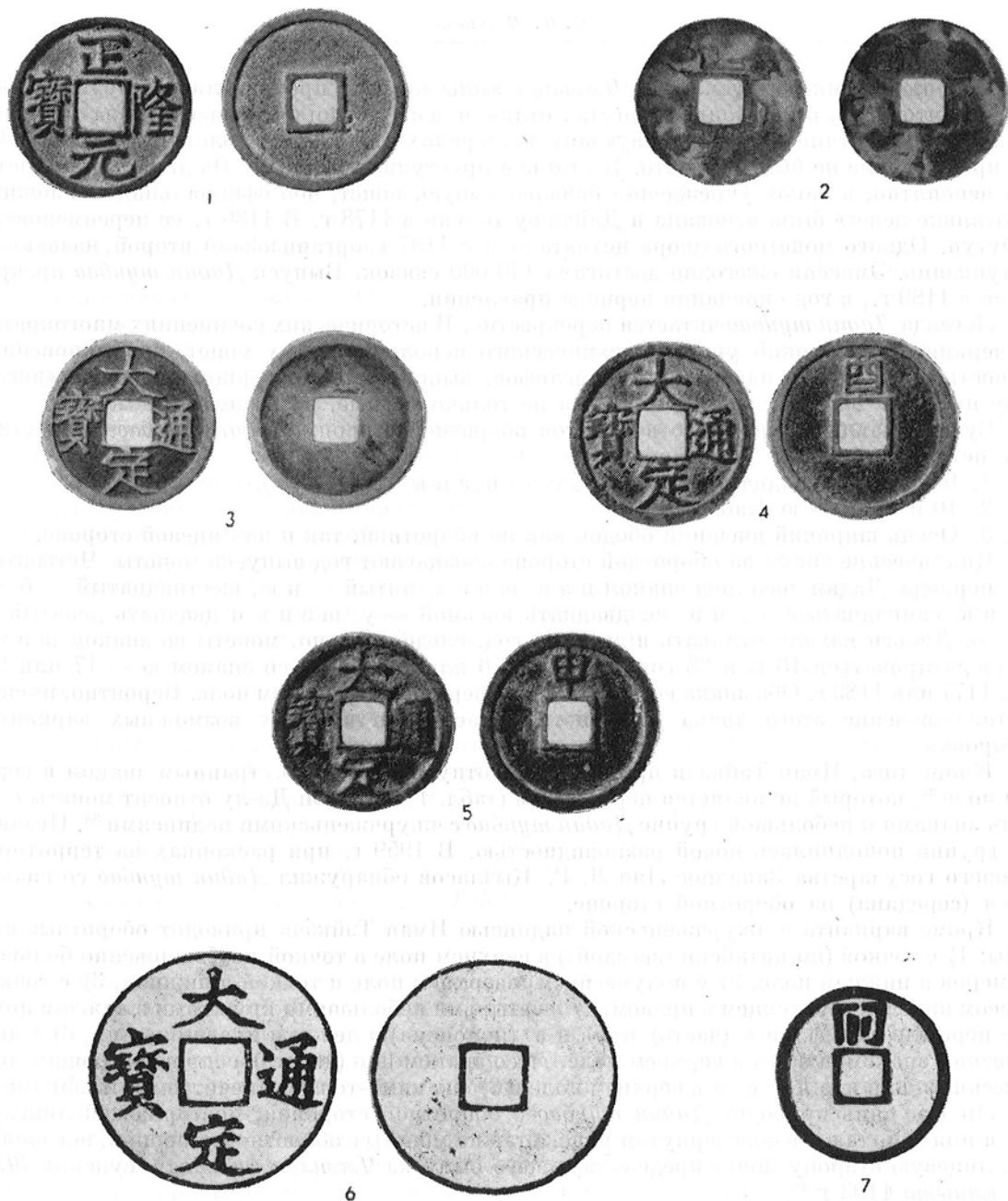

Табл. I. Монеты периодов Чжэнлун (1156—1160 гг.) и Дадин (1161—1189 гг.).

Три инспекции, выпускавшие *Чжэнлун юаньбао*, уже прекратили свое существование, так что снова встал вопрос о местах отливки денег. Канцлер высказался за то, чтобы медные деньги отливать в существующих мастерских для плавки золота и серебра³⁵. Но его предложение не было принято. К отливке приступили в 1175 г. Из династийной истории непонятно, в каком учреждении начался выпуск монет, ибо официальная «инспекция по отливке денег» была основана в Дайчжоу только в 1178 г. В 1180 г. ее переименовали в Футун. Одного монетного двора не хватало, и в 1187 г. организовали второй, названный Литунцзянь. Эмиссия ежегодно достигала 140 000 связок. Выпуск *Дадин тунбао* прекратился в 1189 г., в год окончания периода правления.

Легенда *Дадин тунбао* читается перекрестно. В исторических сочинениях многократно подчеркивается высокий уровень технического исполнения этих монет, необыкновенная точность и изящество начертания иероглифов, выполненных почерком подобным «яшмовому письму»³⁶. В этот период отливали не только медные, но и железные монеты.

Существует большое число вариантов оборотной стороны *Дадин тунбао*. Династийная история приводит важнейшие:

1. 9-й знак двенадцатеричного цикла — ш э н ь (табл. I, 5).

2. 10-й знак — ю (табл. I, 4).

3. Очень широкий внешний ободок как на оборотной, так и на лицевой стороне.

Циклические знаки на оборотной стороне обозначают год выпуска монеты. Четвертый год периода *Дадин* шел под знаком ц з я ш э н ь, пятый — и ю, шестнадцатый — б и н ш э н ь, семнадцатый — д и н ю, двадцать восьмой — у ш э н ь и двадцать девятый — с ы ю. Деньги начали отливать в десятый год, следовательно, монеты со знаком ш э н ь могут датироваться 16 или 28 годом, т. е. 1176 или 1188 г., а со знаком ю — 17 или 29, т. е. 1177 или 1189 г. Оба знака встречаются и в верхнем и в нижнем поле. Вероятно, именно местонахождение этого знака на монете и дает один из двух возможных вариантов датировки.

Кроме того, Имаи Тэйкэчи приводит оборотную сторону со странным знаком в верхнем поле³⁷, который не является иероглифом (табл. 1, 7). Чжэн Да-лу относит монеты с такими знаками к небольшой группе *Дадин тунбао* с чжурчженскими надписями³⁸. Недавно эта группа пополнилась новой разновидностью. В 1959 г. при раскопках на территории бывшего государства Западное Ляо Л. Р. Кызласов обнаружил *Дадин тунбао* со знаком чжун (середина) на оборотной стороне.

Кроме варианта с чжурчженской надписью Имаи Тэйкэчи приводит оборотные стороны: 1) с точкой (по-китайски «звездой») в верхнем поле и точкой необыкновенно больших размеров в нижнем поле, 2) с полумесяцем в верхнем поле и точкой в нижнем, 3) с точкой в левом поле и полумесяцем в правом, 4) с четырьмя небольшими кружками в каждом поле, 5) с иероглифами ф э н ь (часть) и б а н ь (половина) в левом и правом полях, 6) с циклическим знаком ш э н ь в верхнем поле, 7) со знаком ш и (десять), сопровождающим циклические знаки ш э н ь и ю в верхнем поле и 8) с какими-то вовсе нечитаемыми знаками³⁹.

Ли Цзо-сянь приводит *Дадин тунбао* с оборотной стороной, повторяющей лицевую как в прямом, так и в перевернутом виде, а также монеты с оборотной стороной, повторяющей лицевую сторону монет предшествующего выпуска *Чжэнлун юаньбао* и сунских *Шэн-сун юаньбао* 1103 г.⁴⁰

Номинал всех вышеперечисленных монет — наименьший (сяоцин). Он является основным для монет периода *Дадин*. Существование его зафиксировано династийной историей и подтверждено китайскими нумизматическими сочинениями. Сомнительным номиналом представляется данши, т. е. десятикратная стоимость (табл. I, 6). *Дадин тунбао* десятикратной стоимости крупные монеты, от 40 до 44 мм в диаметре, отличаются от обычных *Дадин тунбао* только размером и весом. На оборотной стороне те же два циклические знака в верхнем и нижнем полях⁴¹. По мнению Чжу Хо, эти монеты отлиты в 28 и 29 годах правления *Дадин*, что обозначено циклическими знаками — у ш э н ь и с ы ю, а не в 16 и 17 годах, ибо управления Дайчжоуцзянь и Цюянцзянь учредили только в 18 г., и они просуществовали до двенадцатого месяца 29 г. правления, т. е. до конца периода *Дадин*⁴².

Видимо, Чжу Хо располагает данными о том, что именно вышеуказанные учреждения отливали крупные монеты.

Ли-Цзо-сянь дает вариант оборотной стороны, в левом поле которой знак шэнь написан не вертикально, а горизонтально⁴³. Обозначение года на оборотной стороне — явление редкое в цзиньское время. Чжу Хо проводит параллель между *Дадин тунбао* и современными им монетами *Шуньси юаньбао* периода Шуньси (1174—1190 гг.) южносунского императора Сяоцзуна. На последних впервые стали обозначать год выпуска «в предупреждение подделок, которые будто бы после этой меры прекратились»⁴⁴. На южносунских монетах год ставился прописью. Чжурчжени, заимствовав этот прием, внесли в него своеобразие, отмечая дату не порядковым номером года правления, а циклическим знаком. Надо полагать, рынок безразлично относился к знакам на оборотной стороне, и на стоимость денег последние влияния не оказывали.

Существование крупных денег в период *Дадин* признается не всеми авторами. Пэн Синь-вэй не упоминает о них при перечислении номиналов данного периода⁴⁵. Чжэн Да-лу прямо указывает, что таковых в период *Дадин* не отливали.

Еще одним сомнительным номиналом данного времени является чжээр, т. е. монеты двукратной стоимости. Династийная история не уточняет номиналов в период *Дадин*, а мнения китайских авторов по этому поводу расходятся. Пэн Синь-вэй признает их существование безоговорочно, за ним следует Чжу Хо. Наиболее вероятной представляется точка зрения Чжэнь Да-лу, который не возражает против существования *Дадин тунбао* чжээр, но считает, что они не принимали участия в денежном обращении. По размеру они несколько больше обычных денег (30 мм в диаметре) и имеют очень широкий внешний ободок на обеих сторонах. От обычных денег они отличаются своим цветом. Однако монеты эти не серебряные, а сделаны из белого сплава, основным компонентом которого является все-таки медь. В народе они получили название серебряных *Дадин тунбао* с широким ободком. Они принадлежат к разряду так называемых дворцовых денег, широко распространенных, начиная с эпохи Сун и использовавшихся как подарки, которые в силу низкой фактической стоимости, видимо, служили только знаком милости. Иногда дворцовые деньги бывали атрибутами празднеств в новогоднюю ночь.

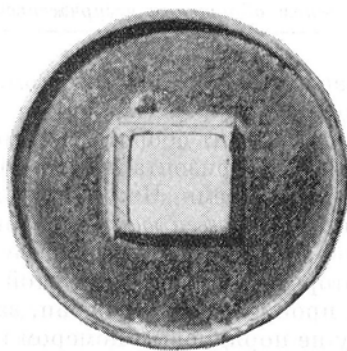
Последний номинал *Дадин тунбао* — чжэсань, монета трехкратной стоимости, известная по сообщениям Дин Фу-бао⁴⁶ и Чжу Хо⁴⁷.

Следующей монетой в Цзинь была *Тайхэ тунбао* периода Тайхэ (1201—1208 гг.). Недостаток медных денег в казне ощущался уже в первые годы правления. В условиях начинающейся инфляции бумажных денег власти готовы были на решительные действия ради расширения выпуска медных денег, чтобы поддержать колеблющийся курс ассигнаций. Как уже было отмечено, перед каждым выпуском начинался усиленный поиск сырья. В 1204 г. народ опять должен был сдавать медную и бронзовую утварь, но в этот раз требовалось еще и переплавлять ее, так как государство принимало металл только в слитках⁴⁸. Срок сдачи меди равнялся всего двум месяцам; ослушавшихся бросали в тюрьмы. Отливка монет вновь началась в том же 1204 г.

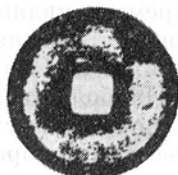
В этом выпуске представлены все номиналы: сяопин, чжээр, чжэсань и данши. Легенда перекрестная. Надпись сделана уставным почерком кайшу. Обратная сторона гладкая (табл. II, 2). Вариантом являются непеременимые в каждом периоде монеты, где обратная сторона повторяет лицевую⁴⁹. Имаи Тэйкэчи приводит *Тайхэ тунбао* с легендой, написанной почерком чжуань⁵⁰.

Тайхэ тунбао чжээр, монеты двойной стоимости, в диаметре на 2—3 мм больше обычных (табл. II, 3, 4). За неимением таких монет в собрании Эрмитажа невозможно говорить о разнице веса, ибо китайские сочинения никогда веса монет не приводят. Но даже по их величине можно судить, что одна монета чжээр не равна двум сяопин, и ее номинальная стоимость чрезвычайно завышена, что особенно ярко демонстрирует фискальные цели выпуска.

Как указывают Ли Цзо-сянь⁵¹ и Имаи Тэйкэчи, монеты двукратной стоимости имели оборотную сторону со знаками во всех четырех полях:

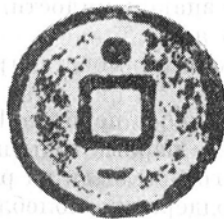
1

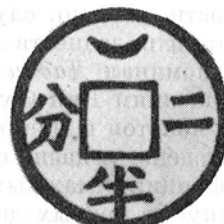
2

3

4

5

6

7

Табл. II. Монеты периода Тайхэ (1201—1208 гг.).

1. В верхнем поле — полумесяц, в нижнем — бань (половина), в правом — эр (два), в левом — фэнь (часть). (Табл. II, 5).

2. В верхнем поле — ван (князь), в нижнем — и (один), в правом — точка, в левом — полумесяц. (Табл. II, 7).

3. В верхнем поле — и (один), в нижнем — фэнь (часть), который очень плохо поддается расшифровке, в правом — эр (два), в левом — цянь (деньги). (Табл. II, 6).

Толковать надписи оборотной стороны — и фэнь эр цянь — пока затруднительно. Учитывая состояние инфляции, увеличение роли серебра в обращении в эти годы, попытки заменить или хотя бы частично обеспечить ассигнации серебром, можно предположить, что мы имеем дело с попыткой выразить в серебре стоимость медной монеты.

Эмиссия *Тайхэ тунбао*, включавшая неполноценные монеты стоимостью чжээр и чжэань, хотя и служила фискальным целям, не могла целиком покрыть потребностей казны. Когда не удалось выйти из состояния инфляции посредством выпуска серебряных слитков Чэнань баохо, казна постаралась исправить положение, начав отливать в восьмом месяце 1204 г. *Тайхэ чжунбао* десятикратного достоинства. Параллельно сокращалась себестоимость монет. Если для изготовления десяти монет ординарной стоимости, по подсчетам цзиньских чиновников, требовался один цянь, то теперь один цянь расходовался на производство ста номинальных цяней⁵².

Легенда *Тайхэ чжунбао* выполнена почерком чжуань (табл. II, 1). Обратная сторона, как правило, гладкая, но есть и повторяющая лицевую в прямом⁵³ и перевернутом виде⁵⁴. Бросается в глаза довольно большая разница диаметра у тяжелых *Тайхэ чжунбао* — от 55 до 42 мм. Вероятная причина их деградации — ухищрения казны, поставленной в стесненные условия из-за развивающейся инфляции. *Тайхэ чжунбао*, как отмечает династийная история, обращались наравне с ассигнациями.

Монеты периода *Тайхэ* являются последними, сведения о которых содержатся в династийной истории. Данные о следующих выпусках в периоды Чунцин в 1212 г. и Чжиннин в 1213 г. мы черпаем только из атласа Дин Фу-бао⁵⁵. Из него следует, что в 1212 г. выпущены монеты *Чунцин юаньбао* пятикратной стоимости — дану, легенда которых выполнена почерком чжуань (табл. III, 3). В том же году состоялся выпуск *Чунцин тунбао*, представленных двумя номиналами — сяопин (табл. III, 2) и чжээр (табл. III, 1), их легенда исполнена почерком чжэншу, обратная сторона без обозначений. Выпуск денег продолжался и в следующем, 1213 г., но под другим названием, ибо произошла смена девиза правления — изготавливались *Чжиннин юаньбао*, большие (табл. III, 4) и малые (табл. III, 5), подобные дану и сяопин предшествующего выпуска.

Почерк их легенд тот же чжэншу, обратная сторона — гладкая. Выпусками 1212 и 1213 гг. отмечено чрезвычайно напряженное время в жизни цзиньского государства, которое именно тогда подверглось нападению монголов.

В следующий период Чжэнью (1213—1216 гг.) тоже были выпущены монеты⁵⁶. Имеются сведения о двух номиналах этого выпуска — сяопин (табл. III, 7) и чжээр (табл. III, 8)⁵⁷. *Чжэнью тунбао* имеют легенду, сделанную почерком чжэншу, обратная сторона гладкая. Оба номинала заметно меньше, чем монеты такой же стоимости в предыдущих выпусках. *Чжэнью тунбао* сяопин в диаметре едва достигает 20 мм, а чжээр — 23 мм, тогда как обычным считалось на протяжении всей династии выпускать сяопин диаметром 23 мм. Такое уменьшение размера, несомненно, является показателем расстройтва денежного хозяйства страны.

В атласе Дин Фу-бао приведена (без комментария) еще одна разновидность монет более крупного размера — диаметром в 300 мм, с тем же почерком. Широкий внешний ободок на обеих сторонах придает ей сходство с «серебряными *Дадин тунбао* с широким ободком» (табл. III, 6)⁵⁸.

Последним выпуском цзиньских монет является *Тяньсин баохой*, отлитые в десятом месяце 1233 г. Диаметр их — 23 мм, почерк синшу, обратная сторона гладкая (табл. III, 9). В династийной истории говорится, что эти монеты были от 1 до 4 цяней стоимостью⁵⁹. Выпуск состоялся за несколько месяцев до гибели государства.

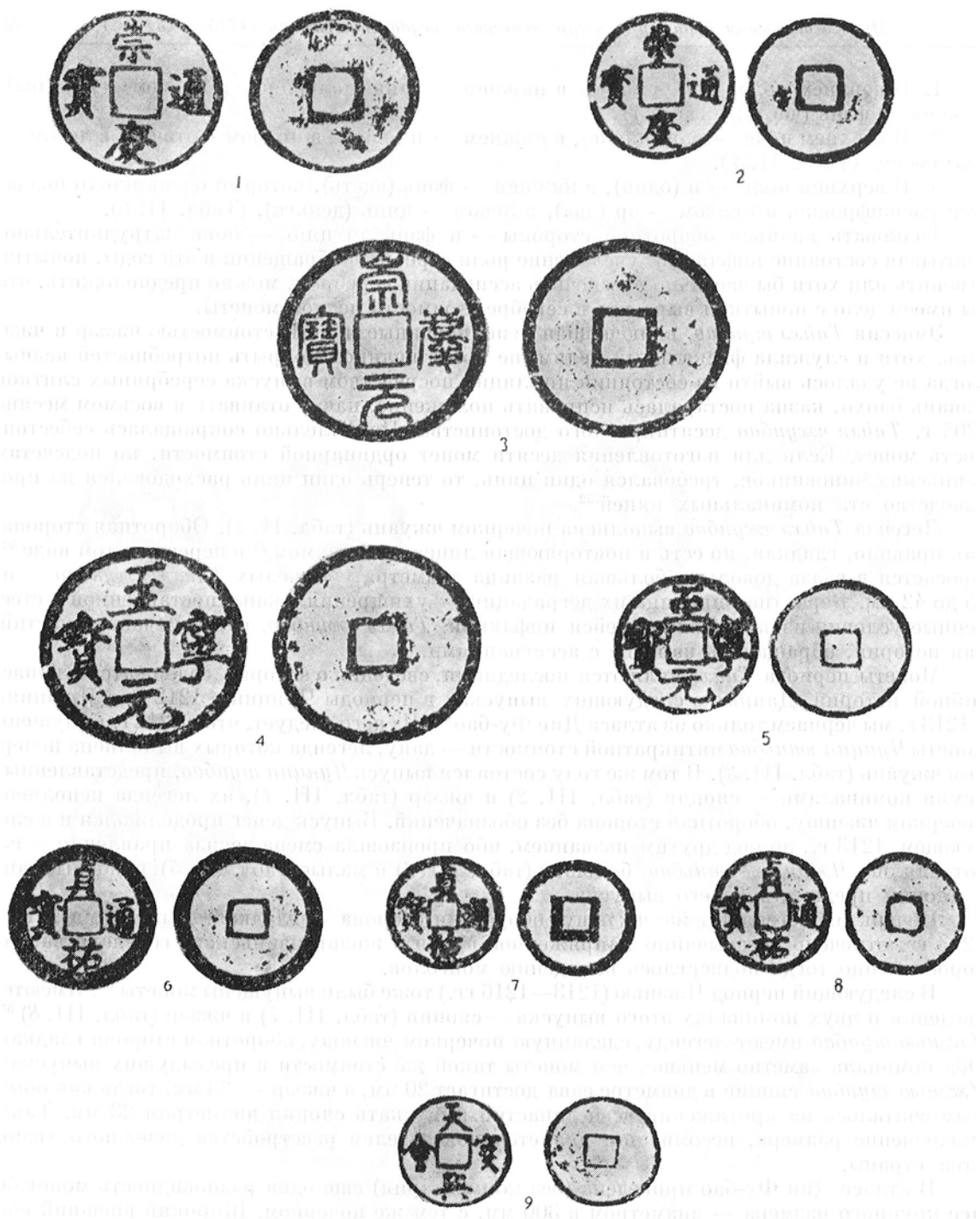

Табл. III. Монеты периодов Чунцин (1212 г.), Чжэннин (1213 г.), Чжэнью (1213—1216 гг.) и Тяньсин (1232—1234 гг.).

В последние годы существования чжурчженской династии на первое место среди средств обращения выдвинулись бумажные деньги. Хотя выпуск медных монет сильно сократился, но до последнего времени правительство придерживалось одной и той же политики. Осознавая медь как валютный материал, государство непрерывно пыталось эксплуатировать доверие народа к медной монете, что было основным противоречием денежного хозяйства страны.

Важным средством извлечения выгоды из монетной регалии был выпуск цяней различных номиналов. Связки составлялись из монет одного достоинства, соответственно уменьшенных в количестве при повышении их номинала. Смысл таких выпусков заключался в том, что только в ординарных монетах номинал не был в противоречии с их фактической стоимостью. Во всех остальных номиналах количество металла не соответствовало их принудительной стоимости. Например, монеты десятикратного достоинства по весу могли быть приравнены только тройным. Естественно, рынок не принимал таких монет, и история полна сообщений о «неудовольствии народа». Вторым методом, обычным для монетного дела Цзинь, было уже упомянутое сокращение количества меди в монете, так что дешевые примеси в монетах нередко превосходили общепринятую норму. Третьим способом эксплуатации монетной регалии было уменьшение количества монет в связке. Поскольку связки формировались в казне, то сокращение числа монет в каждой из них на сотню, а то и больше, несомненно, служило государству добавочной статьей дохода.

Из всей картины денежного хозяйства чжурчженского государства можно заключить, что цзиньская монетная система создавалась на основе опыта китайской, став ее неотъемлемой частью и может рассматриваться только в непосредственной связи с общекитайским денежным обращением.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ П. П. Ш м и д т. Начальные чтения по китайскому языку. Известия Восточного института, т. III, вып. 1, Владивосток, 1901, стр. 67, 68.
- ² Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность Э. В. Шавкунову за сообщенные сведения.
- ³ В а н Ю й - ч э н. Чувства, вызванные беженцем. Поэзия эпохи Сун. Перевод В. Кошевского. М., 1959, стр. 37.
- ⁴ C h e n g Т е - k' u n, Archaeology in China, vol. III. Chou China, Cambridge, 1963, p. 258.
- ⁵ М. В. К р ю к о в. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967, стр. 76.
- ⁶ А. О. И в а н о в с к и й. Медная монета в Маньчжурии. ЗВОРАО. СПб., 1895, т. VII, стр. 306.
- ⁷ П э н С и н ь - в э й. Чжунго хобиши («История денежного обращения Китая»). Шанхай, 1954, т. 2, рис. 50, 51, 57 (на китайском яз.).
- ⁸ R. M. H a r t w e l l, The Evolution of the Early Northern Sung Monetary System, "Journal of the American Oriental Society", vol. 87, No 3, 1967, p. 283.
- ⁹ Y a n g L i e n - s h e n g, Money and Credit in China. A Short History, Cambridge, Mass., 1952, p. 36.
- ¹⁰ И. Г. С п а с к и й. Русская монетная система. Л., 1962, стр. 153.
- ¹¹ Цзиньши («История династии Цзинь»). Шанхай, 1935, цзюань 48, л. 6а (на китайском яз.).
- ¹² Там же, л. 76.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, л. 86.
- ¹⁵ Там же, л. 6а.
- ¹⁶ Там же, л. 76.
- ¹⁷ R. M. H a r t w e l l, op. cit., p. 283.
- ¹⁸ Цзиньши, л. 5а.
- ¹⁹ Там же, л. 26.
- ²⁰ Там же, л. 4а.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 16.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Энциклопедия Тушунцичэн, цзюань 349 (на китайском яз.).
- ²⁵ Л и Ц з о - с я н ь. Гуцюаньхуй («Древнее монетное обращение»), 1864, часть 3 («ли»), цзюань 15, л. 11 (на китайском яз.).
- ²⁶ Д и н Ф у - б а о. Лидайгуаньтушо («Атлас старинных монет по эпохам с пояснениями»). Шанхай, 1940, л. 134 (на китайском яз.).
- ²⁷ П э н С и н ь - в э й, ук. соч. стр. 363.

- ²⁸ Фэн Юнь-пэн и Фэн Юнь-юань. Цзиньшисо («Исследование о металлах и камнях»). 1893, цзюань 4 (на китайском яз.).
- ²⁹ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 11.
- ³⁰ Имаи Тэйкэчи. Косэн тайдзэн («Полное иллюстрированное описание древних медных монет»). Япония, префектура Коти 1885—1888, маки 23, л. 10 (на китайском яз.).
- ³¹ Цзиньши, л. 6а.
- ³² Там же, л. 2б.
- ³³ Там же, л. 3а.
- ³⁴ Там же, л. 6а.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Имаи Тэйкэчи, ук. соч., л. 3.
- ³⁸ Чжэн Да-лу. Дадинтунбао цянъ бэйвэнь чжун цзыды иганцзе («По поводу монет Дадин тунбао со знаком чжун на оборотной стороне»). «Вэньу», Пекин, 1959, № 11, стр. 33 (на китайском яз.).
- ³⁹ Имаи Тэйкэчи, ук. соч., л. 4.
- ⁴⁰ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 13.
- ⁴¹ Дин Фу-бао, ук. соч., л. 135.
- ⁴² Чжу Хо Цзинь дадинтунбао цянъ бэй чжун цзы вэньти («К вопросу о цзиньской монете Дадин тунбао со знаком чжун на оборотной стороне»). «Вэньу». Пекин, 1959, № 9, стр. 65 (на китайском яз.).
- ⁴³ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 14.
- ⁴⁴ В. М. Алексеев. Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в нумизматическом отделении императорского Эрмитажа. СПб., 1907, стр. 40.
- ⁴⁵ Пэн Синь-вэй, ук. соч., стр. 363.
- ⁴⁶ Дин Фу-бао, ук. соч., л. 135.
- ⁴⁷ Чжу Хо, ук. соч., стр. 65.
- ⁴⁸ Цзиньши, л. 10а.
- ⁴⁹ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 15.
- ⁵⁰ Имаи Тэйкэчи, ук. соч., л. 6.
- ⁵¹ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 14.
- ⁵² Цзиньши, л. 10б.
- ⁵³ Ли Цзо-сянь, ук. соч., л. 6, 7.
- ⁵⁴ Дин Фу-бао, ук. соч., л. 136.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Цзиньши, л. 19б.
- ⁵⁷ Дин Фу-бао, ук. соч., л. 137.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Цзиньши, л. 23.

МОНЕТЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

За последнее полустолетие внимание нумизматов было приковано к монетным кладам. Описаны многие сотни находок, усовершенствована методика исследования кладов, способы их датировки. Отдельные монеты, обнаруженные в культурных слоях древних поселений и в погребениях, оставались, можно сказать, в стороне от научных поисков. Лишь в последние годы, главным образом польскими исследователями, их значение было в определенной мере оценено¹. Единичные монеты интересовали археологов прежде всего как датирующий материал². Однако специфика находок подобных монет, особенно в погребениях, часто не учитывалась, методика их исследования до настоящего времени недостаточно разработана. Необходимость такой разработки остро ощущается специалистами. Появление книги П. Радомерского об обычае обола мертвых в средневековой Чехии и Моравии весьма примечательный факт в этом отношении³. Скромный подзаголовок, сводящий суть этой работы к датировке определенной группы погребений, не охватывает всего содержания исследования, являющегося ценным вкладом в разработку вопроса о монетах в погребениях и их значении для археологии и этнографии.

Уже после того, как основные положения настоящей статьи были изложены на научных сессиях в Ленинграде и Москве, а краткие выводы опубликованы в виде тезисов⁴, появилась работа Е. Кольниковой об оболе мертвых в раннесредневековых погребениях Словакии⁵. Е. Кольникова произвела тщательный подбор сведений об оболе мертвых на территории Словакии и опубликовала сопоставительные материалы, касающиеся Чехии, Моравии, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии, Германии. П. Радомерский связывает возникновение обычая обола мертвых в Центральной Европе с погребальными обрядами венгров. Из Венгрии этот обычай, как он считает, перешел в Моравию и Чехию. Е. Кольникова выступает против такого тезиса. Она полагает, что обычай обола мертвых возник под влиянием культуры Франкского государства. По сути дела в основу своего утверждения Е. Кольникова положила данные лишь о нескольких находках обола мертвых в пределах Великоморавского государства, хронологически более ранних, чем находки Венгрии⁶.

Кроме этих двух исследований, трудно назвать какую-либо работу, где достаточно глубоко освещаются вопросы специфики монет в погребениях, правомерности датировки последних с помощью нумизматического материала и т. д.

В настоящей статье автор обобщает собранные им сведения о монетах в погребениях на территории древней Руси IX—XII вв. Это, однако, не исключает привлечения сопоставительного материала более раннего и более позднего времени, а также памятников территорий, расположенных за пределами древнерусского государства.

Все монеты, обнаруженные в погребениях, можно разделить на две большие группы: 1) монеты-украшения, 2) монеты-«обола мертвых». К последним примыкают монеты, положенные в погребение как атрибут торговой профессии умершего.

Рис. 1. Разновидности ушков на монетах.

1 — дирхем с гладким прямым приклепанным ушком из кургана № 1 в д. Залахтове. Государственный Эрмитаж. 2 — дирхем с гладким пирамидальным ушком из кургана № 12 в д. Карлука. Государственный Эрмитаж. 3 — дирхем с гладким пирамидальным приклепанным ушком и отверстием, вероятно, оставшимся от старого ушка. Государственный Эрмитаж.

Монеты-украшения встречаются в погребениях различных эпох и на территориях различных европейских государств. На древнерусских землях они были также широко распространены. Отличительная особенность монет-украшений — наличие ушка или отверстия для подвешивания. Особенно интересны монеты с ушками. Форма ушков пластинчатых, прямых и пирамидальных, а также проволочных, их поверхность (гладкая и рубчатая), способы крепления к монете (пайка, клепка, пропуск проволочного кольца через дыру в монетном ушке) различны в разное время и на разных территориях. То же можно сказать и о монетах, имеющих только отверстия для подвешивания. Такие монеты встречаются в одних областях чаще, в других реже. Дыры в монетах пробиты иногда острием ножа, а многие специальные орудия, с помощью которого получали сравнительно правильное круглое отверстие⁷.

Монеты-украшения в погребениях на территории древней Руси, это, как правило, — монеты-подвески в составе ожерелий из бусин, бисера, бубенчиков, пуговиц, и т.п. (см. рис. 1). В качестве варианта таких украшений можно назвать монеты, подвешенные к цепочке⁸. У с. Пужбой было найдено ожерелье из тонкой серебряной проволоки с надетыми на нее бусинами, серебряным кольцом и германским

золоченым динарием⁹. В нескольких случаях, на территории Волго-Окского междуречья в курганах обнаружены монеты с большим количеством дырочек (до 9—10)¹⁰. Вероятно, такие монеты нашивались на одежду. Памятник упорочения христианства — крест, вырезанный из дирхема, условно отнесен здесь также к украшениям¹¹.

В одном из курганов с. Городище на пальце погребенного было серебряное проволочное кольцо, на которое загнут западноевропейский динарий¹². По утверждению А. А. Спицына, подобные кольца с монетами встречаются в скандинавских древностях¹³. Судя по данным, опубликованным в трудах Первого археологического съезда, монета чеканена во Фризии Экбертом II (1068—1090), то есть в период, для которого скандинавские погребения на территории Руси совершенно не характерны. Можно предполагать о существовании традиции, сохранившейся от более ранней эпохи, либо о ввозе готового изделия.

До настоящего времени при находке монет-украшений, к сожалению, не обращалось внимания на детальное их описание. Данных, которыми мы располагаем, слишком мало, сравнительно с общим количеством находок. Поэтому выводы, сделанные на основе наших наблюдений, могут, как правило, носить предварительный характер.

Рассмотрим сначала два вида ушков на монетах-украшениях — проволочные и пластинчатые.

Проволочные ушки, судя по находкам на древнерусской территории, не имели широкого распространения. Можно назвать всего семь пунктов, в курганных погребениях которых встречены подобные монеты-украшения. Три курганные группы расположены

в Новгородской земле, две в Ростово-Суздальской и по одной в Киево-Переяславской и в Черниговской землях¹⁴. Девять из пятнадцати монет — западноевропейские, XI в., главным образом его второй половины, одна восточная — начала X в.¹⁵ и три древнерусских. Надо учесть, что курган в д. Большая Брембола, где найдена восточная монета, датируется XI в.¹⁶ Древнерусские сребреники из д. Митьковка также относятся некоторыми исследователями к началу XI в.¹⁷ Однако при этом упускается из виду, что от момента чеканки монет, до времени их зарытия должен был пройти значительный срок. Такое предположение можно высказать на том основании, что все сребреники из д. Митьковка являлись подвесками, причем в таковые они превратились не одновременно и не в одном месте: иногда монеты пробиты (некоторые дважды), иногда имеют разнообразные ушки — пластинчатые и провололочные, приклепанные и припаянные. Не так уж часто монета, превратившаяся в подвеску, меняет своего владельца, в то же время живут такие украшения очень долго, иногда до 200—300 и более лет. Учитывая это, необходимо было бы датировать Митьковскую находку не менее чем несколькими десятилетиями позже времени чеканки сребреников, т. е. примерно второй половиной XI в. Наиболее ранней находкой монет-украшений с провололочными ушками являются две византийские монеты (931 и 944 г.) из раскопок в Киеве. Таким образом, можно сделать несколько выводов о монетах-подвесках с провололочными ушками. Во-первых, провололочные ушки были мало распространены. Во-вторых, область их распространения прежде всего охватывает Новгородскую и Ростово-Суздальскую земли (исключение — Киевская и Митьковская находки). В-третьих, провололочные ушки датируются обычно XI в. (вероятно, его второй половиной), т. е. временем, когда появляется новая техника волочения проволоки и в курганах постепенно увеличивается количество провололочных украшений¹⁸.

Рассмотрим два вида пластинчатых ушков — гладкие и рубчатые. Как видно из таблицы I, в древнерусских землях монеты-подвески с гладкими ушками преобладают. На основании известных нам данных трудно судить о преимущественном распространении того или иного вида ушков на отдельных территориях древней Руси.

Несколько больше возможностей для наблюдений за хронологией монет с рубчатыми ушками. Из четырнадцати монет с такими ушками, найденных в погребениях, только две западноевропейские, остальные восточные (8 экз.) и византийские (4 экз.). Все эти монеты чеканены не позднее третьей четверти X в., за исключением западноевропейских, датированных примерно X—XI вв., и одной византийской 1067/70 гг.¹⁹ В дополнение к этому немногочисленному материалу могут быть использованы данные о монетах с рубчатыми ушками, обнаруженных в кладах. В собрании Эрмитажа имеется девять таких монет. Пять — одна

Таблица I. Находки монет-украшений на древнерусских землях

Территория	Монеты с ушками	поверхность ушка			форма ушка			способ крепления			провололочные ушки	Монеты с отверстием
		гладкая	рубчатая	неопределенная	прямая	пирамидальная	неопределенная	приклеп-ка	припайка	неопределенный		
Новгородская земля	118	27	5	86	19	2	96	42	1	68	8	21
Полоцкая земля	8	—	1	7	—	—	8	1	—	7	—	—
Смоленская земля	30	6	3	22	11	2	17	18	—	12	—	—
Ростово-Суздальская и Рязанская земли	129	14	4	110	20	1	106	37	2	87	2	32
Киевская и Переяславская земли	18	5—8?	1	4	11	2	5	14	2	—	2	3
Черниговская земля	36	—	—	36	—	—	36	19	1	13	3	2

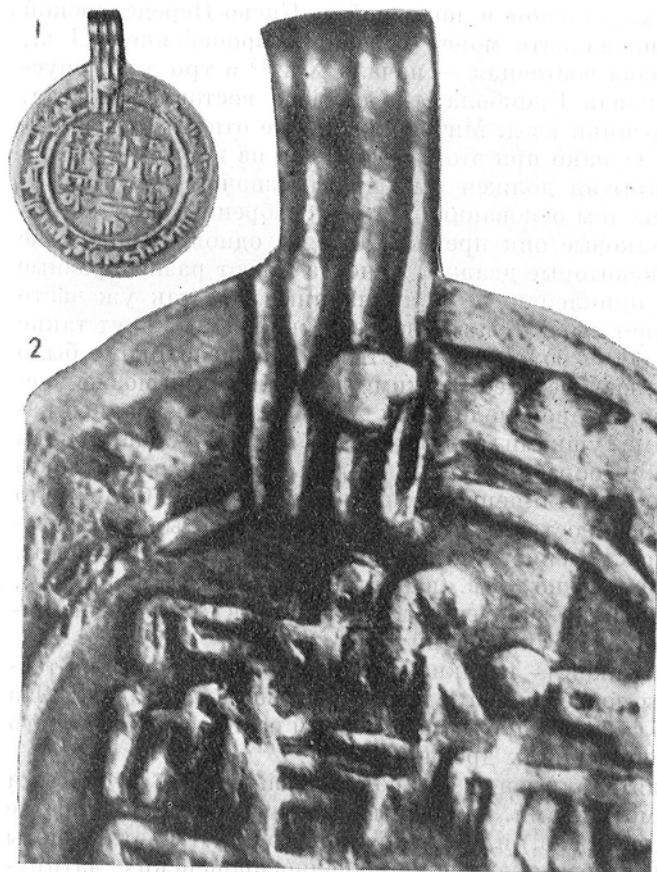

Рис. 2. Дирхем с прямым рубчатым приклепаным ушком найденный в одном из гнездовских курганов. Рядом часть того же дирхема в сильном увеличении.

западноевропейская, две восточных и две византийских, — из Скадинского клада, два дирхема принадлежат Фридрихсгофскому кладу и две другие восточные монеты из кладового материала неизвестного происхождения. Все монеты чеканены в VIII—X вв., самые поздние; возможно, в самом начале XI в.²⁰ Преобладание восточных и византийских монет, а также время чеканки свидетельствует о том, что монеты с рубчатыми ушками выпускались, как правило, до начала XI в., хотя и встречаются в погребениях и кладах даже XII—XIII вв.²¹

Рубчатые ушки были известны еще в античное время. Монеты и медальоны с такими ушками найдены на юге СССР, в Херсонесе и на Кубани²². Однако по внешнему виду и технике изготовления эти ранние рубчатые ушки отличаются от ушков интересующего нас времени. Первые представляют собой как бы несколько спаянных проволочек, вторые являются пластинками, на которые нанесен ребристый рисунок (см. рис. 2). Последние имеют аналогии с рубчатыми ушками монет в погребениях Бирки²³.

Доступные нам сведения о припаянных ушках скудны, они касаются лишь шести монет из пяти мест находок. Говорить о географическом распространении монет с припаян-

ными ушками трудно, хотя, как кажется, некоторый относительный перевес в данном случае имеет южная часть древнерусских земель. Увереннее можно судить о хронологии распространения припаянных ушков, дополнив сведения о монетах в погребениях данными кладов. Все шестнадцать монет (не учтены данные о венецианской монете 1192—1205 гг., найденной в Киеве, так как это, по сути дела, памятник другой эпохи) чеканены в пределах VIII—X вв.²⁴

Таким образом, наблюдения за монетами-подвесками в погребениях позволяют лишь наметить некоторые особенности их распространения и хронологии. Более многочислен материал о монетах, помещенных в погребения в качестве «оболы мертвых».

Какие особенности позволили отнести определенную группу монет к этой категории памятников? Основным критерием при отборе являлось отсутствие на монете дыр или ушков для подвешивания. Однако практически монеты, приспособленные для привешивания в качестве украшений, могли, как показывает их наличие в монетных кладах, служить деньгами и, следовательно, «оболом мертвых». К такому же выводу на основе наблюдений над монетами в австразийских погребениях пришел И. Вернер²⁵. Вторым критерий отбора монеты как «оболы мертвых» — местоположение монеты (обычно во рту, в руке, на груди). Третьим критерием служил факт преобладания монет-укра-

шений в женских погребениях, в то время как «обол мертвых» встречается как в женских, так и в мужских погребениях.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу находок, необходимо сделать несколько историографических замечаний.

Наиболее авторитетным исследователем, утверждавшим, что обычай «обола мертвых» существовал у восточных славян, был А. Котляревский. Однако в специальном сочинении о погребальных обычаях языческих славян он подкрепляет свой тезис ссылками на польские и литовские источники XVI в., не учитывая возможных различий в обычаях восточных и западных славян, а тем более славян и прибалтийских народов. Стремясь в этих довольно сомнительных поздних сведениях найти отношение к древней Руси, А. Котляревский, правда довольно осторожно, ссылается на Ибн Русте (Ибн Даста)²⁶. Д. Анучин, следуя за А. Котляревским, старается подкрепить свое мнение некоторым археологическим материалом, без учета этнической принадлежности погребений, которые приводятся им в качестве примеров²⁷. Почти тем же запасом аргументаций владеет А. Н. Соболев, опирающийся на выводы А. Котляревского и Д. Анучина²⁸. Более серьезна аргументация чешского археолога Любора Нидерле. Он связывает обычай «обола мертвых» с античными традициями Причерноморья и Подунавья²⁹, приводя несколько примеров со ссылкой на русскую археологическую литературу.

Однако Л. Нидерле в своих общих, широкого плана работах не ставил задачу проследить как развивалась названная античная традиция у восточных славян, а также решить вопрос о существовании у них обычая «обола мертвых», не на основании отдельных примеров, а на основе детального изучения древнерусских погребений, на основе анализа массового нумизматического археологического материала.

Одним из аргументов сторонников теории распространности обычая «обола мертвых» у восточных славян являются поздние (главным образом XIX в.) этнографические наблюдения. Эти наблюдения сделаны на определенных территориях, например, в Кулянском уезде Харьковской губернии, в Староконстантиновском уезде Волынской губернии³⁰, а также в Подолии, Киевской губернии, Белоруссии³¹.

Оставляя пока в стороне археологические источники, можно отметить, что от времени арабского писателя Ибн Русте до XIX в., т. е. в течение тысячелетия почти отсутствуют письменные свидетельства об обычае «обола мертвых» у восточных славян. Этнографические же наблюдения, видимо, объясняются либо поздним проникновением обычая «обола мертвых» в некоторые районы Восточной Европы, либо, что вероятнее,

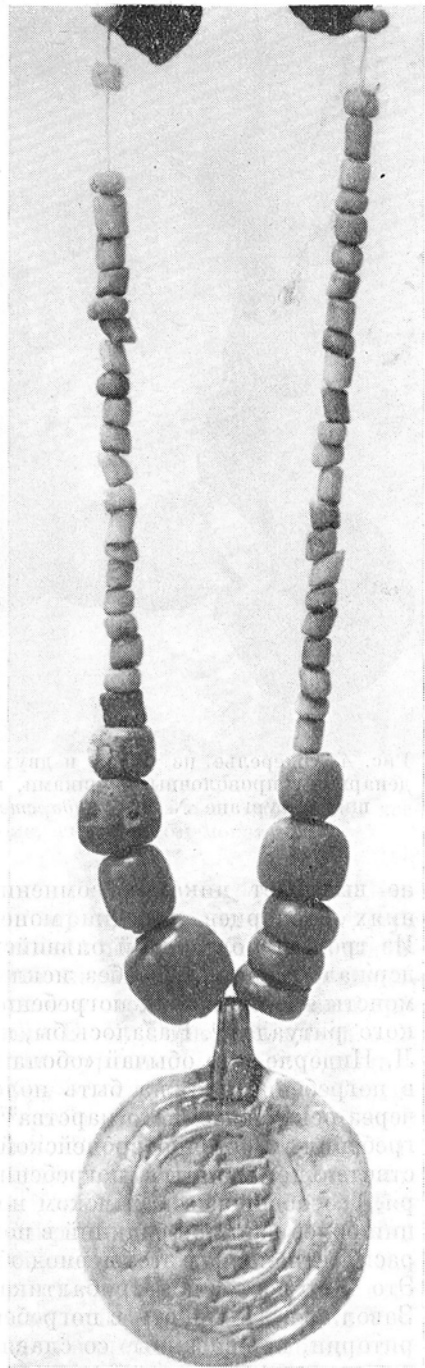

Рис. 3. Ожерелье из бусин и дирхема с рубчатым пирамидальным прилепанным ушком, найденное в д. Заозерье, в кургане № 6. Государственный Эрмитаж.

Рис. 4. Ожерелье из бусин и двух западноевропейских денариев с проволочными ушками, найденное в д. Полищи, в кургане № 2. Государственный Эрмитаж.

распространением среди славян названного погребального обряда, сохранившегося у групп этнически не славянских. Это распространение могло иметь своей основой развитие товарно-денежных отношений, когда и «загробная жизнь» человека не мыслилась без наличия денег. В XIX в., например, крестьянское население ряда территорий Украины объясняло обычай класть монету с покойником, разным образом, однако, при любом объяснении всегда имелась в виду денежная сделка, весьма реальная и «земная» по своему характеру. «Деньги кладутся, — говорили одни, — чтобы душа могла откупиться от несения стражи у ворот загробного царства»³². Другие полагали, что монеты нужны для покупки места на том свете или даже на кладбище, если покойник будет положен в чужую могилу³³.

Таким образом, решить вопрос об «оболе мертвых» у восточных славян можно лишь на основании археологических материалов исследования самих погребений.

Существование обычая «обола мертвых» на северном побережье Черного моря в античную эпоху

не вызывает никаких сомнений. По свидетельству В. Ф. Гайдукевича, «в погребениях боспорцев нередки монеты; довольно часто их находят во рту покойника»³⁴. Из трехсот погребений ольвийского некрополя (классический период) двадцать одно содержало монеты, все без исключения медные³⁵. По мнению некоторых исследователей, монеты в ольвийских погребениях помещались «...в соответствии с требованиями греческого ритуала»³⁶. Казалось бы, приведенные примеры подтверждают правильность тезиса Л. Нидерле, что обычай «обола мертвых» возник под чужеземным, античным влиянием — в погребение должна быть положена монета, чтобы Харон переправил душу умершего через реки подземного царства³⁷. Посмотрим схему распространения римских монет в погребениях Восточноевропейской равнины (карта I. Карты I—VII см. стр. 58—68). Действительно, монеты в погребениях в низовьях рек, впадающих в Черное и Азовское моря, а особенно на Крымском полуострове и Тамани, могут свидетельствовать о сохранении более ранних традиций в погребальных обрядах римского времени. Но легко заметить распространение в этот период обычая «обола мертвых» и на некоторых других территориях. Это юго-восточная Прибалтика, где имеются массовые находки монет в погребениях, — Заволжье, где монеты в погребениях, правда, встречены как исключение. Однако эти территории, не связанные со славянами, для нас не представляют особого интереса. Важнее находки в погребениях, расположенных между Днестром и Днепром. Значительная часть погребений с «оболом мертвых» исследователями относится к Черняховской культуре³⁸. В двух погребениях этой группы памятников были найдены монеты-украшения³⁹. Как известно, одни исследователи связывают Черняховскую культуру со славянами, другие считают, что она вобрала многие древние местные элементы — дако-гетские, греческие,

сарматские, аланские, провинциально-римские, гуннские и, хотя славянские вкрапления могли иметь место, культура в целом носит неславянский характер⁴⁰. Как мы увидим далее, особенности монет в погребениях этого периода свидетельствует о большей реальности последней точки зрения.

Переходя к схеме распространения монет VII—VIII вв. в погребениях Восточной Европы (карта II), отметим не только уменьшение общего количества монетных находок, но и что особенно важно, уменьшение числа монет, использованных в качестве «обола мертвых» по сравнению с количеством монет-украшений. Как видно из схемы, находки последних расположены по северной и северо-западной границе распространения монет в погребениях. Монеты-«оболы мертвых» остаются в погребениях на территориях, которые едва ли были заселены славянами.

Переходя к эпохе IX—XII вв., необходимо прежде всего обособить находки монет в захоронениях с трупоположениями, обычно более поздними, от находок монет в погребениях с трупосожжениями. Последние нанесены на карту III. Находки концентрируются в четырех местах: на северо-западе древней Руси, в междуречье Волги и Оки, в верховьях Днепра, на Черниговщине. Примечательно, что районы распространения этого обычая — земли с неоднородным в этническом отношении составом населения. Славяне и финны, с некоторой примесью выходцев из Скандинавии, характерны для первых двух территорий⁴¹. В верховьях Днепра обол мертвых встречается прежде всего в Гнездовском могильнике. Нет сомнения, что ряд курганов имеет характерные черты скандинавских погребальных обычаев⁴². Кроме того, надо учесть, что в этой области древнерусского государства могло сказаться влияние балтов. Недавно Е. И. Горюнова вновь вернулась к вопросу об этнической принадлежности длинных курганов, вопросу, поднимавшему еще А. А. Спицыным, который связывал культуру этих курганов с Прибалтикой, с культурой литовской и люцинской⁴³. Следы восточно-балтийского погребального обряда отмечены в курганных могильниках древней Руси⁴⁴. Вероятно, это влияние заметно и на погребальных особенностях курганов с. Вядца, где зафиксировано использование дирхема в качестве «обола мертвых»⁴⁵. Специалистами уже высказывалось сомнение в том, что курган в с. Вядца русский по своей этнической принадлежности⁴⁶.

Спор между норманистами и антинорманистами об этнической принадлежности некоторых курганов в Чернигове и в Шестовицах был весьма ожесточенным⁴⁷. Однако сторонники той и другой теории не учитывали, что наличие даже целого ряда скандинавских погребений не решает спора и не может являться основой для широких обобщений. Присутствие скандинавских вещей в некоторых курганах Черниговщины — неоспоримый факт⁴⁸. Может быть, именно со скандинавскими элементами в населении Черниговщины связан обычай «обола мертвых», зафиксированный в ряде курганов⁴⁹. Сохранение каких-либо традиций обряда «обола мертвых» в Тмутаракани и влияние последней на Чернигов маловероятны.

Рис. 5. Девушка-удмуртка в национальном костюме, украшенном монетами.

Рассмотрим подробнее захоронения с трупосожжениями, где отмечены монеты, использованные в качестве «обола мертвых». Все интересующие нас погребения юго-восточного Приладожья исследователи определяют как финские⁵⁰, из десяти погребений Волго-Окского междуречья финскими считают семь погребений⁵¹, этническая принадлежность одного погребения не установлена и двух — спорна⁵². Погребение в кургане у д. Кривовицы, весьма вероятно, испытало прибалтийское влияние⁵³, о чем можно судить по географическому положению и преобладанию вещей люцинского типа. По вопросу о славянском происхождении кургана у д. Вядца в литературе уже высказывалось сомнение⁵⁴. Остаются две группы курганов с трупосожжениями, где зафиксирован обычай «обола мертвых» — это Гнездовская и Черниговская (Чернигов — Шестовицы — Седнев). Здесь можно говорить о норманнской, во всяком случае неславянской, принадлежности некоторых погребений.

Археологами уже отмечалась северная ориентация умерших в дружинных могильниках Чернигова, которая совсем не характерна для славянского погребального ритуала⁵⁵. Теперь мы можем добавить еще один неславянский признак этих погребений: наличие обола мертвых.

«Обол мертвых» почти полностью исчезает из погребений с трупоположениями и в Гнездове и в Чернигове, что также легче всего объяснить растворением к этому времени горстки норманнов (или других дружинников — неславян) среди местного славянского населения. Следовательно, погребения с трупосожжениями, где найдены монеты в качестве «обола мертвых», могут быть в рассматриваемый период чаще всего финскими, а иногда, вероятно, и норманскими. Во всяком случае, при раскопках Бирки обнаружен ряд погребений с «оболом мертвых»⁵⁶. Отмечены находки монет, связанных с изучаемым ритуалом, и в других областях Швеции⁵⁷. Пока еще неизвестны нумизматические признаки отличия «обола мертвых» финских погребений от «обола мертвых» скандинавских могильников. Можно отметить, что характерной чертой «обола мертвых» в погребениях Бирки является наличие не целых монет, а их половинок, четвертей или фрагментов. Однако необходимыми не только нумизматические, но и устойчивые археологические признаки, позволяющие надежно определить этническую принадлежность погребенного.

Интересно, что, судя по «оболу мертвых», чужеземные элементы играли в районе Чернигова, вероятно, большую роль, чем в Гнездове, который обычно выдается норманистами за скандинавскую колонию на территории древней Руси. Характерно отсутствие погребений с трупосожжениями, сопровождаемыми «оболом мертвых», на территории Киева.

Рассмотрим теперь находки монет в качестве «обола мертвых» в погребениях с трупоположениями. Для более детального историко-этнографического анализа все находки «обола мертвых» в погребениях с трупоположениями разделены на следующие группы: 1) находки монет в области черепа (в том числе во рту) (карта IV); 2) монеты, найденные около бедер или в руке костяка (карта V); 3) монеты, обнаруженные на груди костяка (карта VI); 4) находки монет, положенных в погребения как атрибут профессии покойного (карта VII).

Основная часть находок перечисленных групп сосредоточена в двух областях, отличающихся этнически неоднородным составом населения: на северо-западе древней Руси и в Волго-Окском междуречье. Исключение составляют лишь погребения с монетой во рту костяка у д. Мутышино⁵⁸; погребение с монетой на груди костяка у г. Заславля⁵⁹ и по одному погребению, где монеты, по-видимому, являются атрибутом профессии — в Чернигове и Киеве⁶⁰.

Территориальное распространение различных по своим особенностям погребений с оболем мертвых имеет определенную закономерность.

Захоронения, где монета обнаружена в области черепа погребенного, встречаются в Юго-восточном Приладожье и на территории юго-восточнее его (Лешова). Хотя погребения такого рода имеются и в центре Волго-Окского междуречья, все же их местоположение сдвинуто далеко на запад (Никольское, Елизарово).

Погребения с монетой у бедер или в руке костяка сосредоточены главным образом в упомянутых двух областях, за исключением одного кургана на восточном берегу Чудского озера (Верхоляны). Отметим, однако, что в Волго-Окском междуречье такие погребения занимают крайний север территории.

Погребения с монетой на груди костяка расположены также на северо-западе Руси и в Волго-Окском междуречье, за исключением упомянутой находки у г. Заславля. Но на северо-западе район распространения этой группы погребений резко отличается от двух вышеописанных групп: погребения с монетой на груди костяка сосредоточены здесь не в юго-восточном Приладожье, но на восточном берегу Чудского озера.

Наконец, погребения с монетой — атрибутом профессии умершего сконцентрированы в Волго-Окском междуречье, за исключением трех единичных находок: в юго-восточном Приладожье (Кирилина), в Чернигове и Киеве.

Уже ранее был отмечен этнически смешанный, прежде всего славяно-финский (и прибалтийский), состав населения областей, где сосредоточены погребения с «оболом мертвых». Теперь можно несколько подробнее остановиться на этнической атрибуции погребений с труположениями. Вопросы такой атрибуции достаточно спорны, некоторые исследователи и вовсе обходят их, публикуя сведения археологического характера. В данной статье не преследовалась цель самостоятельного решения задачи этнической принадлежности того или иного погребения. Однако даже очень неполные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, представляют несомненный интерес.

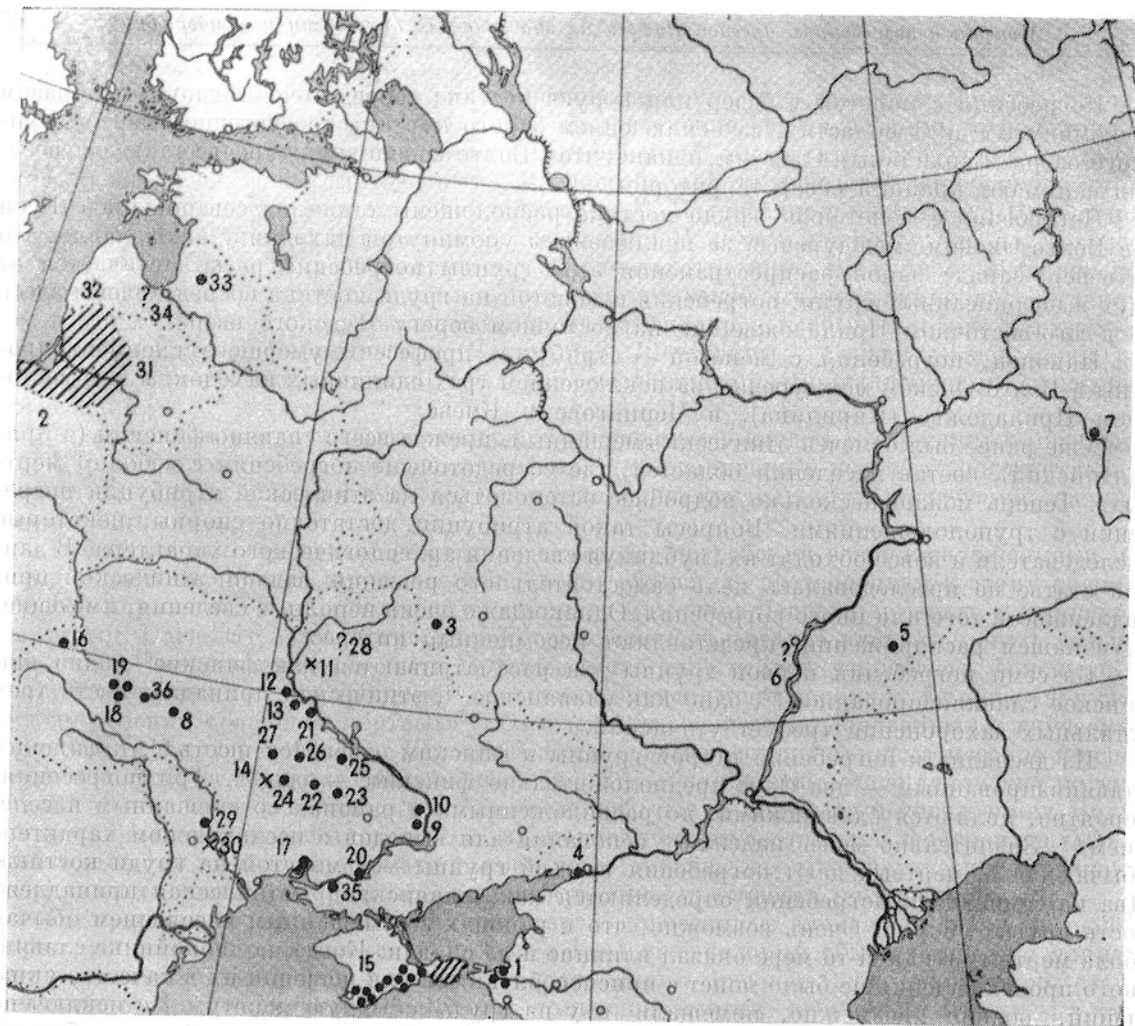
Из семи погребений первой группы два рассматриваются как финские⁶¹, одно как финское славянизированное⁶², одно как славянское⁶³, этническая принадлежность трех остальных захоронений требует уточнений.

Из двенадцати погребений второй группы к финским относятся шесть⁶⁴, к финским славянизированным — два⁶⁵, к предположительно финским — одно⁶⁶. Три погребения, вероятно, являются славянскими, но расположенными в районах со смешанным населением⁶⁷. Значительно менее надежные основания для выводов о неславянском характере обычая обола мертвых дают погребения третьей группы — с монетой на груди костяка. Два из семнадцати погребений определяются как славянские⁶⁸, этническая принадлежность других спорна. Очень возможно, что в районах со смешанным населением обычай обола мертвых в какой-то мере оказал влияние и на славян. Когда на покойнике славянского происхождения не было монет с приспособлениями для ношения их в качестве украшений, родичи, возможно, помещали ему на грудь обычную монету. Не исключено и то, что такую же еще не снабженную ушком или дырой монету клали рядом с обычной монетой-подвеской или монистом, чтобы увеличить общее число монет и показать этим свое уважение к покойному.

К четвертой группе отнесены погребения, где монеты находились или в значительном количестве, или в единичных экземплярах, но были положены вместе с гирьками или весами. Если первый признак сравнительно шаток для отнесения погребения к четвертой группе, так как значительное количество монет в погребении может быть объяснено не только профессиональными, но и социальными особенностями, а именно имущественной дифференциацией населения, то второй признак — находка единичных экземпляров рядом с гирьками или весами — достаточно надежен для заключения о том, что погребенный занимался торговлей. Из тринадцати находок в девяти случаях отмечены находки гирек одних или вместе с весами, что позволяет не сомневаться в правильности отбора большинства погребений этой группы.

Местонахождение монет в погребениях четвертой группы различное: на кострище, у головы, у руки, на груди костяка, т. е. как в погребениях с трупосожжениями, так и в погребениях с труположениями первых трех групп, а у д. Весь монеты находились у ног костяка, в холстяном мешочке под опрокинутым горшком⁶⁹.

Этническая принадлежность погребенных этой группы также весьма сомнительна и спорна. Здесь есть погребения, считающиеся, например, славянскими (Киев)⁷⁰, финскими⁷¹, предположительно финскими⁷².

Карта I. Римские монеты в погребениях.

● Обол мертвых в одном погребении.

●● Обол мертвых в двух погребениях.

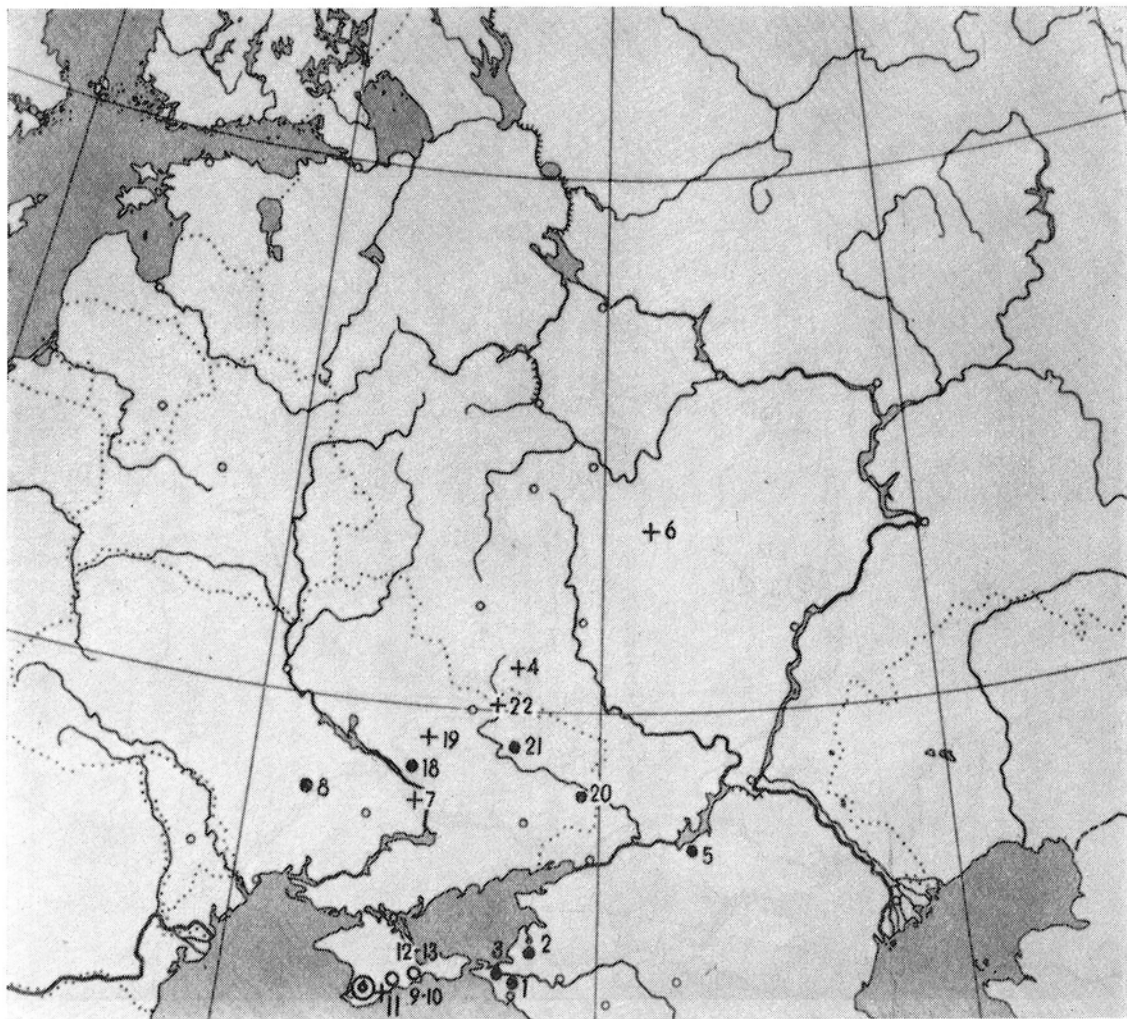
●●● Обол мертвых в трех погребениях.

●●●● Обол мертвых в 4—10 погребениях.

//// Местность со многими погребениями с обол мертвых.

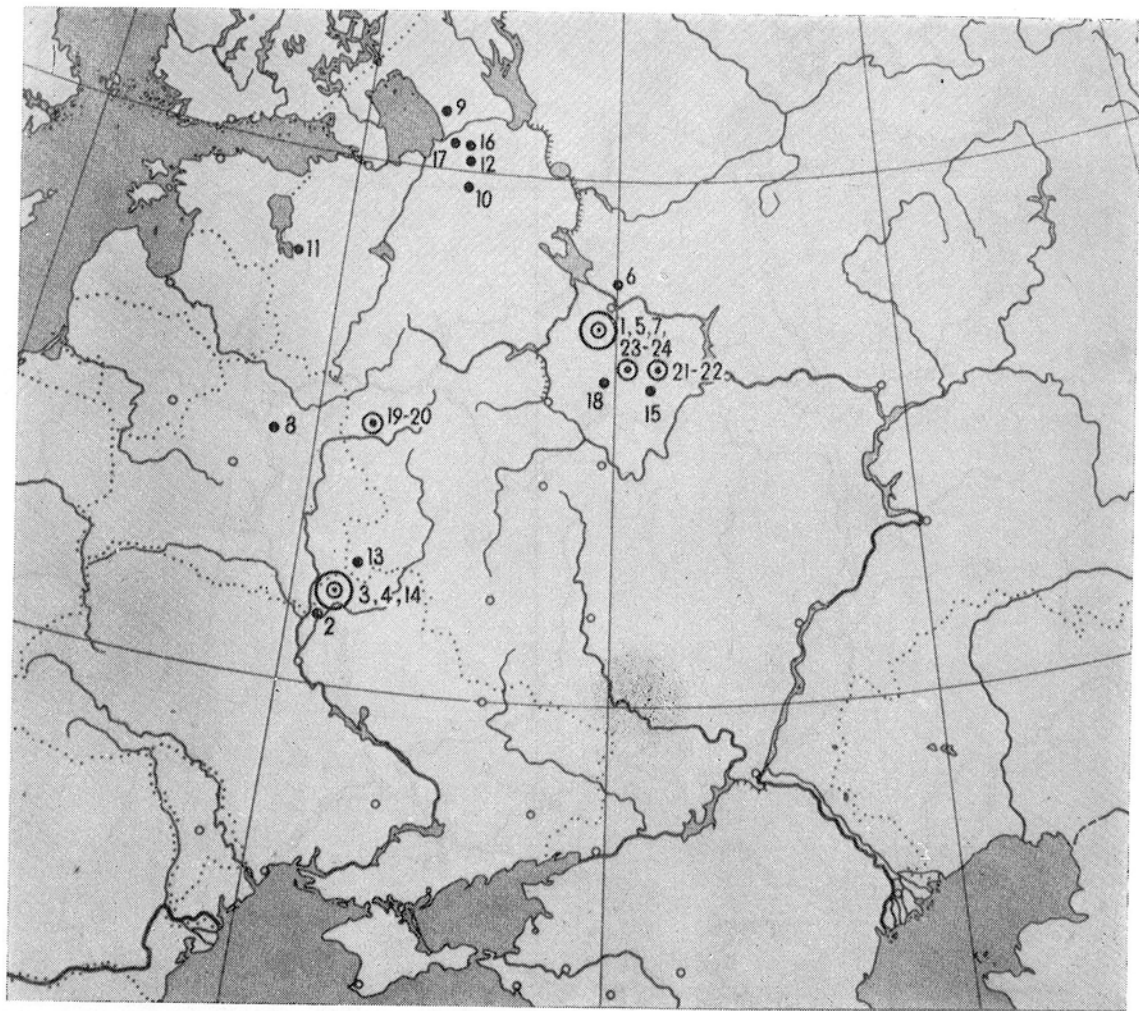
× Находка монет-украшений в погребении.

? Сомнительные находки.

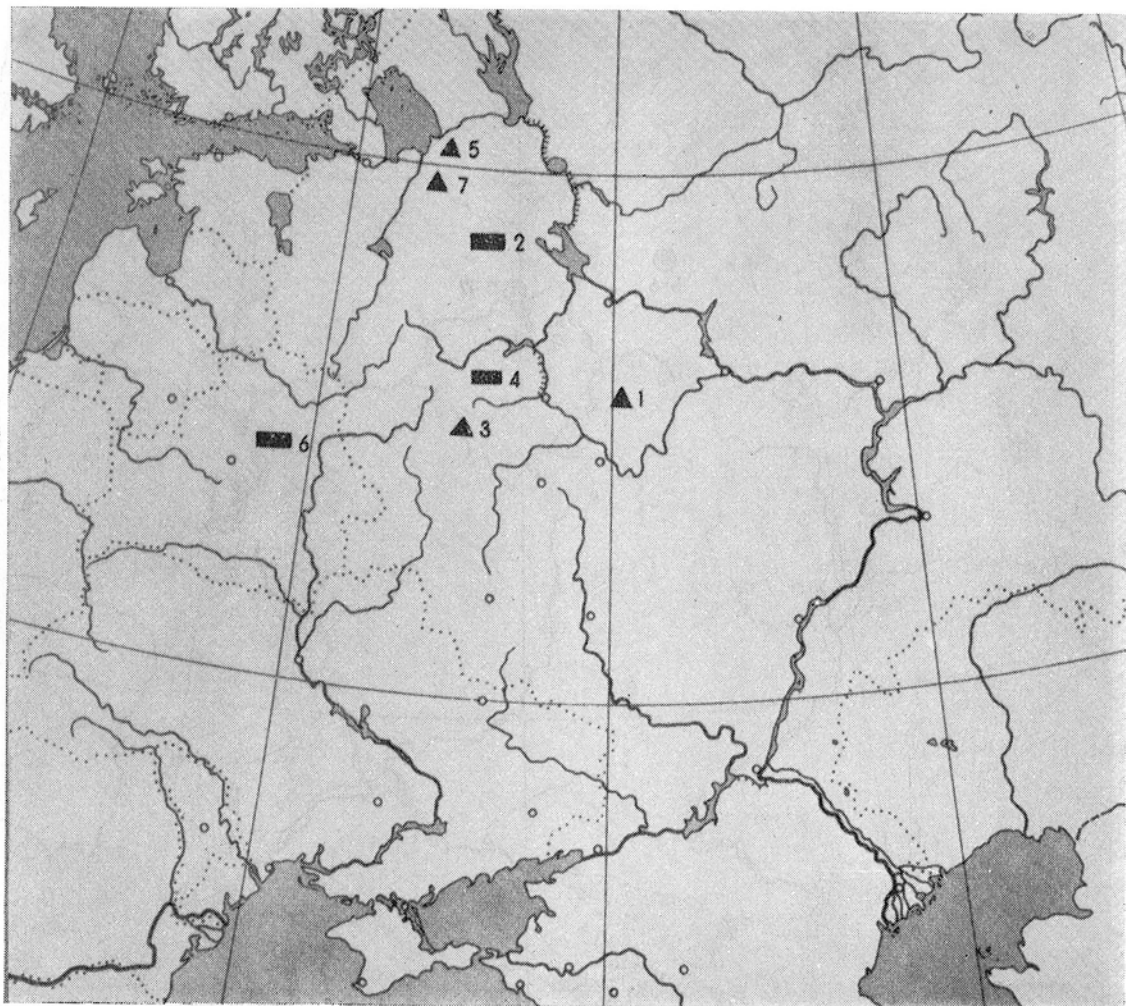
Карта II. «Обол мертвых» и монеты-украшения в погребениях VII—VIII вв.

- Обол мертвых в одном погребении.
- Обол мертвых в двух погребениях.
- ⊙ Обол мертвых в трех и более погребениях.
- + Монеты-украшения в погребениях.

Карта III. Монеты в погребениях с трупосожжениями.

- Находка обода мертвых в одном кургане.
- ⊙ Находки обода мертвых в двух курганах.
- ⊗ Находки обода мертвых в трех курганах и более

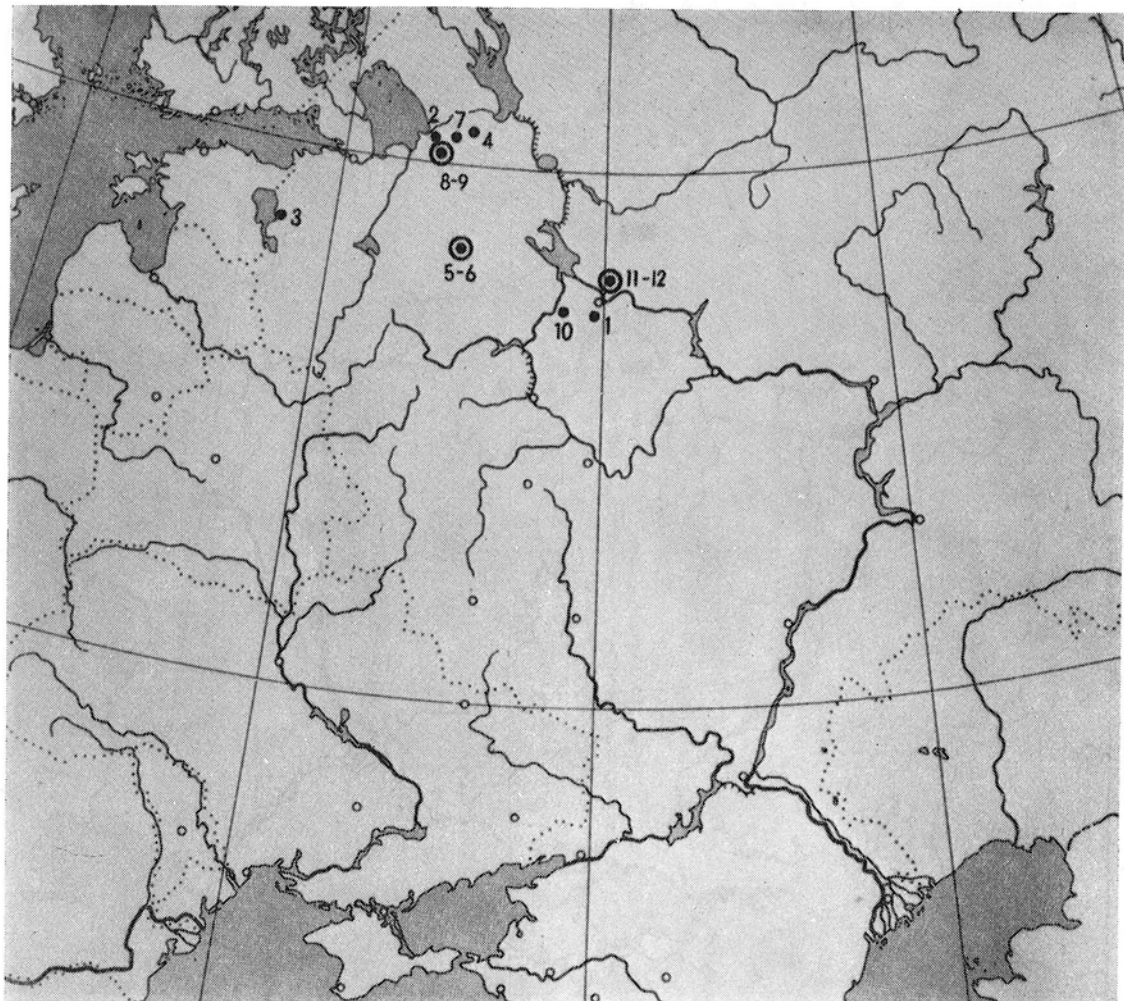

Карта IV. «Обол мертвых» в погребениях с труположениями (монета в области черепа).

▲ Находки монет около черепа или на нем.

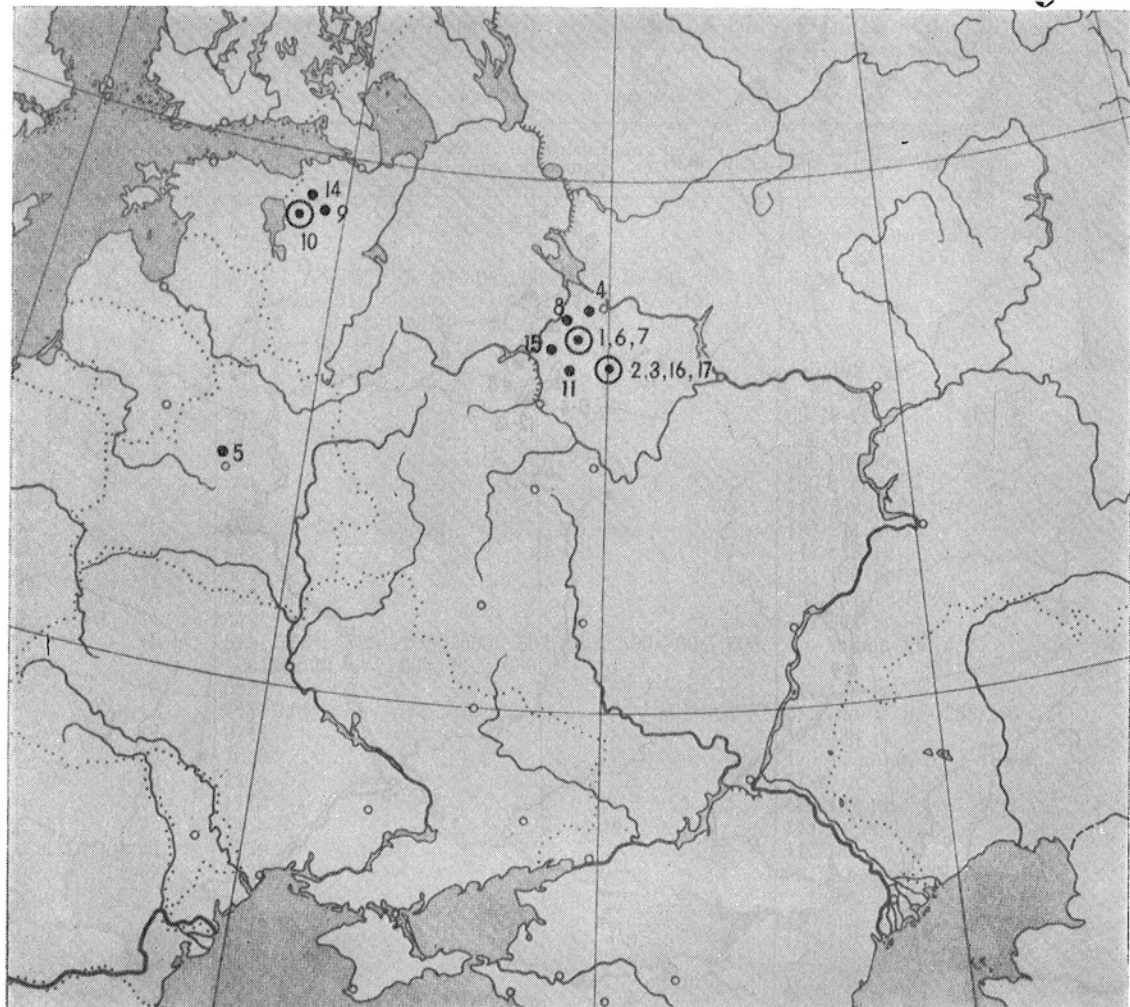
■ Находки монет во рту.

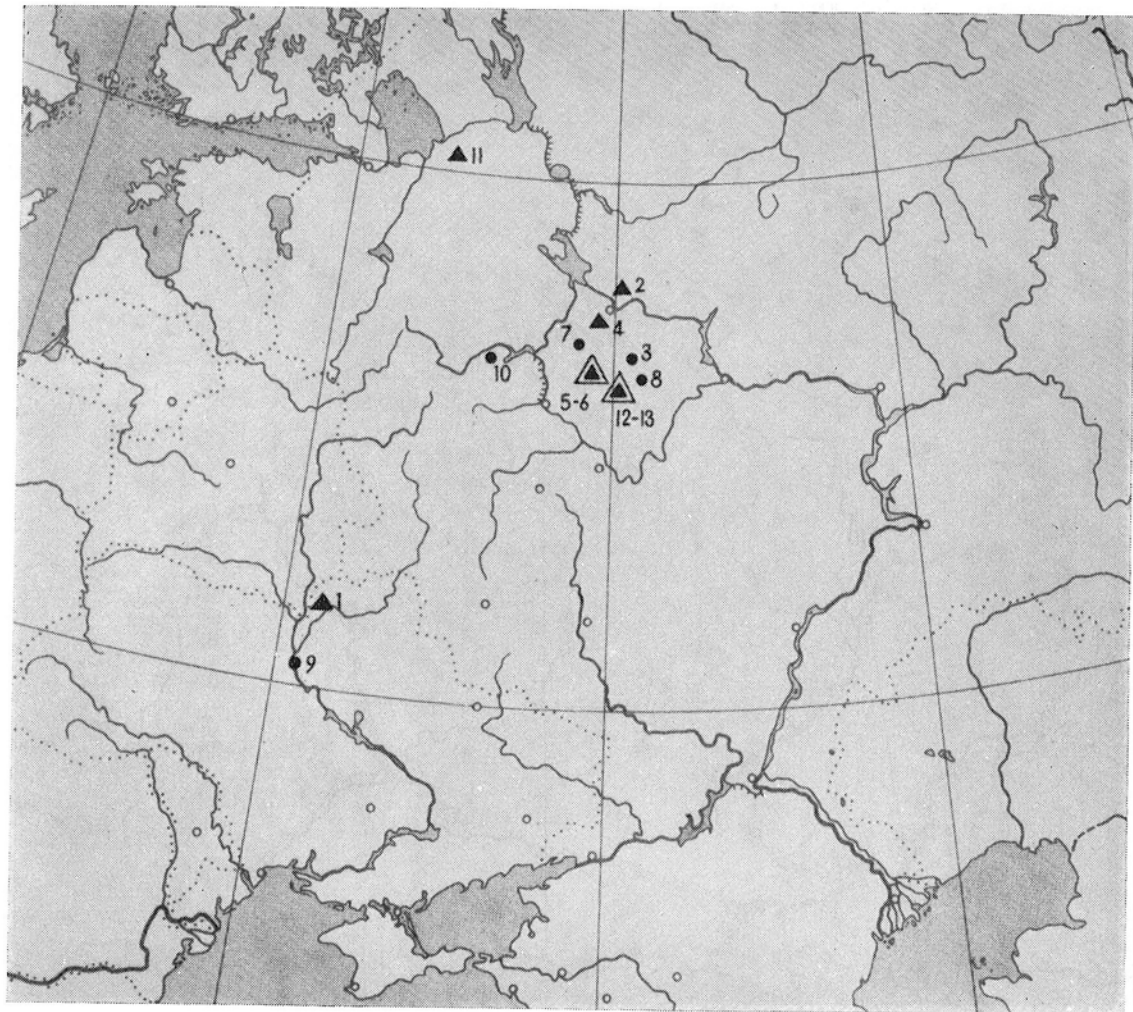
Карта V. «Обол мертвых» в погребениях с труположениями (монета у бедер или в руке).

- Обол мертвых в одном погребении.
- ◎ Обол мертвых в трех и более погребениях.

Карта VI. «Обол мертвых» в погребениях с труположениями (монета на груди).

- Обол мертвых в одном погребении.
- ⊙ Обол мертвых в трех и более погребениях.

Карта VII. Погребение с монетами — атрибутом профессии.

▲ Находка монет вместе с гирьками в одном погребении.

▴ Находки монет вместе с гирьками в двух погребениях.

● Находка монет в одном погребении.

Указатель к карте I *

№ монет на карте	№ находок по В. В. Кропоткину и М. Ю. Браичевскому	Датировка монет
1	15, 29	364/375 (или 364/378) — IV в.
2	46, 47, 48—55, 57, 60—64, 68—71, 76—80, 83—85, 89, 91—94, 96—98, 100, 102—104, 107—109, 115, 116, 119—121, 123—128, 131, 133, 136, I, 137, 139, 140, 142, 143, 147, 148, 152, 155—157	81/96—337/361 гг.
3	168	180/192 гг.
4	189	2 г. до н. э./11 г. н. э.
5	201	69/79 гг.
6	213	306/337 гг.
7	245	408/450 гг.
8	304	160-е гг.
9	429	117/138—161/169 гг.
10	436	193/211 гг.
11	448+	117/138 гг.
12	503	161/180 гг.
13	539	138/161—238/244 гг.
14	546+	337/361 гг.
15	575, 577+, 583—588, 590, 592, 593, 595—604, 608, 618, 620, 624, 634, 635, 636	I — конец IV в.
16	662	117/138 гг.
17	714, 715	31 г. до н. э.—253/260 гг.
18	971	117/138 гг.
19	1043	174 г. до н. э. — 161 г.
20	1104	II в.
21	1173	177/192 гг.
22	1188	171 г.
23	1220	117/138 гг.
24	1225	69/79 (или 79/39) — ок. 180/192 гг.
25	1252	180/192 гг.
26	1265	180/192 гг.
27	1272	ок. 283/285 гг.
28	1314	II в.
29	1338	ок. 138/161 гг.
30	1341+	98/117(?) гг.
31	1393—1395, 1397, 1418—1429, 1430а, 1435, 1447, 1449, 1453, 1454, 1455, 1459	98/117—247/249 гг.
32	1482, 1483	117/138—238/244 гг.
33	1486	?
34	1502	235/238 гг.
35	1720	457/473 гг.
36	Браичевский, 749	?

* По материалам книги: В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961, с дополнениями из книги: М. Ю. Браичевский. Римська монета на території України. Київ, 1959. Крестиком отмечены монеты-украшения.

Указатель к карте II*

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	Источник
1	Джигинское	717/741 гг.	Кропоткин (II), № 8
2	Староджереливская станица	602/610 гг.	Там же, № 25

Продолжение карты II

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	Источник
3	Таманская станица	741/775 гг.	Там же, № 27
4	Столбица	716/717— 717/741 гг.	Там же, № 46
5	Романовская станица	717/741 гг.	Там же, № 84
6	Серповое, погребение 16	632/641— 668/685 гг.	Там же, № 125
7	Днепропетровская область	642/668? гг.	Там же, № 149
8	Печеная	613/631 гг.	Там же, № 196
9	Гурзуф, склеп 56	518/527— 527/565 гг.	Там же, № 203
10	Гурзуф, грунтовая могила	582/602 гг.	Там же, № 203
11	Корез	582/602 гг.	Там же, № 209
12	Планерское, плитовая могила 14	741/751 гг.	Там же, № 213
13	Планерское, плитовая могила 16	741/751— 755/756 гг.	Там же, № 213
14	Чуфут-Кале, склеп 24	527/565 гг.	Кропоткин (II), № 225
15+	Чуфут-Кале, склеп 31	?	Там же, № 225, рис. 17, 18
16+	Чуфут-Кале, склеп 38	610/641 гг.	Там же, № 226
17+	Чуфут-Кале, склеп 107	527/565? гг.	Там же, № 227
18	Зачешиловка (Новые Сенжары?)	602/610— 641/668 гг.	Там же, № 249
19+	Малое Перещепино	582/602— 631/641 гг.	Там же, № 250
20	Тимирязевское, погребение 19	741/775 гг.	Там же, № 253а
21	Хайловщина (хутор Ханковский), грунтовая могила 31	VIII в.	Тр. XII АС, I, стр. 61, 397
22	Верхний Салтов		См. приложение, № 203

* Крестиком отмечены монеты-украшения.

Указатель к карте III

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	№ погребений в приложении
1	Б. Темерево, курган 125	783/784 гг.	126
2	Шестовицы, курган 61	886/912 гг.	202
3	Чернигов, курган «Черная могила»	869/879—945/959 гг.	201
4	Чернигов, курган «Гульбище»	IX в.?	201
5	Б. Темерево, курган 141	?	126
6	Михайловское, курган 7	804 г.	159
7	Б. Темерево, курган 120	?	126
8	Вядца	914 г.	95
9	Гиттола, курган 14	930—935 (936 гг.)	17
10	Залющик, курган I, VI	X в.	26
11	Кривовицы, курган 13	X в.?	40
12	Подъелье, курган 104, I	VIII—IX вв.	62а
13	Седнев, курган 7	?	200
14	Чернигов, курган «Княжна Черна»	?	201
15	Васильки, курган 23	X—XI вв.	127
16	р. Конбежка (близ д. Костино), курган 95,3	X в.	38

Продолжение карты III

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	№ погребений в приложении
17	Сязнега, курган 61	X в.	76
18	Б. Брембола, курган 1493	983/1002 гг.	125
19	Гнездово, курган 20	?	103
20	Гнездово, курган 60	?	103
21	Городец на Саре, курган 12	854 г.	136
22	Городец на Саре, курган 6	Не позднее первой четверти XI в.	136 155
23	Кустеря, курган 729	То же	155
24	Кустеря, курган 811	X в.	155

Указатель к карте IV

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	№ погребений в приложении
1	Шекшово, курган 142	Не позднее первой четверти XI в.	181
2	Левочка, курган 5	Не позднее первой четверти XI в.	45
3	Никольское, курган 1	XI в.	113
4	Елизарово, курган 26	1020/1051 гг.	148
5	Б. Нововесь, курган 25	XI в.	6
6	Мутьшино, курган 20	Середина XI в.	112
7	Красная Заря, курган 1	Конец X—XI в.	39

Указатель к карте V

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	№ погребений в приложении
1	Б. Темерево, курган 237	914/943 гг.	126
2	Болдино, курган 21	XI в.	5
3	Верхоляны, курган 372	Вторая половина XI в.	11
4	Кургино, курган 5	XI в.	43
5	Левочка, курган 3	XI в.	45
6	Левочка, курган 6	XI в.	45
7	Новая, курган 32	Ок. 1086 г.	51
8	Щуковщина, курган 54	XI в.	85а
9	Щуковщина, курган 55	1016/1035 гг.	85а
10	Грехов Ручей, курган 38а	1059/1071 гг.	138
11	Воздвиженье, курган 2	1038/1067 гг.	133
12	Воздвиженье, курган 3	1068/1090 гг.	133

Указатель к карте VI

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	№ погребений в приложении
1	Ненашевское, курган 2080	X в.	161
2	Шелебово, курган 85	X в.	182
3	Шелебово, курган 87	X в.	182
4	Б. Темерево, курган 31	Первая половина XI в.	126
5	Заславль, курган 18	942/954 гг.	96
6	Ненашевское, курган 2033	Конец X—XI в.	161
7	Ненашевское, курган 2826	936/1002 гг.	161
8	Матвейщеве-Вески, курган 226	936/1002 гг.	156
9	Патреева Гора, курган 100	XI в.	60
10	Калихновщина, курган 338	979/1016 гг.	31
11	Б. Брембола, курган 1534	948 г.	125
12	Калихновщина, курган 321	1038/1057 гг.	31
13	Калихновщина, курган 346	1027/1054—1086 гг.	31
14	Куклина Гора, курган 89	1002/1024—1016/1024 гг.	42
15	Осипова Пустынь, курган 1	1084/1106 гг.	164
16	Шелебово, курган 10	Не позднее первой четверти XI в.	182
17	Шелебово, курган 91	Не позднее первой четверти XI в.	182

Указатель к карте VII

№ на карте	Место погребения	Датировка монет	Наличие гирек	№ погребений в приложении
1	Чернигов, курган «Черная могила»	869/879—945/959 гг.		201
2	Михайловское, курган 65	X в.?	+	159
3	Городец на Саре, курган 6	X в.?		136
4	Б. Темерево, курган 141	X в.?	+	126
5	Б. Брембола, курган 1556	960 г.	+	125
6	Б. Брембола, курган 1568	X в.	+	125
7	Веськово, курган 831	X в.	+	130
8	Весь, курган 60	900 г.—нач. XI в.		129
9	Киев, курган 108	900—907/914 гг.		188
10	Дуденево, курган 4	X—XI вв.		21
11	Кирилина, курган 91	X в.	+	35
12	Шелебово, курган 15	X в.	+	182
13	Шелебово, курган 101	X—XI вв.	+	182

Наличие нескольких погребений со значительным количеством монет заставляет вспомнить описание Адама Бременского, свидетельствующее, что норвежцы вместе с умершими погребали достаточно крупную сумму денег, являвшихся как бы символом их обеспеченности в потустороннем мире⁷³. Сходство некоторых обычаев на древнерусской и норвежской территориях вовсе не является основанием для каких-либо конкретных выводов, но его нельзя здесь не отметить.

Сравнительно ранняя датировка погребений четвертой группы X — первой половиной XI в., локализация их в основном в Волго-Окском междуречье, близость ритуала к погребальным обрядам вышерассмотренных групп погребений с «оболом мертвых» заставляет сомневаться в том, что эти погребения, во всяком случае их большинство, могли быть отнесены к славянским.

Арабский писатель Ибн-Русте в сочинении «ал-А'лак ан-нафиса» (903—913 гг.) писал о руссах: «когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде боль-

шого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету (курсив мой. — В. П.). Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»⁷⁴. Если же под «чеканной монетой» понимать монету как таковую, а не монеты-украшения, то на основе топографирования погребений с «оболом мертвых», можно с наибольшей вероятностью считать местожительством этих руссов Волго-Окское междуречье. Один из последних исследователей восточных источников о славянах А. П. Новосельцев считает, что страну руссов надо искать где-то на севере Восточной Европы, возможно в районе Новгород—Ростов—Белоозеро⁷⁵. Характеристика страны руссов как лесистой и болотистой местности, иногда как острова, путешествия руссов в Хорасан и Булгар, торговля мехами⁷⁶ вовсе не противоречат предложенной нами локализации Руси в Волго-Окском междуречье.

Подведем некоторые итоги. Географическое положение погребений с оболем мертвых, этническая принадлежность значительной части таких погребений показывают, что «обол мертвых» в различных его формах характерен прежде всего для финно-угорских народностей, в меньшей степени, вероятно, для прибалтийских. Некоторые из таких погребений могли принадлежать норманнам. Хотя незначительное количество монет в качестве «оболы мертвых» и встречается в погребениях, которые считаются славянскими (особенно погребения с монетой на груди костяка), результаты проведенного выше анализа требуют еще раз самым тщательным образом проверить этническую принадлежность этих погребений.

В упоминавшейся статье В. В. Седова о финно-угорских элементах в древнерусских курганах помещена карта распространения в последних меридиональных труположений и шумящих привесок. На ней отмечены также древнерусские поселения с находками шумящих привесок и ареал распространения финно-угорских племен накануне славянского расселения по данным гидронимии⁷⁷. Районы находок монет в качестве «оболы мертвых» с поразительной точностью совпадают с районами могильников с названными выше признаками, что еще раз подтверждает финно-угорское происхождение большинства погребенных в этих курганах.

Возвращаясь к вопросу о монетах-украшениях в погребениях на территории древней Руси, нельзя не вспомнить высказывание Л. Нидерле о том, что «роскошные одежды и украшения развивались лишь там, где славяне непосредственно соприкасались с сосед-

Таблица II

Статистика монетных находок в погребениях

	Количество курганных групп	Количество курганов*	Количество захоронений	Количество захоронений с трупосоже-нием	Количество захоронений с труположением	Неопределенная форма захоронений	Количество захоронений с монетами			Неопределенные
							обол мертвых	атрибут профес-сии	украше-ние	
Новгородская земля	85	144(8)	145	6	85	54	17	2	74+4?	48
Полоцкая земля	8	9	9	1	3	5	1?	—	4+1?	3
Смоленская земля	19	30	30	4	16	10	1?	—	22	7
Ростово-Суздальская и Рязанская земли	66	223	225	35+2?	125+4?	58	15+5?	9	124+9	63
Волынская земля	1	1	1	—	—	1	—	—	1	—
Киевская и Переяславская земли	5	16	17	1	11+1?	4	—	1?	11	5
Черниговская земля	11	17	17	5	9	3	1?	2?	9	6
Южные степи	7	10 (2)	10	—	10	—	2+2?	—	3	3

* Указано общее число курганов и грунтовых могил; число последних указано в скобках.

ними им финскими, тюрко-татарскими, пруссо-литовскими и скандинавскими народами»⁷⁸. К такому же выводу на основе анализа инвентаря курганов полян пришла недавно И. П. Русанова⁷⁹. Еще раньше, Н. П. Журжалина в статье о древнерусских привесках-амулетах показала, что наличие или отсутствие шумящих украшений делит славян на две большие группы. Шумящие привески характерны для новгородских славян, владимирских, тверских и костромских кривичей, что сближает их с угро-финскими племенами⁸⁰. Таблица I, обобщающая находки в погребениях монет-украшений, наглядно демонстрирует наибольшее распространение их в Новгородской и Ростово-Суздальской землях, т. е. там, где славяне жили рядом с финно-угорскими племенами. Конечно, речь идет не об отсутствии монет-украшений в погребениях на других древнерусских землях, но лишь об относительно меньшем их числе.

Данные об «оболе мертвых» в курганах домонгольского периода дополняются некоторыми сведениями, относящимися к более позднему времени. Находки монет в погребениях XIV—XVIII вв. немногочисленны и приведены в качестве примеров. Однако и они в совокупности с более ранними материалами дают возможность сделать некоторые выводы о географическом расположении «обола мертвых». Интересующий нас обычай зафиксирован на территории бывшей Петербургской губернии, где в курганах и грунтовых могилах найдены новгородские и псковские монеты XV в.⁸¹

Как показывают достаточно полные материалы по топографии монетных находок республики, собранные В. Н. Рябцевичем, «обол мертвых» встречается также на территории Белоруссии, именно в западных ее частях, в пределах Гродненской области, на границах с Литовской ССР. Здесь зафиксированы погребения с пражскими грошами и литовскими монетами⁸². В археологической литературе имеются данные о находках монет XIV—XVIII вв. в мордовских и удмуртских могильниках. Так, при раскопках Гагинского могильника (б.Сергачский уезд Нижегородской губернии), были найдены золотоордынские монеты 1316, 1345, 1351, 1352, 1356, 1357, 1361 и 1363 гг. Шесть из них лежали стопкой на груди женского костяка, две на бедре мужского скелета, а одна под подбородком также мужского скелета⁸³. Имеются упоминания о монетах из других мордовских, а также удмуртских погребений⁸⁴. На территории Эстонии обнаружены монеты, относящиеся как к периоду раннего средневековья, так и к более позднему времени⁸⁵.

После рассмотрения данных об «оболе мертвых» на территории Восточной Европы можно возвратиться к разбору мнений Н. Радомерского и Е. Кольниковой о происхождении «обола мертвых». Естественно, такой обычай не являлся характерным только для какого-нибудь одного народа. Известно, что он бытовал в античном мире, включая северное Причерноморье, было отмечено его раннее распространение в юго-восточной Прибалтике. «Обол мертвых» встречается и в погребениях германских племен, в том числе на территории государства меровингов. Этот обычай играл существенную роль у финно-угорских народов. Рассмотрим доказательства Е. Кольниковой в подтверждение западного происхождения обычая «обола мертвых». Е. Кольникова полагает, что впервые этот обычай появляется у славян на территории Великоморавского государства. В подтверждение называются несколько случаев находок монет: серебряной монеты, по-видимому, Карла Простоватого (898—923) в Нитре (Словакия), золотых монет Константина V Копронима (741—775) и Василия I (880) в Бискупое (Хорватия) и Константина V Копронима в Трилье (Хорватия). Е. Кольникова отмечает, что эти находки сделаны в погребениях этнически весьма неопределенных⁸⁶. Чтобы подкрепить свой довод, она приводит примеры, которые говорят якобы об использовании на территории Великоморавского государства украшений и железных секирообразных слитков в качестве «обола мертвых»⁸⁷. Однако это предположение недостаточно аргументировано и требует специального исследования. Большой материал, собранный словацким археологом, говорит против ее же основного вывода. Факты свидетельствуют, что наибольшее распространение обычай «обола мертвых» имел в Венгрии и в тех странах и районах Европы, которые были тесно связаны с ней в экономическом, культурном, а иногда политическом отношении. В Словакии известно 30 мест находок «обола мертвых», в Моравии — 39, в Чехии — 33, в Польше — 46, в

Венгрии — 118, в Румынии — 6, в Югославии — 6, в Германии — 8⁸⁸. Таким образом, в Венгрии сконцентрировано примерно 70% общего числа мест находок «обла мертвых» всех вышеперечисленных стран. Нельзя также забывать, что Моравия и Словакия входили в состав Венгерского государства (первая в 906—955 г., вторая в 906—955 гг., 967—1003 гг., и с 1021 г.). В Польше, имевшей в этот период тесные связи с Чехией, Моравией и Венгрией, значительная часть находок сосредоточена в районах, близких к названным странам⁸⁹. Е. Кольникова пытается доказать, что хронологически «обол мертвых» появился в Польше и в Чехии раньше, чем в Венгрии. Так, она ссылается на находку в одном из погребений в Будчи (Чехия) регенбургского денария баварского герцога Генриха I (948—955), хотя уже ранее принадлежность монеты к этому погребению ставилась под сомнение⁹⁰. Находка одного денария 1003 г. и трех денариев Яромира (1003—1012) не противоречит гипотезе о влиянии венгров на распространение обычая «обла мертвых» в Чехии. В одном из погребений (№43, Гориславице, Польша) были найдены три вендки конца X—XI вв.⁹¹ Однако польские нумизматы относят вендки не к X—XI вв., а только к XI в.⁹² Интересно отметить, что эта, возможно, одна из наиболее ранних находок «обла мертвых», сделана в Южной Польше, особенно тесно контактировавшей с Венгрией, Чехией, Моравией, Словакией. Вероятно, именно этим объясняется любопытное противоречие: в Малой Польше, сравнительно бедной монетными кладами, количество погребений с «оболом мертвых» значительно. Если иметь в виду некоторые области восточной части Германии и, возможно, в отдельных случаях Поморье, можно согласиться с Е. Кольниковой о западном влиянии на распространение «обла мертвых».

Вывод П. Радомерского о значении венгерского культурного влияния на обычай «обла мертвых» в странах Центральной Европы кажется вполне убедительным и после публикации работы Е. Кольниковой. Материалы, относящиеся к древнерусской территории и не использованные последним исследователем, говорят о влиянии финно-угорских племен на распространение обычая «обла мертвых» в Восточной Европе.

Наряду с этими главными, вытекающими из анализа погребального обряда и инвентаря выводами, само существование обычая «обла мертвых» дает основание сделать несколько дополнительных, но существенных заключений.

Обычай «обла мертвых» прежде всего в юго-восточном Приладжье, на восточном берегу Чудского озера, в Волго-Окском междуречье, а также в отдельных случаях на Черниговщине и в верховьях Днепра свидетельствует, что жители этих мест рассматривали монету не только как сырье и полуфабрикат для изготовления украшений, но понимали ее значение в качестве денег⁹³. Надо полагать, что на других древнерусских территориях, на которых интересующий нас ритуал не был распространен, но которые не уступали вышеперечисленным землям по уровню экономического развития, роль монеты должна была пониматься таким же образом.

Четкое деление монет в погребениях на монеты-украшения и «обол мертвых» дает возможность более реально подходить к датировке погребений. Монеты в качестве «обла мертвых» менее консервативны, разрыв между временем их чеканки и использования при погребальном ритуале меньше, чем у монет-украшений.

Судя по двадцати погребениям IX—XII—XIII вв., отрезок времени от чеканки монеты (при подсчете учитывалась наиболее поздняя дата правления монетного сеньора, выпустившего монету) до устройства погребения составлял, как правило, около 50 лет, а часто и значительно больше. Более точное установление длительности этого периода невозможно из-за весьма приблизительной датировки погребений, имеющейся в археологической литературе.

Наблюдения над монетами в погребениях могут быть подкреплены данными о монетах в культурных слоях Новгорода. Культурные слои этого важного древнерусского центра точно датируются дендрохронологически, а полученные таким образом даты легко сопоставимы со временем чеканки монет, которые были здесь обнаружены. Проведенное сопоставление показало, что даже в период активного поступления монет на северо-запад Руси продолжительность их экономической жизни равнялась примерно тридцати-сорока

годам, а в периоды замедленного притока монет достигала двухсот лет. Примером может служить находка западноевропейской монеты начала XI в. на уровне шестнадцатого яруса новгородского культурного слоя (1197—1212 гг.)⁹⁴.

Наблюдения над хронологией «обол мертвых» в древнерусских погребениях приводят к выводам противоположным мнению П. Радомерского о том, что на территории Чехии и Моравии в XI в. монеты попадали в погребения почти сразу после чеканки, что установленный по нумизматическим данным *post quem* совпадает практически с *ante quem*⁹⁵. На территории Руси хронологический разрыв между двумя датами составляет обычно пятьдесят и более лет. Крайним *ante quem* «обол мертвых» для чешско-моравских земель П. Радомерский считает 1100 г., когда обычай класть монету в погребения здесь исчезает⁹⁶. Для домонгольской Руси *ante quem* погребений с «оболом мертвых» можно установить как время около 1200 г. Находки раннесредневековых западноевропейских денариев в более поздних погребениях можно рассматривать лишь как редкое исключение⁹⁷. Эта дата прежде всего определяется не отказом от интересующего нас обычая, но преимущественно прекращением притока западноевропейских денариев на Русь во второй четверти XII в.⁹⁸ и их постепенным исчезновением из экономической жизни.

Для монет-украшений разрыв между датой чеканки и временем захоронения и погребения мог быть значительнее. Еще в 1930 г. В. И. Равдоникас, отмечая, что в кургане близ д.Алеховщина в одном ожерелье саманидский дирхем 909/910 гг. находился вместе с монетой Экберта II конца XI в., не без оснований предупреждал: «из этого следует, как опасно хронологию погребений основывать на монетных находках»⁹⁹.

Можно привести еще более убедительные примеры. Так, в кургане №370 уд. Верхояны монета 1067—1070 гг. была в погребении XIII в., в погребении №388, датируемым XIV в., находилась монета 1020—1051 гг.; в кургане №86 у д.Жидилов Бор монета 1054—1076 гг. была в погребении XIII—XIV вв., у д.Кривовицы, в грунтовой могиле №42, датируемой XIII—XIV вв., находилась монета 1016—1035 гг., а у д. Малые Поля в грунтовой могиле №88, примерно относящейся к XIV в. — монета XI в. В Верхне-Салтовском могильнике VIII—IX вв., кроме более поздних монет, была найдена римская монета Марка Аврелия (161—180). Таким образом, если монеты-«обол мертвых» попадали в погребения по прошествии примерно пятидесяти лет со дня их чеканки, то монеты-украшения очень часто через целое столетие, а иногда и через более длительное время. «Жизнь» монет-украшений, судя по погребениям, достигала нередко двухсот-трехсот и более лет (см. табл. II).

Таким образом, и после прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в., они не сразу были исключены из экономической жизни древнерусского государства, а монеты-украшения продолжали бытовать еще в XIII—XIV вв. и, следовательно, могли оказать некоторое влияние на возрождающееся в XV в. на северо-западе нашей страны монетное дело.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Библиографию вопроса см.: В. М. П о т и н. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1967, стр. 11—15.
- 2 См., например, J. W e r n e r, Münzdatierte Austrasische Grabfunde, Berlin — Leipzig, 1935.
- 3 P. R a d o m e r s k ý, Obol mŕtvých u Slovanů v Čechách a na Moravě (Příspěvek k datování kostrových hrobů mladší doby hradištní), Sborník národního Musea v Praze. Svazek IX-A, Historický s. 2, Praha, 1955. См. также рецензию П. Керсновского на работу П. Радомерского: R. K i e r s n o w s k ý, «Kwartalnik historii kultury materialnej», г. IV, Warszawa, 1956, Nr. 4, str. 722—725.
- 4 В. М. П о т и н. Монеты в погребениях на территории древней Руси. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год. М. — Л., 1966, стр. 54, 55.
- 5 E. K o l n í k o v á, Obol mŕtvých vo včesnostredovekých hrobch na Slovensku, «Slovenská archeológia», XV—1, Bratislava, 1967, str. 189—254.
- 6 Ibid., str. 214, 216, см. также прим. 100.
- 7 Например, большинство монет лапландских жертвенных мест на территории Швеции имеют отверстия, пробитые ножом, на древнерусских землях отверстия в монетах обычно сделаны, вероятно, специальным инструментом.
- 8 В кургане № 3 в Кидомльском урочище (близ д. Селищи и Новое) — см. Приложение, № 145.

- ⁹ Тр. I АС, стр. 737.
- ¹⁰ Приложение, № 126 (курган 84), № 137 (курган 642), № 149 (курган 553).
- ¹¹ Приложение, № 125 (курган 417).
- ¹² Тр. I АС, стр. 742.
- ¹³ А. С п и ц ы н. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, стр. 97, 98.
- ¹⁴ Приложение, № 29 (курган 9а), 64, 67, 124 (курган № 1437), 156 (курган 224), 198. См. также табл. I
- ¹⁵ Приложение, № 124 (курган 1437).
- ¹⁶ А. С п и ц ы н, ук. соч., стр. 102.
- ¹⁷ Н. Д. М е ц. Сребреники из с. Митьковка. СА, 1960, № 1, стр. 214.
- ¹⁸ Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси. М. — Л., 1948, стр. 161.
- ¹⁹ Приложение, № 11, 17, 28, 40, 49, 99, 103, 114, 124, 139, 172, 188.
- ²⁰ Две византийские монеты, датированные 976—1025 гг. и западноевропейский денарий 983—1002 гг.
- ²¹ См., например, Приложение, № 11; Скадинский клад датируется второй четвертью XII в.
- ²² ОАК. Альбом рисунков, помещенных в отчетах имп. Археологической комиссии за 1882—1898 гг. СПб. 1906, стр. 108, № 582, стр. 133, № 2224. ОАК, 1892, стр. 93, рис. 55. ОАК, 1901, стр. 46, рис. 87, 88.
- ²³ Н. A g b m a n n, Birka. Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber. Text, Stockholm, 1943. Taf. 140, Nr. 13; Taf. 141, Nr. 9, 10; Taf. 142, Nr. 10, 14—17, 19—20; Taf. 143, Nr. 6, 12, 13, 110.
- ²⁴ См. Приложение, № 59, 135, 167, 188, 198; восточные монеты из собрания ГЭ, инв. № 218, 249, 310, 332, 372, 568, 751, 873, 2623, 2637.
- ²⁵ J. W e g n e r, op. cit., S. 3.
- ²⁶ А. К о т л я р е в с к и й. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 146, 149, 152, 211, 212.
- ²⁷ Д. А н у ч и н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Древности, т. XIV, М., 1890, стр. 182, 183.
- ²⁸ А. Н. С о б о л е в. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913, стр. 128—130.
- ²⁹ L. N i e d e r l e, Život starých Slovanů. Zahrady kulturních starožitností slovanských, Dil. I, Svazek I, Praha, 1911, str. 265—266; Славянские древности, стр. 210, 211.
- ³⁰ И. И в а н о в. Очерк воззрений крестьянского населения Купянского уезда на душу и на загробную жизнь. Сборник Харьковского историко-филологического общества, изданного в честь проф. Н. Ф. Сумцова, т. XVIII, оттиск. Харьков, 1909, стр. 6, 7; Л. Л е н ч е с к и й. Похоронные обряды и поверья в Староконстантиновском уезде Волынской губернии. Оттиск из журнала «Киевская старина», Киев, 1899, стр. 6.
- ³¹ И. Б е н ь к о в с к и й. Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям и верованиям народа. «Киевская старина», т. IV, сентябрь 1896, стр. 244, 254, 255; L. N i e d e r l e, op. cit., str. 266.
- ³² И. Б е н ь к о в с к и й, ук. соч., стр. 254, 255.
- ³³ И. И в а н о в, ук. соч., стр. 6, 7.
- ³⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М. — Л., 1949, стр. 239.
- ³⁵ Ю. И. К о з у б. Погребальный обряд ольвийского некрополя V—IV в. до н. э. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 83.
- ³⁶ С. П. К а п о ш и н а. Проблема состава населения древней Ольвии по материалам архаического акрополя. Тезисы кандидатской диссертации. ГАИМК, Л., 1937, стр. 4.
- ³⁷ L. N i e d e r l e, op. cit., str. 266; Славянские древности, стр. 210.
- ³⁸ Карта I, № 10, 13, 16, 18, 22, 23, 26, 29, 36.
- ³⁹ Там же, № 14, 30.
- ⁴⁰ Г. Ф. К о р з у х и н а. К истории Среднего Поднепровья в середине 1 тысячелетия н. э. СА, 22, 1955, стр. 61—81; Е. В. М а х н о. Памятки культуры полів поховань і черняхівського типу. Археологія, 4, 1950, стр. 56—77; Е. В. М а х н о в. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в институте истории АН УССР. КСИА, 6, 1956, стр. 72—78; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Про етнічну приналежність черняхівської культури. Археологія, 10, 1957, стр. 11—24; М. А. Т и х а н о в а. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 168—194. Черняховская культура. МИА, № 32, 1960.
- ⁴¹ Я. В. С т а н к е в и ч. Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья. КСИИМК, вып. 14, 1947, стр. 74—77; Я. В. С т а н к е в и ч. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, Л., 1941, стр. 72—84; М. В. Ф е х н е р. Тимеревский могильник. Ярославское поволжье, стр. 15; М. В. Ф е х н е р. Петровский могильник. Там же, стр. 23; Н. Г. Н е д о ш и в и н а. Михайловский могильник. Там же, стр. 30, 31; Е. И. Г о р ю н о в а. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, М., 1961.
- ⁴² Б. И. С и з о в. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, 1902, стр. 7; А. А. С п и ц ы н. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 6—70; Д. А. А в д у с и н. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. 30, 1949, стр. 3—14 и др.
- ⁴³ Е. И. Г о р ю н о в а. Этническая история..., стр. 185—189.
- ⁴⁴ См. В. В. С е д о в. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 120.
- ⁴⁵ Приложение, № 95.

- ⁴⁶ ОАК, 1893, стр. 11, 12.
- ⁴⁷ И. П. Ш а с к о л ь с к и й. Норманская теория в современной буржуазной науке. М., 1965, стр. 169—179.
- ⁴⁸ Там же, стр. 179.
- ⁴⁹ См. карту III.
- ⁵⁰ Карта III, № 9, 10, 12, 16, 17.
- ⁵¹ Там же, № 5, 6, 7, 15, 18, 21, 22.
- ⁵² Там же, № 1, 23, 24.
- ⁵³ Там же, № 11.
- ⁵⁴ Там же, № 8. См. также примечание 46.
- ⁵⁵ Д. И. Б л и ф е л ь д. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 151—156; В. В. С е д о в. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. Сб. «Культура древней Руси», М., 1966, стр. 250, 251, прим. 15.
- ⁵⁶ Н. A r b m a n n, op. cit., Nr. 29, 39, 58, 83 A, 465, 471, 475, 496, 513, 543, 581, 644, 752 B, 838, 860 B, 886, 956, 957, 965, 966, 977, 1007, 1031, 1045, 1053, 1057, 1074, 1081, 1112, 1132, 1151.
- ⁵⁷ M. S t e n b e r g e r, Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland, «Acta Archaeologica», v. XXXII, Kopenhagen, 1961, S. 1—134 (погребения 136, 142); A. S. G r å s l u n d, Charonsmynt i vikingatida gravar? Tor. Meddelanden från Institutionen för Nordisk forknunskap vid Uppsala Universitet, v. XI, 1965—1966, Stockholm — Uppsala, 1967, s. 168—197.
- ⁵⁸ Карта IV, № 6.
- ⁵⁹ Карта VI, № 5.
- ⁶⁰ Карта VII, № 1, 9.
- ⁶¹ Карта IV, № 5, 7.
- ⁶² Там же, № 2.
- ⁶³ Там же, № 6.
- ⁶⁴ Карта V, № 1, 2, 3, 7, 8, 9.
- ⁶⁵ Там же, № 5, 6.
- ⁶⁶ Там же, № 3.
- ⁶⁷ Там же, № 10, 11, 12.
- ⁶⁸ Карта VI, № 4, 5.
- ⁶⁹ Карта VII, № 9.
- ⁷⁰ Там же, № 9.
- ⁷¹ Там же, № 11.
- ⁷² Там же, № 2.
- ⁷³ A d a m i В р е м е н с и с, I, IV, 30.
- ⁷⁴ Перевод А. П. Новосельцева с использованием переводов Д. А. Хвольсона и А. Я. Гаржави. — А. П. Н о в о с е л ь ц е в. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. в кн.: А. П. Н о в о с е л ь ц е в, В. Т. П а ш у т о, Л. В. Ч е р е п н и н, В. П. Ш у ш а р и н, Я. Н. Щ а п о в. Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, стр. 398.
- ⁷⁵ Там же, стр. 403, 408.
- ⁷⁶ Там же, стр. 397—408.
- ⁷⁷ В. В. С е д о в. Финно-угорские элементы..., стр. 24, рис. 1.
- ⁷⁸ Славянские древности, стр. 243—247.
- ⁷⁹ Р у с а н о в а, стр. 19.
- ⁸⁰ Н. П. Ж у р ж а л и н а. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2, стр. 123, 124.
- ⁸¹ МАР, № 29, 1903, стр. 68, 69, 70, 94; ЗОРСА, т. V, вып. I, 1903, стр. 15.
- ⁸² За предоставленные сведения автор выражает В. Н. Рябцевичу искреннюю благодарность. См. также: А. А. С и в е р с. Топография кладов с пражскими грошами. Пг., 1922, стр. 10, № 6, 7; Ф. Д. Г у р е в и ч. Древности белорусского Пономанья. М. — Л., 1962, стр. 192, 193, № 154, стр. 200, № 185, стр. 202, 203, № 196. Правда, монеты XV в. найдены и в бывшей Витебской губернии: ОАК, 1892, стр. 63; ОАК, 1893, стр. 16; известны находки обола мертвых и в погребениях самой Литвы, относящихся к XIV—XVII вв. — См. V. U r b a n a v i č i u s, XIV—XVII amžiu monetos Lietuvos Kapinyuose, Труды АН Литовской ССР, серия А, т. 2 (24), Вильнюс, 1967, стр. 61—73.
- ⁸³ ОАК, 1894, стр. 153.
- ⁸⁴ ОАК, 1892, стр. 46, 47; МИА, № 27, М., 1952, стр. 45, № 245, 246.
- ⁸⁵ R. H a u s m a n n, Übersicht über archäologische Forschung in den Ostsee-Provinzen im letzten Jahrzehnt, «Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga», 1908, Riga, 1909, S. 19, 23, 26, 27, 28, 24, 35; R. H a u s m a n n, Einleitung zur Abtheilung der Archäologie. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongreß in Riga, 1896, Riga, 1896, S. XXIII, XLIV—XLV, LV, LVII, LXI—LXII, LXIII, LXIX, LXXVIII. За сообщение о фактах находок монет в поздних погребениях выражаю благодарность А. Н. Молвыгину.
- ⁸⁶ E. K o l n í k o v á, op. cit., str. 214, 216, 248—249 (немецкого резюме).
- ⁸⁷ Ibid., str. 214, 216.
- ⁸⁸ Ibid., str. 212.
- ⁸⁹ Ibid., mapa I.

- ⁹⁰ Ibid., str. 217, 222, 224, 228, Nr. 72. Cp. P. R a d o m ě r s k ý, op. cit., str. 15—16, Nr. 3.
- ⁹¹ E. K o l n í k o v á, op. cit., str. 217, 230, Nr. 111.
- ⁹² M. H a i s i g, R. K i e r s n o w s k i, J. R e y m a n, Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Małopolski, Śląska, Warmii i Mazur. Materiały, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, str. 17, Nr. 14.
- ⁹³ См. также: E. K o l n í k o v á, op. cit., str. 251, где автор, исходя из сущности обола мертвых, делает вполне логичный вывод, что было бы бессмысленно класть в погребение монету, которая не была в обращении.
- ⁹⁴ В. М. П о т и н. Монеты из раскопок в Новгороде и нумизматическая хронология. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 год. Л., 1967, стр. 44—46.
- ⁹⁵ P. R a d o m ě r s k ý, op. cit., str. 79.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Известны два кургана с. Воздвиженье, которые датируются XII — XIII вв.
- ⁹⁸ В. М. П о т и н. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 84—115.
- ⁹⁹ R a u d o n i k a s, S. 110.
- ¹⁰⁰ Одновременно с получением корректуры настоящей работы вышла в свет статья: V. Vavžinek, «Charónův obolos» na velké Moravě («Numismaticke listy», 1970, № 2, str. 33—39). Автор ее связывает появление в Моравии обычая «обола мертвых» с византийским влиянием.

НАХОДКИ МОНЕТ В ПОГРЕБЕНИЯХ

Условные обозначения. Графа 3: к — курган, гм — грунтовая могила, плм — плитовая могила; нумерации курсивом дан год раскопок; графа 5: тп — труположение, тс — трупосожжение; у — с ушком; графа 13: пу — прямое ушко, пи — пирамидальное, пр — проволочное, г — ушко

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Новгородские земли											
1	Алеховщина на р. Оять	к	1	тп	—	1	—	3	4	909/910 1068/1090	
2	Архангельское на р. Волхове	к		тп	м?	—	—	1	1	XI в.	
3	Архангельское на р. Осуч	к	1	тп		—		1	1	X—XI вв.	
4	Бежицы, при р. Мологе	к	1872	тп				1		1039—1056	
5	Болдино	к	21	тп	—	—	—	2	2	XI в.	
6	Большая Нововесь	к	25	тп	—	—	—	1	1	XI в.	
7	Большие Горы (нижний конец)	к	4	тп		1	—	—	1	949/950	
8	Большие Поля на р. Плюссе	гм	56 (24)			—	—	1		XI в.	
9	Бор	гм	24 (5)	тп		—	—	2	2	XII в.	
9а	Бор	к	43	тп	ж	6	—	—	6	X в.	
10	Вахрушево	к	117,2	тп	ж	—	—	3	3	987/996 —995/1002	
11	Верхоляны на р. Черме	к	117,4	тп		5	—	1	6		
		к	370 (6)	тп	м	—	1		1	1067—1070	
		к	371	тп	ж				2	2	?
		к	372 (8)	тп	м	—	—	1	1	1	XI в.
		к	379	тп	ж	ж	3	—	—	3	961/976— 976
12	Видлица	гм	388 (4)	тп	ж	—	—	1	1	1020/1051	
12	Видлица	к	3	тп		—	—	4	4	XI в. (не ранее середины XI в.) 1024/1039	
13	Вичугино на р. Капше	к				—	—	1	1	1024/1039	
14	р. Воронега	к	4	?	ж	—	—	1	1	1016/1035	
15	Выра	к	13	тп	м	1	—	—	1	X—XI вв.	
16	Высокое	к				2	—	—	2	952—986	

ПРИЛОЖЕНИЕ

НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

графа 4: первая цифра — номер кургана, вторая (после запятой) — погребения, при отсутствии графа 6: ж — женщина, м — мужчина, д — детское погребение; графа 12: д — монеты с дырой, с гладкой поверхностью, р — рубчатой; графа 14: пк — приклепанное ушко, пп — припаянное.

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у	3 г	3 пк	В ожерелье	Четвертая монета разломана	ОИПК, 700/292—294, 304, Потин, № 241
у		пк	Близ левого плеча одного из костяков	Обломок монеты	ОАК, 1882—1888; Потин, № 197 Потин, № 248
—			На груди, в составе ожерелья		ЗОРСА, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 283; Потин, № 253; Плетьнев, стр. 413, 421
у?			У правой стороны таза скелета		МАР, № 18, стр. 103; Потин, № 225
			У черепа		МАР, № 18, стр. 103; Потин, № 224
3 у 3 д			Между ступнями, на кусочке дерева	«Части подвески из монеты...»	ИГАИМК, вып. 94, стр. 19, 20
			У подбородка и у левой ступни	Одна из монет, по-видимому, польская XII в.	МАР, № 29, стр. 68; Потин, № 145
у		пк	Ожерелье из бусин и подвесок	Ушки гладкие (?), прямые	ИАК, вып. 6, стр. 56 ГИМ, 52/3; ИАК, вып. 6, стр. 38
у	пу р	пк	В составе ожерелья		МАР, № 18, стр. 130; Потин, № 236
			У шеи	Курган, XIII в. (?)	Там же
у д			В ожерелье из бусин	Курган XI—XII вв.	ОИПК, 868/135; МАР, № 29, стр. 107; Потин, № 153; Кропоткин (II), № 72
			Между коленами костяка	Монета в обломках	МАР, № 29, стр. 107, 108; Потин, № 153
у	1 пи г	пк	В ожерелье из бусин		ОИПК, 868/145; МАР, № 29, стр. 108; Потин, № 153
у	пу г	пк			ОИПК, 868/185, 186, 187; МАР, № 29, стр. 108, 109
			У шеи, вместе с бусами		ОИПК, 868/238; МАР, № 29, стр. 110; Потин, № 153
у					ИГАИМК, вып. 94, стр. 14, 15
					ОИПК, 700/317; Потин, № 237
					Потин, № 216
			В составе ожерелья из бусин		МАР, № 20, стр. 110
					Марков, стр. 39, № 210;
					ИРАО, т. 1, стр. 44
					ЗРАО, т. 6, стр. 411, 421

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Обл. кол-во монет или кол-во монет, кот. в исполз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монета)
						восточных, в слободах древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
17	Гиттола	к	6	тп		1	—	—	1	966/967
		к	14	тс		4	—	—	4	Ок. 930—936
18	Гостилицы	к	14	тп		—	—	1	1	1021/1036
		к	25	тп	м?	—	—	1	1	XI в.
19	Гусева Гора	к	144 (3)	тп		1	—	—	1	Мансур II
20	Дедово Поле	к		тп		—	—	1	1	1024/1039
		к		тп		—	—	1	1	XI в.
21	Дуденево	к	4	тс		1	—	—	1	X в.
		к	1902	тп	ж	2	—	—	2	конец X в.
		к	6	тп	ж	1	—	—	1	X в.
		к	4	тп		—	—	20	20	X—XI вв.
22	Дятлицы	к	25			—	—	1	1	1027—1036
23	Жидилов Бор	гм	86	тп	ж	—	—	1	1	1054/1076
24	Залахтовье	к	1			3	—	—	3	971/972
		к	16	тп		1	—	—	1	?
		к	17	тп	ж?	2	—	—	2	971/997
		к	18,1	тп		1	—	—	1	середина X в.
25	Залужье	к	—	—	—	—	—	—	1	X в.
26	Залющик	к	1,3	тс	ж	5	—	—	—	
		к	2	тп	ж	1	1	1	3	X—XI вв.
27	Замошье	к	2	тп	ж	—	—	1	1	978/1016
		к	3	тп	д	—	—	1	1	929/964
		к	8	тп	ж	—	—	1	1	1016/1035
		к	12	тп	д	—	—	1	1	XI в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у		пк			Raudonikas, S. 62
1 у	р	пк	Среди кальцинир. костей	Половина монеты	ИГАИМК, вып. 94, стр. 9; Raudonikas, S. 68, 100
у			Среди золы в области ступней сидящего костяка		ИАК, вып. 1, стр. 66, Потин, № 186; ВИА, вып. XIV, стр. 217, 248
д					ИАК, вып. 1, стр. 66; Потин, № 186; ВИА, XIV, стр. 217, 248
у		пк		Больше ничего не найдено	ОИПК, 868/253; МАР, № 29, стр. 84
• у			У ног	Обломок монеты Дирхем, брактеат. Ко- нец X в., курган XI—XII вв.	ИРАО, т. 10, Бюллетень, стр. 16, 17, № 63; Потин, № 227 ИРАО, т. 10, Бюллетень, стр. 16, 17, № 68 Там же, стр. 16, 17 ИАК, вып. 6, стр. 7
у			В ожерелье Около кисти левой ру- ки костяка	Курган XII в. Монеты были сложены в две стопки	ИАК, вып. 6, стр. 8 Потин, № 246
д				Погребение XIII— XIV вв.	ОИПК, 688/31 ЗОРСА, т. 5, вып. 1, стр. 72; Потин, № 161
у	1 пш г 2 пу г	пк			ОИПК, 721/4—6, Раскопки А. А. Спицына в 1911 г. ОИПК, 878/282. Раскопки К. Кудряшова в 1911 г. ЗОРСА, т. 9, стр. 257—259
у	пу г	пк	На груди, в составе ожерелья	Остатки ушков. На од- ном дирхеме допол- нительное отверстие	ОИПК, 878/70, 71
у	пу г	пк	На шее, вместе с бу- сами		ОИПК, 878/143
1 у			Одна монета в составе ожерелья	Очень вероятно, что остальные монеты яв- лялись украшениями	ЗРАО, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 289 ESA, IV, S. 244, Abb. 3
1 у д			Одна монета без дыры или ушка		ESA, IV, S. 246; Потин, № 235
у	пу г	пк	В составе ожерелья из бусин	Привеска из клипы	ОИПК, 693/49; ИАК, вып. 53, стр. 88—93; Потин, № 150
у	пу г	пк	У черепа		ОИПК, 693/22
д					ОИПК, 693/25
у			Около левой руки	Половина монеты	ОИПК, 693/11

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в сдобках древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
28	Заозерье	к	1,1	тп	д	—	—	1	1	1038/1057	
		к	1,4	тп	ж?	—	—	3	3	1038/1057—1086	
29	Избрижье	к	6,8			1	—	—	1	922/923	
		к	4	тп	ж	6	—	2	8	Ок. 1056/1060	
30	Ильино	к	9, а	тп	ж	—	—	5	5	XI в.—1090	
		к	5,1	тп	ж	—	—	1	1	XI в.	
31	Калихновщина	к	5,3	тп		—	—	2	2	1027/1054—1086	
		к	269	тп	ж	—	—	2	2	1020—1068/1090	
		к	278	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	286	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	316	тп	ж	—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	320	тп	ж	3	—	1	4	X в.—1038/1057	
		к	321	тп	ж	—	—	1	1	1038/1057	
		к	338	тп	ж	—	—	1	1	978/1016	
32	Каменка	к	346 (78)	тп	ж	—	—	2	2	1027/1054—1086	
		к	47	тп	ж	—	—	1	1	1047/1066	
33	Карлуха	к	7а	тс	—	1	—	—	1	958/959	
		к	7в	тс	—	1	—	—	1	934/935	
		к	12, II	тп	—	—	—	—	3	3	X—XI вв.
		к	12, II	тп	—	1	—	1	2	X в.—978/1016	

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у	г?	пк		Край монеты обломан Остатки ушков. Край одной монеты обломан	Потин, № 234 ОИПК, 700/26, 27, 28; Потин, № 234
у	пир	пк	В составе ожерелья из бусин		ОИПК, 700/89в
у		пр	В составе ожерелья из бусин Вместе с бусами	Среди восточных монет 5 подражаний	ЗРАО, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 286; УИМ, стр. 192; Потин, № 245 УИМ, стр. 193; Потин, № 245
д			Слева от берцовой кости На груди	Курган XII в.	Потин, № 213; ESA, IV, S. 222 ESA, IV, S. 222, 223
у			На груди	Обломок монеты Курган XI в.	ОИПК, 856/48; МАР, № 29, стр. 96; Потин, № 152 ОИПК, 856/66; МАР, № 29, стр. 97, 98; Потин, № 152 ОИПК, 856/74; МАР, № 29, стр. 99 (ушко в настоящее время не сохранилось)
д				Расклепана	ОИПК, 856/136; МАР, № 29, стр. 101
3 у			3 дирхема на шее, в ожерелье из бусин и двух пронизок. Денарий на груди На груди	Курган XI—XII вв.	ОИПК, 856/156; МАР, № 29, стр. 102; Потин, № 152
1 у			Монета с ушком (1086 г.) в ожерелье из бусин; другая монета в верхней части груди	Курган XI—XII вв. Курган XI в.	МАР, № 29, стр. 103; Потин, № 152 МАР, № 29, стр. 103; Потин, № 152 МАР, № 29, стр. 104; Потин, № 152
д				Здесь же найдены бусы	ОИПК, 864/57; ЗРАО, н. с., т. 11, вып. 1—2, стр. 364; Потин, № 204
у			Среди кальцинированных костей	Здесь же найдены бусы	ИГАИМК, вып. 94, стр. 31; Потин, № 240
у			Среди кальцинированных костей	Здесь же найдены бусы	ИГАИМК, вып. 94, стр. 31; Потин, № 240
у		пк	У шеи, в составе ожерелья из бусин и бронзовых бубенчиков	Вещи скелета А	ИГАИМК, вып. 94, стр. 33; ЛОИА, ф. 2, 1930, д. 201; Потин, № 240
у		пк	У шеи, в составе ожерелья из бисера и бусин	Вещи скелета В	ИГАИМК, вып. 94, стр. 33; ЛОИА, ф. 2, 1930, д. 201; Потин, № 240

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользе. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
34	Кикерино	к		тп	м	1	—	—	1	X—XI вв.
35	Кирилина	к	90	тп	ж	—	—	4	4	X в.
		к	93,1	тп	ж	—	—	4	4	1024/1039— 1106/1125
		к	93,3	тп		—	—	4	4	X—XI вв.
36	Княжая Гора, Лужский уезд, Спб. губ.	к		тп		1	—	—	1	913/942
37	Кобринно	к	3	тп		—	—	1	1	конец X — начало XI в.
38	р. Конбежка (при впадении р. Конбежки в р. Пашу)	к	95,3	тс	м	2	—	—	2	X в.
39	Красная Заря	к	1	тп		—	—	—	1	
		к	8, III	тп		—	—	1	1	1039/1056
		к	12	тп		—	—	1	1	973/983
		к	14, V	тп	ж	1	—	—	1	946/960
		к	16, I	тп	д	—	—	1	1	1004/1026
		к	16, V	тп		—	—	1	1	X в.
		к	20			—	—	1	2	1016/1035
40	Кривовицы	к	1	тп	ж	—	1	—	1	969/976
		гм	42	тп	ж	—	—	1	1	1016/1035
		к	13	тс		—	—	1	1	X—XI в.
41	Кузнецы	к	3	тп		—	—	1	1	XI в.
42	Куклина Гора	к	89	тп	ж	1	—	2	3	974— 1016/1035
43	Кургино	к	5, II	тп		—	—	1	1	XI в.
44	Курово	к	5	тп		—	—	1	1	Ок. 1086
45	Левочка, Хвойнинский р-н, Новгородская обл.	к	3	тп	ж	—	—	1	1	XI в.
		к	1962							
		к	5	тп	ж	1	—	—	1	
		к	6	тп	м	—	—	1	1	XI в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
2 у 1 у			Около груди В ожерелье из бусин	Здесь же были найдены 4 весовые гирьки XI—XII вв. (датировка кург. группы)	Потин, № 188 МАР, № 18, стр. 120; Потин, № 232 МАР, № 18, стр. 121; Потин, № 232 Потин, № 232 Марков, стр. 140, № 27 Потин, № 180
у д у у	ц у г	пк	Рядом с черепом На груди У шеи, в составе ожерелья из бисера и бусин У шеи, среди ожерелья из бусин	Обломок монеты Монета была в двух фрагментах Ушко медное Половина монеты	ИРАО, т. 10, Бюллетень, стр. 8, 9, № 17; МАР, № 18, стр. 3, 122 ИГАИМК, вып. 94, стр. 40 ИГАИМК, вып. 94, стр. 41; Потин, № 212 ИГАИМК, вып. 94, стр. 43; Потин, № 212 ИГАИМК, вып. 94, стр. 43 ИГАИМК, вып. 94, стр. 44; Потин, № 212 ИГАИМК, вып. 94, стр. 44; Потин, № 212 ИГАИМК, вып. 94, стр. 45; Потин, № 212 Кропоткин (II), № 74; ОИПК, 868/340 ЗОРСА, т. 5, вып. 1, стр. 71; Потин, № 162
д у у у	ц у р	пк пк	У шеи, в составе ожерелья из бусин На шее, вместе с двумя маленькими позолоченными круглыми пуговками В груди пережженных костей	Одна монета была неопределена Погребение датируется XIII—XIV вв.	ЗОРСА, т. 5, вып. 1, стр. 68, 69; Потин, № 162 МАР, № 18, стр. 98; Потин, № 238 ОИПК, 856/405; МАР, № 29, стр. 75; Потин, № 146 ИГАИМК, вып. 94, стр. 23, 24; Потин, № 239 Потин, № 208 Сообщение Н. В. Тухтиной (ГИМ) То же
1 д д			На груди «В поясной части скелета» В куске коры, около кисти левой руки Во рту скелета В куске коры, рядом с левым коленом скелета	Дирхем с отверстием, денарии помятые Курган XII в. С двумя отверстиями	То же То же

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользу лиц-ре. точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
46	Малые Поля	гм	88 (16)			—	—	1	1	XI в.
47	Межно	к	17	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.
48	Мозолево	к	9	тп	ж	—	—	1	1	XI в.
		к	12						1	
49	Никольское	к	7 погребение А и погребение В			3	—	—	3	929/968
50	Никольщина	к				1	—	1	1	938/939
51	Новая	к	29	тп		—	—	2	2	978/1016—1086
		к	32,3	тп	ж	—	—	1	1	Ок. 1086
52	Новгород	к	38			—	—	1	1	X—XI вв.
53	Новоселок	к	14,3	тп	ж	—	—	1	1	XI в.
54	Одосье	к			ж	1	—	1	2	891—X/XI вв.
55	Озера	к	11	тп	м			1	1	1016/1035
		к	12	тп	ж			1	1	1038/1057
		к	25	тп	м	1	—	—	1	X в.
		к	27	тп	ж	2	—	—	2	
56	Озертицы	к	7			—	—	2	2	X—XI вв.
57	Ольгин Крест	к	7			2	—	—	2	930—968
58	Осьмино	к	24	тп	м ж	—	—	1	1	X—XI вв.
59	Павлов Погост	к	220 (2)	тп	ж	—	1	9	9	969/976—1021/1036
		к	221 (3)			1	1	1	3	969/976—998/1012
60	Патреева Гора	к	100	тп	м	—	—	1	1	XI в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у	1 п у р	пк	На шее	Половина монеты	Потин, № 144; МАР, № 29, стр. 74 (датируется XIV в.)
у			На шее	Вместе с золоченой бусиной и бронзовой застежкой; ушко гладкое, прямое «Серебряная монета»	Потин, № 177 ИГАИМК, вып. 94, стр. 51; Потин, №215
2 у д	п у г		У таза скелета	Одна монета с остатками ушка и дырой	ИГАИМК, вып. 94 стр. 51, 52; Потин, № 215 ОИПК, 6 99/21, 45, 52
у		пк			Остатки ушка; монета европейская обломана, позолочена?
1 у		пк		На одной из монет следы бересты	Потин, № 226
у				Прикрыта кусочком бересты	Потин, № 226
у	п у г	пк		Следы бронзового ушка	Потин, № 199
у				Здесь же были найдены бусы	ОИПК, 700/373; Raudonikas, S. 77; Потин, № 214
у		пк		Следы ушка западноевр. монеты; дирхем обломан	ОИПК, 864/38, 40; Потин, № 203
у д				Саманиды	МАР, № 20, стр. 70; Потин, № 179 МАР, № 20, стр. 70; Потин, № 179 МАР, № 20, стр. 70; Потин, № 179 МАР, № 20, стр. 70; Потин, № 179 МАР, № 20, стр. 70; Потин, № 179 ОИПК, 871/246, 247
		пк		Оба дирхема имеют отверстия, сделанные после сломов ушка	
у			В составе ожерелья из бусин		АИЗ, т. 3, стр. 268; Потин, № 175—1 МАР, № 29, стр. 90; Потин, № 151;
2 у		1 пп	На груди	Западноевр монета обломана	К ропоткин (II), № 77 ОИПК, 871/309, 340; МАР, № 29, стр. 91 МАР, № 29, стр. 77; Потин, № 149

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западновропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
61	Пестово, Устюжский уезд, Новгородская губерния	к	1844			11	—	—	11	Ок. 926—990
62	Поддубье	к	32	тп	ж	—	1	1	2	X—XI вв.
62а	Подъелье	к	104, 1	тс		1			1	VIII—IX вв.
63	Полицы	к				1	—	1	1	X—XI вв.
64	Полицы	к	2	тп	ж	—	—	2	2	XI в.
65	Псков, Завеличье			тп	ж	—	—	2	2	978/1016—1016/1035
66	Рабола	к	4, III	тп		—	—	1	1	1089/1099
67	Ригачево	к	1,3 (108)			—	1	6	7	976/1025—1016/1035
68	Ронковицы	к	14		м	—	—	—	2	
69	Рождественно	к	2	тп		—	—	1	1	X—XI вв.
70	Русковицы	к	5	тп	м	1	—	1	2	Ок. 950/985—X/XI вв.
71	Рыбежно	к	17,2	тп		1	—	—	1	933
		к	17,3	тп		1	—	1	2	978/1016
72	Савинские Горы	к	1900	тп		1	—	—	1	
73	Самолва	к		тп	ж	6	—	3	9	XI в.
		к	1958	тп	д	—	—	2	2	978/1016—XI в.
74	Сорогожа	к	1843	тп	ж	10	—	—	10	X в.
		к	24 (1)	тп	ж	2	—	—	2	971—975
			29 (6)	тп	ж	3	—	—	3	913/942
75	Старая Ладога	гм		тс		—	—	13	13	981—X в. Вторая половина XI в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у	пу г	пк	На груди вместе с бусами	Монеты найдены при раскопках курганов Остаток ушка Остаток монеты, вещи Х в.	Марков, стр. 27, № 149 ОИПК, 864/25; ЗРАО, н. с., т. 11, вып. 1—2, стр. 361; Потин, № 205; Кротоцкий (II), № 78 МАР, № 18, стр. 125
у		пр	В составе ожерелья из бусин	В числе русских серебряных украшений	Потин, № 156 ОИПК, 849/2,3; ЗОРСА, т. 5, вып. 1, стр. 27, 28; Потин, № 211 Потин, № 167
2 у		пр пак	У черепа, вместе с бусами	Бронзовое ушко, к ушку прилипла бусина	ИГАИМК, вып. 94, стр. 12; Потин, № 249 ОИПК, 700/221—227; Потин, № 233
у у у у д	пу г г г	пк пк пк пк		Остатки ушка Остатки ушка Вероятно, следы штифта	МАР, № 20, стр. 35, 83
у 1 у				Здесь же были найдены бусы Обломок монеты Западноевр. монета в обрывке кожи	МАР, № 20, стр. 108; Потин, № 178 Потин, № 183; Марков, стр. 140, № 25 МАР, № 18, стр. 101 МАР, № 18, стр. 101; Потин, № 223
у у			В составе ожерелья	Вместе с монетами, возможно, остатки кошелька	Плетнев, стр. 392 Потин, № 159—1 Потин, № 159—1
у			На груди	Здесь же найдены бусы, бубенчики, пронизки	ЗРАО, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 282; Плетнев, стр. 476, 477, 482, 483 ИАК, вып. 6, стр. 16
у			В составе ожерелья из бусин		
у			В составе ожерелья из бусин		ИАК, вып. 6, стр. 17 УЗЛГУ, 1941, № 80, стр. 120; КСИИМК, вып. XI, стр. 41; Потин, № 196

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользе. литье точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монета)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
76	Сязнега	к	47,2	тп	м	—	—	2	2	1027/1054— 1038/1057 983/1002
		к	47,3	тп		—	—	1	1	
		к	59,1	тп	м	—	—	1	1	
77	Сяскелево	к	61	тс	м	1	—	—	1	X в.
		к	17	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.
		к	21		м	—	—	—	1	
78	Терплицы	к	29		м	—	—	2	2	X—XI вв.
79	Тихвинский уезд	к				—	—	1	1	конец X— нач. XI в.
80	Тяглино	к	23		м	—	—	1	1	X—XI вв.
		к	13	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.
		к	23		м	—	—	1	1	X—XI вв.
81	Федово	к	43	тп	м (осе- лок)	—	—	—	1	X—XI вв.
		гм	34	тп		1	1	1	3	
82	Хотовский Бор, Гдовский уезд	к	1878		м	1	—	—	1	
83	Хрепля	к	12			—	—	2	2	X—XI вв.
84	Череповцы	к	20			2	—	—	2	895—923
		к	16		м	1	—	—	1	
		к	118	тс		3	—	—	3	
85а	Щуковщина	к	44,2	тп		—	—	3	3	983/1002
		к	54,2	тп	ж	—	—	3	3	XI в.
		к	55,4	тп		—	—	1	1	1016/1035
86	Аникова, Пермская обл.	к	57,1	тп	ж	—	—	1	1	1024/1039
		гм	1894	тп	ж	5	—	—	5	949/976— 991
		гм	8			—	—	1	1	1059/1071
87	Весьякарская, Удмуртская АССР	гм	8			—	—	1	1	
88	Громово, Саккола, Ленинградская обл.	к	1920	тс		1	—	1	2	?—XI в.
89	Куркиеки, Ленинградская обл.	к	8			1	—	—	1	1068/1090
		к				—	—	2	2	

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у				Четверть дирхема Обломок монеты	МАР, № 18, стр. 109; Потин, № 230 МАР, № 18, стр. 109; Потин, № 230 МАР, № 18, стр. 113; Потин, № 230 МАР, № 18, стр. 3, 114 Потин, № 191; МАР, № 20, стр. 58 МАР, № 20, стр. 35, 86
у		пк		Остатки ушка	ОИПК, 702/40 (Раскопки Грамматинского)
			Вместе с другими предметами	Половина монеты	МАР, № 20, стр. 60; Потин, № 190 МАР, № 20, стр. 59 Там же, стр. 60
у			2 монеты на груди вместе с бусами. Одна из монет у правого бедра скелета Около костей таза	Обломок монеты	Там же ИАК, вып. 15, стр. 2; Потин, № 249; Кропоткин (II), № 51 Марков, стр. 33, № 182 Потин, № 181; Материалы и исследования Новгородского Гос. музея, вып. 1, Новгород, 1930, стр. 22 Потин, № 181 МАР, № 20, стр. 35, 87 МАР, № 18, стр. 131, 132
у					МАР, № 18, стр. 107; Потин, № 231 МАР, № 18, стр. 111; Потин, № 231 МАР, № 18, стр. 111; Потин, № 231 МАР, № 18, стр. 111; Потин, № 231 МИА, № 27, стр. 189; № 1223 Потин, № 274 Потин, № 255 Потин, № 259 Потин, № 259

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Обл. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монета)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
90	Солдырская	гм				1	—	1	2	конец X— XI в. 942/954— после 961/976 X в.— 985/995
91	Усть-Сысольск		1851			2	—	—	2	
92	Челмужи	к	2,1	тп	ж	2	—	4	6	945/957— 1042/1066
		к	5	тп	ж	—	3	3	6	
Полоцкая земля										
93	Бердыш Быховский р-н, Могилевская обл.	к	2			—	—	1	1	1056/1076 XI в.
		к	1920			—	—	1	1	
94	Вотня, Сатро-Быховский уезд, Могилевская губ.	к	1	тп		1 + 4	—	—	5	786/787— 808/809
95	Вядца, Сенненский уезд, Могилевская губ.	к	1893	тс		1	—	—	1	914
95а	Игуменский уезд, Минская губ.	к	1	тп	ж	1	—	—	1	
96	Заславль, Минская губ.	к	18,3	тп		1	—	—	1	942/954
97	Могилев	к				6	—	—	6	704—810
98	Овидовичи	к				1 + 1	—	—	2	981— 980/1015
99	Поповка	к	1925			1	—	—	1	911/912
100	Славены, Вушацкий р-н, Полоцкая губ.	к	7	тп	ж	1	—	—	1	914/943
101	Солоное	к	5			—	—	1	1	XI в.
Смоленская земля										
102	Васильево	к	2			1	—	1	2	
103	Гнездово	к				—	2	—	2	886/912
		к	20	тс	м	1	—	—	1	905/906

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
д			В составе ожерелья из бусин и бисера		Потин, № 274 Канивец, стр. 150, 151 ОИПК, 1553/24—27. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 111, 112. Там же, стр. 113
у			У шеи, в составе ожерелья из бусин		Потин, № 287 Потин, № 285
у			В составе ожерелья	Монета «без ушка» в самом большом кургане этой группы. Костяк был на костице	А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 13, 14, № 15; УИМ, стр. 142, 143 Марков, стр. 139, № 16; ЗРАО, н. с., т. 8, вып. 1—2, стр. 118; ОАК, 1893, стр. 11, 12 (здесь сомнение в славянск. принадлежности кургана) УИМ, стр. 137
			Между костями	Обломок монеты	Працы, т. 1, стр. 87—90, 91, 92
			В составе ожерелья	Монеты были найдены в нескольких курганах	Марков, стр. 26, № 142
			На груди		Древности, т. VIII, Протоколы, стр. 37; Працы, т. III, стр. 113
у	пур	пк	«Около костяка»	Вместе с бусами	Фасмер, список II, стр. 291, № 35; Харлампович, стр. 323, № 7 Працы, т. II, стр. 205, 206, табл. II, № 6 ОИПК, 804/12; Працы, т. III, стр. 113; Потин, № 286
у				Дирхем с ушком	Потин, № 304
у				Датировка по одной определенной монете	МАР, № 28, стр. 41, 47; Кропоткин (II), № 103 УИМ, стр. 96

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользе, лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
104	Горки	к	21	тс		1	—	—	1	913/914
		к	60			1	—	—	1	
		к	23 1949	тс	м ж	1	—	—	1	904/905
		к	63			2	—	—	2	
		к	97			1	1	—	2	869/879— 913
		к	1925			1	—	—	1	907/908
		гм	1940	тс	ж	—	1	—	1	912/913
		к	13 1949	тс	м ж	5	—	—	5	середина VIII/IX— 907/908
		к	47	тс	м	—	1	—	1	829/842
		к	35 1949	тс	м ж	1	—	—	1	786/809
		к	38 1949	тс	ж	2	—	—	2	842/845— IX—X вв.
		к	1896	тп		—	2	1	3	969/976— первая половина XI в.
		105	Духовщинский уезд, Смоленская обл. (могильник на р. Царевиче)	к	1890	тс		1	—	—
106	Духовщинский уезд, Смоленская обл. (могильник на р. Хлюста)	к	1890	тп		1	—	—	1	VII в.
107	Зимницы, Рославский уезд, Смоленская губ.	к				1	—	—	1	916
108	Копыревщина	к	1899	тп		—	—	1	1	978/1016
109	Коханы, Ельнинский уезд, Смоленская губ.	к	Ок. 1900			3	—	—	3	X в.
110	М. Бохот	к	11	тп	ж	—	—	1	1	1059/1071
111	Мицина, Кардымовский уезд, Смоленская губ.	к	1	тп	м	4	—	—	4	918/919— 976/980

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
д			Здесь же найдены гирька, бусы, скандинавская фибула	Обрезок дирхема	ГИМ, 114/35а; УИМ, стр. 96 УИМ, стр. 106 Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 347—349 УИМ, стр. 107
у			В составе ожерелья	Два обломка дирхе- мов	ИАК, вып. 15, стр. 53; Кропоткин (II), № 104 Фасмер, список II, стр. 291, № 38
д			Вместе с бусами	Монета золотая	КСИИМК, вып. XI, стр. 27, 28; Кропоткин (II), № 105
1 у		пк	Здесь же найдены бусы, гирька 14-тигранной формы, гирька железная, коромысла складных весов	Два целых дирхема, два обломка и одна четвертинка	Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 320, 321, 334—340
у	пу р	пк		Ушко и монеты золотые	КСИИМК, вып. XLIV, стр. 93—95, 98, 101, рис. 28; Кропоткин (II), № 106
у			Здесь же найдены бусы		Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 358—361.
у			Вместе с одним из дирхе- мов найдены бусы	Найдены при раскопке двух курганов	Там же, стр. 362—364 Потин, № 290; Кропоткин (II), № 49
у					Марков, стр. 143, № 242; ЖМНП, 1891, стр. 75
у			В составе ожерелья		Марков, стр. 43; № 242; ЖМНП, 1891, стр. 75
у		пк		Три привески — подражания дирхемам Край монеты обломан	Марков, стр. 44, № 249; Самоковасов, Основания, стр. 47 Потин, № 297 ГИМ, 101/236
3 у д	2 пи	пк		У одного дирхема ушко обломано	ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 101; Потин, № 289 Працы, т. II, стр. 286—288, табл. V

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. литературе точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
112	Мутышино	к	20	тп		—	—	1	1	XI—XII вв.
113	Никольское	к	1	тп	м	—	—	1	1	X—XI вв.
114	Паново	к	18	тп	ж	1	—	—	1	
		к	28	тп	ж	2	—	—	2	X в.
114а	Приселье	к	30	тп	ж	1	—	—	1	921
		к				4			4	918/919—
115	Саки	к	55	тп	ж	—	1	3	4	976/980
										945/959—
										1039/1056
116	Слобода	к	3	тп		2	—	—	2	905/906—
										919/943
117	Топорково	к	1901	тп	ж	—	—	1	1	936/1002
118	Хатнежицы	к	1	тп		1	—	—	1	
119	Хралапово	к	14			—	—	10	10	996/1002—
		к	8	тп	ж	—	—	1	1	первая половина XI в.
			1914—							978/1016
		к	8	тп	ж	—	1	—	1	976/1025
			1915							
		к	8			—	—	1	1	
			1953							
		к	2			—	—	1	1	
			1952							
120	Чаково, Гжатский уезд, Смоленская губ.	к	28			2	—	—	2	907/913—
	Ростово-Суздальская земля									971
121	Белозерский р-н, Вологодская обл.	к	1927			—	—	3	3	XI в.
122	Белые Кресты, Вологодская обл.	к								
123	Болтинская	к	1927	тп		—	—	3	3	1038/1057—
										1054/1076
124	Болшево	к		тп		—	1	1	2	945/959—
										X—XI вв.
125	Большая Брембола	к	1437	тп	ж	1	—	—	1	905

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
			На зубах нижней челюсти «На черепе, справа» В составе ожерелья из бусин	Монета в обломках	Потин, № 295 ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 109 ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 114
у	пу р	пк	В составе ожерелья из бусин	Следы ушка. Курган датируется XI—XII вв.	ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 116, 117
у 1 д		пк	То же	Остатки ушка. Два дирхема в обломках	ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 117 Фасмер, список II, стр. 292, № 39
у	пу г	пк	В составе ожерелья	Остатки ушка	ОИПК, 812/553—556; Потин, № 291; Кропоткин (II), № 110 (Новоселье) Марков, стр. 44, № 245; Працы, т. III, стр. 35; УИМ, стр. 121, 122
у	пу г	пк			ОАК, 1901, стр. 109, 110; Потин, № 298 Працы, т. II, стр. 234 Потин, № 292
у		пк	Около шеи	Здесь же было ожерелье из бусин Подражание дирхему	Працы, т. II, стр. 234—241; Потин, № 293
3 у		пк			Кропоткин (II), стр. 29, № 111 Потин, № 294
д			У подбородка		ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 116, 117
у	пу г	пк			Потин, № 327 ЗРАО, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 246; Кропоткин (II), № 48 ОИПК, 627/19; Потин, № 340; Raudonikas, S. 124; Bauer, S. 127; SA, 1962, № 3, стр. 60, № 63 Кропоткин (II), № 63 (ушко припаянное) Тр. I АС, II, стр. 836
1 у	г	пк		Верх ушка обломан	
у	пр		В составе ожерелья из бусин	Монета со вдетым в нее медным колечком. Курган датируется, вероятно, XI в. (см. ИАК, вып. 15, стр. 102)	

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в исполъ. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
125	Большая Брембола	к	1481	тп		3	—	—	3	После 915 983—996 915 948 936—1002 1) 912/959 2) 970 960 935— нач. XI в.	
		к	1493	тс		—	—	1	1		
		к	1507	тс			1	—	—		1
		к	1533	тп	ж		1	—	—		1
		к	1534	тп	ж		2	—	—		2
		к	1538	тс и тп			—	—	1		1
		к	1541	тп			1	1	—		2
		к	1556	тп			1	—	—		1
126	Б. Темерево	к	4	тп		—	—	1	1	первая половина XI в. конец X— нач. XI в. 783/784 914/943 895/896 или 896/897 997 или 999	
		к	31	тп			—	—	1		
		к	54	тс	м		1	—	—		1
		к	120	тс	ж		1	—	—		1
		к	125	тс	—		1	—	—		1
		к	141	тс	м ж		1	—	—		1
		к	237	тп	м		1	—	—		1
		к	273	тс	д		1	—	—		1
		к	278	тс	м		1	—	—		1
		к	299	тс	м ж		1	—	—		1
127	Васильки	к	417	тп	м	1	—	—	1	913/959 969/976 978/1016	
		к	1			—	1	—	1		
		к	3			—	—	1	1		

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у			На груди (на шее бусы)	В виде привесок	Тр. I AC, II, стр. 836 МИА, № 6, стр. 69
у			В составе ожерелья из бусин и серебр. бляхи в виде монеты	Здесь же найдена глиняная лапа, «привеска из подражания самонидскому типу»	Тр. I AC, II, стр. 836; Тр. ВУАК, т. IX, стр. 7
у			На груди (на шее бусы)	Привеска. Здесь же найдена глиняная лапа	Тр. I AC, II, стр. 636; Тр. ВУАК, т. IX, стр. 8 Тр. I AC, II, стр. 636
у	п у р	пк	1) Во рту 2) на шее, в ожерелье из бусин	Вместе с разломанной позолоченной бусиной	Тр. I AC, II, стр. 820, 836; Потин, № 317; МИА, № 6, стр. 163 ГИМ, 121/56а, № 5476; Тр. I AC, II, стр. 836
у	п у г		У левой руки	Здесь же найдены две гирьки	Тр. I AC, II, стр. 836
у			У шеи	Здесь же найдены остатки весов и две гирьки, ножик, топор	Тр. I AC, II, стр. 836
у			На груди	Обломок монеты	УИМ, стр. 253; Потин, № 329 Ярославское Поволжье, стр. 74, 99
у			На кострище	Обломок монеты	Ярославское Поволжье, стр. 74, 100
у			На кострище	Обломок монеты	Ярославское Поволжье, стр. 74, 104 Там же
у			Среди кальцинированных костей	Обломок монеты	Там же, стр. 74, 105, 106
у			Два обломка дирхема; здесь же найдена гирька	Обломок монеты	Там же, стр. 74, 112
у			В области таза	Дирхем-подвеска	Там же, стр. 74, 115
у			Близ горшка, на краю ямы с урной	Обломок монеты	Там же, стр. 74, 115, 116
у			В кострище вместе с бусами	Обломок монеты	Там же, стр. 74, 117
у			Среди кальцинированных костей, вместе с бусами	Крест, вырезанный из дирхема	Там же, стр. 74
у					Тр. I AC, II, стр. 831; Кропоткин (II), № 47
у					Тр. I AC, II, стр. 831 Там же

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
127	Васильки	к	4			—	—	1	1	999/1014 до 1015 г. X—XI вв. Куфич. ок. 949 конец IX—X вв. Куфич. Куфич. Куфич. Куфич. X—XI вв. X—XI вв. X—XI вв. X—XI вв. Куфич. 936/1002
		к	22	тс		3	—	—	3	
		к	23	тс		—	—	1	1	
		к	51	тс		1	—	—	1	
		к	62	тс		1	—	—	1	
		к	84	тс		1	—	—	1	
		к	114	тп		1	—	—	1	
		к	175	тп		1	—	—	1	
		к	194	тп		2	—	—	2	
		к	196	тс		1	—	—	1	
		к	199	тп		1	—	—	1	
		к	222	тс		—	—	1	1	
		к	226	тс		—	—	5	5	
		к	238	тс		—	—	1	1	
к	256	тс		—	—	1	1			
128	Вески	к	285	тс		1	—	—	1	
		к	7			—	—	1	1	
129	Весь	к	45	тп		—	—	1	1	
		к	20	тп		—	—	2	2	
		к	60	тп		20	—	2	22	
130	Веськово	к	83	тп	—	—	—	2	2	
		к	831	тп	—	1	—	—	1	
131	Владимир	к	1821			—	—	3	699— 1002/1024	
132	Владимирское	к	2 (3)			1	—	—	1	X в.
		к	9 (15)			1	—	8	9	978/1016— 1024/1039
		к				1	—	1	2	?—X—XI вв.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у			Среди жженных костей. Там же обнаружена бусина	Вместе с глиняной лапой Здесь же найдена глиняная лапа	Там же Там же, стр. 831; Тр. ВСК, вып. VII, стр. 142 Тр. I AC, II, стр. 821, 831; МИА, № 6, стр. 163 Тр. I AC, II, стр. 821, 830; МИА, № 6, стр. 163. Ср. Тр. ВСК, вып. VII, стр. 145 (Курган, № 52) ГИМ, 121/36а; Тр. I AC, II, стр. 830
у		пк	Вместе с бусами	С девятью дырочками	Тр. I AC, II, стр. 824, 830, 831; Ср. Тр. ВСК, вып. VII, стр. 140, 141 (Курган, № 7)
д			В погребении были бусы	Обломок монеты	Тр. I AC, II, стр. 830
у			Привеска из дирхема, побывавшая в огне	Половина монеты	Там же, стр. 830 Там же, стр. 831 Каталог Уварова, стр. 44, № 480
у			Вместе с бусами	Обломок монеты	Тр. I AC, II, стр. 830 Там же, стр. 831
у			Вместе с бусами	Обломок монеты	Там же Там же, стр. 830
у			В первом слое кургана	Кроме монеты, ничего не найдено	Там же, стр. 835
у			На шее вместе с бусами		Там же, стр. 831
у			У ног, под опрокинутым горшком	«Привески из монет» Монеты были в холстяном мешочке	Там же, стр. 831 Там же, стр. 831; МИА, № 94, стр. 193, 194
у			Вместе с бусами	«Монеты с привесками»	Тр. I AC, II стр. 831
			В мешке, в ногах	Мешок из тисненой кожи с медными бляхами; четверть монеты	Там же, стр. 793, 835
				«Монета привеска»	Потин, № 344
у д			В составе ожерелья из бусин и бисера		УИМ, стр. 240; Потин, № 321
			В составе ожерелья		Древности, т. IX, стр. 11, 16, 17, 26; УИМ, стр. 241, 242 Потин, № 321

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лет-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в слобках древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
133	Воздвиженье	к	2,2	тп	ж	—	—	1	1	1038/1057	
		к	3	тп	д	—	—	1	1	1068/1090	
		к	6	тп	ж	—	—	1	1	ок. 1086	
134	Вышневолоцкой уезд, Тверская губ. (по р. Волчине)	к	1843	тп	ж	6	—	—	6	X в.	
135	Глинкина (Глинники), Корчевский уезд, Тверская губ.	к	1	тп		1	—	—	1	976—980	
136	Городец на Саре	к	6	тс		57	—	—	57	Сасаниды Табаристан.	
137	Городище	к	12	тс		1	—	—	1	Халифат	
		к	626			3	—	—	3	854 X в.	
		к	642	тп		2	—	—	2	902—973	
		к	707			4	—	—	4	конец IX—X в.	
		к	749	тс		1	—	—	1	902/973— 962/973	
		к	1507			—	—	2	2	1054/1076— 1057/1068	
		к	1900	тп	—	—	—	1	1	1057/1068	
		к	1907	тп			2	—	—	2	
		к	1985	тп			1	—	—	1	
		к	1986	тп	—	—	—	—	1	1	936/962
	к	1987	тп	ж	1	—	1	2	772— 936/962		
	к	1995	тп	ж	1	—	5	6	772— 978/1016		
138	Грехов Ручей	к	381a 1957	тп	ж	—	—	1	1	1059/1071	
139	Давыдово	к	3			1	—	—	—	X—XI вв.	
		к	187			1	—	—	1		
140	Давыдово	к				—	—	1	1	1068/1090	

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у		пк	Слева от таза костяка У таза костяка с правой стороны У головы, вместе с бусами Вместе с бусами	В остатках мешочка вместе с ножом и гребнем Вместе с несколькими украшениями «С приделанными ушками»	Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.; М. — Л., 1941, стр. 80; Потин, № 329 Там же Там же Отечественные записки, 1843, т. XXXI, стр. 83; ЗРАО, н. с., т. 9, вып. 1—2, стр. 282
у		пп	В составе ожерелья Среди жженных костей Среди жженных костей	Через ушко была продета бронзовая цепочка 7 целых и 50 половинок и четвертинок монет	Марков, стр. 47, № 271; Жизневский, стр. 208, № 1036; Плетнев, стр. 253 Тр. I АС, II, стр. 830
д			Вместе с бусами	Монета нач. X в. (Булгар, Мумин)	Там же Там же, стр. 829
д			Вместе с бусами	Брактеат-подражание с девятью дырочками	Там же, стр. 824
у			Вместе с бусами		Там же, стр. 824, 829
			На груди На груди (на шее бусы) На груди	Монета позолоченная «Подражание типу саманид. монет».	Там же, стр. 837 Там же Там же, стр. 837
у	пу г	пк	На груди (на шее бусы) На груди (на шее бусы) На шее, в составе ожерелья из трех серебряных узорчатых медальонов и бусин В маленьком шерстяном кошельке, у кисти правой руки		Там же Там же ГИМ, 121/266, № 5446 (4 монеты): Тр. I АС, II, стр. 636, 637
у д	2 пу 1 пу	п	Обломки кувшинной монеты	Много обломков кувшинных и западноевропейских монет, частью с ушками, частью с отверстиями	Тр. ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 170, 173, рис. 3; Потин, № 313 ГИМ, 121/566; Каталог Уварова, стр. 40
					Каталог Уварова, стр. 41, № 413 Потин, № 339

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Обл. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	запальноеропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
141	Дудино, Бабаевский р-н, Вологодская обл.	к	3	тп	ж	2	—	—	2	конец X в.	
		к	4	тп	м	—	—	1	1		XI в.
		к	6,1	тп	ж	1	—	2	3		976/977—1086
142	Жуково	к	17	тп	—	—	3	3	X—XI вв.		
143	Заборье	к	22	тп	ж	—	—	1	1	X—XI вв. 1027/1054	
		к									
		к									
144	Иваново	к	11	—	—	—	—	1	1	1059/1071	
		к						2	2	1059/1071	
		к						3	3	1027/1054—1059/1071	
145	Кидомля, урочище	к	3	тп	ж	5	—	—	5	904/905—961—976	
		к									
		к									
146	Киучер	к	2,9	—	—	—	—	1	1	1027/1054	
147	Климант, Рыбинский уезд, Ярославская губ.	к									
148	Князьи Горы (Елизаровский могильник)	к	26	тп	м	—	—	1	1	1020/1051	
149	Кобанское	к	541	тп	—	1	—	1	2	983/1002	
		к	553	тп	—	1	—	—	1	IX—X вв. 902—973	
		к	586	—	—	3	—	—	3		
150	Колоколово	к	—	—	—	—	—	1	1	X—XI вв.	
151	Краскова	к	—	—	—	1	—	—	2	—	
152	Криушкино	к	3172	тс	—	1	—	—	1	IX—X вв. 935—	
		к	3226	тс	—	1	—	—	1		
		к	3263	тп	—	—	—	—	1	1	нач. XI в.
		к	3271	тп	—	—	—	—	1	1	936/1002
		к	3273	тп	—	—	—	—	1	1	X—XI вв.
		к	3302	тп	—	—	1	—	1	2	конец X—XI в.
		к	3334	тп	—	—	—	—	1	1	X—XI вв.
к	3346	тп	—	—	—	—	—	1	конец X—XI в.		

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
У Д Д Д Д	пу г	пк пк	<p>На шее, в составе ожерелья У черепа В составе ожерелья</p> <p>У шеи</p> <p>В составе ожерелья из бусин Подвешены к цепочке</p> <p>«Под нижней челюстью»</p> <p>На груди</p> <p>На груди Вместе с бусами</p> <p>На груди На шее, среди бус На шее, среди бус</p> <p>На шее, среди бус На шее, среди бус</p>	<p>«При раскопке курганов найдены несколько дирхемов» Здесь же — предмет в виде удила и медвежий коготь</p> <p>В монете 10 дырочек</p> <p>Привеска — варварское подражание саманидскому дирхему и монета, рассеченная надвое</p> <p>Обломок монеты</p> <p>На шее бусы</p> <p>Обрезок монеты</p>	<p>Сообщение Н. В. Тухтиной (ГИМ) Там же Там же</p> <p>УИМ, стр. 227; Потин, № 320 Потин, № 320 УИМ, стр. 206; Плетнев, стр. 237, 247; Потин, № 308 Там же, № 308 Там же, № 309 Там же</p> <p>Там же Там же, № 354 Там же</p> <p>МИА, № 13, стр. 170, 172</p> <p>Потин, № 317—1 Марков, стр. 55, № 316</p> <p>Древности, т. XIX, вып. 2, стр. 70; Потин, № 307</p> <p>ГИМ, 121/566, № 54746; Тр. I АС, II, стр. 829 Тр. I АС, II, стр. 829 Там же</p> <p>Потин, № 338; АИЗ, I, стр. 261 Каталог Уварова, стр. 52, № 583</p> <p>Тр. I АС, II, стр. 838, 839 Там же, стр. 829</p> <p>Там же, стр. 839 Там же Там же</p> <p>Там же Там же</p> <p>Там же</p>

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользу лит-ре. точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках, древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
152	Криушкино	к	3363	тп		3	—	—	3	конец IX—X в.	
153	Кубаево	к	3373	тп		—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	16	тп		1	—	—	1	900	
		к	17	тп		1	—	—	1	900	
		к	18	тп		1	—	—	1	900	
154 155	Кумино Кустеря	к	52	тп		—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	11	тп		1	—	—	1		
		к	729	тс		—	—	1	1	1057/1068	
156	Матвейцево-Вески	к	811	тс		1	—	—	1	конец IX—X в.	
		к	224	тп		—	—	1	1	936—1002	
		к	225	тп				1	1	936—1002	
157	Митино	к	226	тп	ж			1	1	936—1002	
		к		тп				4	4	X—XI вв.	
158	Митково	к	8			1	—	—	1	966 г.	
159	Михайловское	к	7	тс	—	1	—	—	1	804	
			1897								
		к	18	тс	м ж	1	—	—	1	1	805/809
		к	1897								
160 161	Мышкино, Углицкий уезд, Ярославская губ. Ненашевское	к	27	тс	ж	1	—	—	1	712	
			1898								
		к	17	тп	ж	1	—	—	1	1	
			1961								
160 161	Мышкино, Углицкий уезд, Ярославская губ. Ненашевское	к	65	тс	ж	2	—	—	2		
			1961								
		к	46	тп		1	—	—	1	1	902/903
161	Ненашевское	к	46	тп		1	—	—	1	конец IX—X в.	
		к	113	тп		—	—	1	1	X—XI вв.	
		к	2033	тп		—	—	1	1	конец X—XI в.	

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
			На шее, среди бус		Тр. I АС, II, стр. 839
у			На шее, среди бус	Обломок монеты «Привескою»	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Привескою»	Тр. I АС, II, стр. 833; Марков, стр. 53, № 307
у			На шее, вместе с бусами		Тр. I АС, II, стр. 833; Марков, стр. 53, № 307
у			На шее, вместе с бусами		Тр. I АС, II, стр. 827, 833; Марков, стр. 53, № 307
у			На шее, среди бус	«Привескою» Обломок монеты	Тр. I АС, II, стр. 833 Там же, стр. 839 Тр. I АС, II, стр. 830. (Ср. МИА, № 94, стр. 194, где курган датируется началом XI в. или несколько позднее)
у	пр		На груди	Половина монеты	Тр. I АС, II, стр. 830
у			На груди	Монета «со вдетым в ней колечком»	Там же, стр. 835
2 у			На груди	«Привеска»	Там же
			В составе ожерелья	Привеска	Там же Потин, № 325, СА, 1963, № 3, стр. 68, 69 Каталог Уварова, стр. 46, № 512
			На кострище	Обломок монеты. Курган датируется временем не ранее второй половины X в.	Ярославское Поволжье, стр. 30, 74, 133
у			Вместе с вещами		Там же, стр. 74, 134
			Около урны, вместе с бусами, височным кольцом и др. вещами	Курган датируется временем не ранее X в.	Там же, стр. 30, 74, 135
			У запястья правой руки, вместе с витым браслетом	Обломки дирхема	Там же, стр. 74, 141
1 д			На кострище	Вместе с бусами и гирькой	Там же Марков, стр. 55, № 315
			Вместе с бусами	Обломок монеты	Тр. I. АС, II, стр. 837
			На груди (на шее бусы)	Монета сломана	Там же
			На груди	«Подложенная кожей»	Там же

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользе лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
161	Ненашевское	к	2040	тп		—	—	1	1	X—XI вв. 936/962	
		к	2041	тп		—	—	1	1		
		к	2044	тп			—	—	1	1	конец X—XI в. 936/962
		к	2047	тп							
		к	2080	тп			1	—	—	1	конец IX—X в. 936/972
		к	2225	тп			—	—	2	2	
		к	2227	тп			—	—	1	1	936/972
		к	2277	тп			—	—	1	1	936/972
		к	2554	тп			1	—	—	1	конец IX—X в.
		к	2592	тп			2	—	—	2	конец IX—X в.
		к	2672	тп			—	—	1	1	IX—X в. 936/972
		к	2686	тп			1	—	—	1	конец IX—X в. 935 — нач. XI в.
		к	2697	тп			1	—	—	1	конец X—XI в. 936/1002
		к	2815	тп			—	—	1	1	Воляжские булгары 936/972
		к	2826	тп			—	—	1	1	конец X—XI в. 936/1002
		к	2878	тп			2	—	—	2	Воляжские булгары 936/972
к	2979	тп			—	—	1	1	конец X—XI в. X—XI вв.		
к	2997	тп			—	—	3	3			
162	Нестерово	к	5	тп		—	—	3	3		
163	Никольское, Бабаевский р-н, Вологодская обл.	к	2			—	—	1	1	978/1016	
164	Осинова Пустынь	к	1	тп		—	—	1	1	1084/1106 конец IX—X в.	
		к	10	тп		1	—	—	1		
		к	79	тп			1	—	—	1	
		к	80	тп			1	—	—	1	ок. 960—970 1084/1106
		к	83	тп			—	—	1	1	
к	198	тс			1	—	—	1	конец IX—X в.		
к	224	тп			—	—	1	1	1056—1106		

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у?			На груди (на шее бусы) На груди На шее На шее, среди бус На груди (на шее бусы) На шее, среди бус На шее, среди бус На шее, среди бус На груди На шее, среди бус На шее На шее, среди бус	Монета загнута на кольцо Здесь же были бусы и «медный образец» с ушком Здесь же найдены бусы Здесь же найдены бусы	Там же Там же Там же Там же Там же Там же, стр. 825, 838 Там же, стр. 838 Там же Там же Там же Там же Там же Там же Там же Там же Там же
д у			На груди	Монеты найдены при раскопках ряда курганов Монета найдена в разрушенном кургане Брактеат — подражание саманидской монете В кожаном плетеном кошельке подражание саманидским монетам Здесь же найдены бусы Здесь же найдены бусы. Монета из смеси «меди и серебра» Здесь же найдены бусы	ИАК, вып. 6, стр. 25; Потин, № 319 Сообщено Н. В. Тухтиной (ГИМ) Тр. I АС, II, стр. 839 Там же, стр. 840 Там же Там же Там же Там же Там же

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в пользе. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западнославянских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
165	Паны	к	4			3	—	—	3	ок. 938/965—338 985/986
166	Пекуново	к	12	тп	ж	1	—	—	1	
167	Петровское	к	78	тс	ж	1	—	—	1	IX—X вв.
168	Подболотье	к	9—12 1910			1	—	—	1	
169	Посады	к	2	тп		11	—	—	11	X в.
		к	4			7	1	1	9	Первая четверть XI в.
		к				—	—	5	5	936/973— 1002/1014 978/982
170	Пужбол	к	711	тп		—	—	1	1	
171	Пустошь Кисловская, Костромская губ.	к	5	тп	ж	1	—	—	1	905/906
171а	Пустошь Горелова (Гореловка)	к	1	тс		1	—	—	1	X в.
172	Пустошь Кубасова, Костромская губ.	к	3	тп	ж	1	—	—	1	949/950
173	Пустошь Максимовка Пустошь «Плавь»	к	2	тп		1	—	—	1	Не позднее 987 г.
		к к	19 (29) 28 (33)			—	—	2	2	X—XI вв.
174	Рыбинск	к				—	—	1	1	1057/1068
175	Сельцо	к				—	—	1	1	X в.
176	Скомово	к	12	тп		—	—	3	3	1014/1024— 1038/1057
177	Студеный Ключ, Костромская губ.	к	13	тп		—	—	1	1	1033/1045
		к	1			1	—	—	1	976/997
178	Суздаль	к				—	—	1	1	936/973
179	Торки	к	12	тп		1	—	—	1	900
180	Тугаев	к	1			—	—	1	1	1057/1068
180а	Устье	к	3,1			4	—	—	4	после 914/943
		к	7		ж	—	—	3	3	1027/1054—
		к	13			—	—	1	1	1057/1068 1057/1068

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
1 д			У левого виска	В качестве подвески к ожерелью из бусин	Каталог Уварова, стр. 42, 43, № 447—449 МИА, № 13, стр. 162
у		пп	Среди костей		Ярославское поволжье, стр. 74, 130
у	пу г	пк		Совершенно стертая кувшинская монета	ГИМ, 95/236, № 96480
7 д 4 у			На шее, на тонкой гривне		УИМ, стр. 196, 199
			В составе ожерелья из бусин	«Привешены к гривне в перемежку с бусами»	УИМ, стр. 200, 204; Потин, № 311; Кропоткин (II), стр. 50 Потин, № 311
			В составе ожерелья из бусин и серебряного кольца	Монета позолочена	Тр. I АС, II, стр. 839
у	г	пк		Сохранилась часть ушка	ОИПК, 624/1205 (Раскопки Ф. Д. Нефедова в 1895 г.); МАВГ, т. 3, стр. 175
			В золе	Курган 2-й половины XI в.	МАВГ, т. 3, стр. 187; МИА, № 94, стр. 225
у	пи р	пк		Ушко находилось на кожаном кружке	ОИПК, 624/287 (Раскопки Ф. Д. Нефедова в 1895 г.); МИА, № 94, стр. 231, 232
у		пк	На груди	Курган датируется временем не ранее XII в.	МАВГ, т. 3, стр. 223, 251
			Из состава ожерелья	Обломок монеты	УИМ, стр. 243
			В составе ожерелья	«Монеты-привески»	УИМ, стр. 245; Потин, № 322 Потин, № 328 Потин, № 352
у			На груди	«Привесками»	Тр. I АС, II стр. 835
у			На шее	«Привескою»	Там же
у		пк		Ушко утеряно; остались два отверстия, в одном из них штифтик	ОИПК, 624/1206 (Раскопки Ф. Д. Нефедова в 1895 г.)
у			На шее, вместе с бусами		Потин, № 351 Тр. I АС, II, стр. 832; Марков, стр. 5, № 24; Потин, № 334
у		пк		Остатки ушков	ОИПК, 673/19—22
			Края монет обломаны		ОИПК, 673/138—140; Потин, № 310
			Края монет обломаны		ОИПК, 673/116; Потин, № 310

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)	
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западновропейских			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
181	Шекшово	к	8	тп		—	—	1	1	Х—ХІ вв.	
		к	39	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		к	41	тп		1	—	1	3	Не позже 1034—1045	
		к	65	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		к	70	тс		1	—	—	1	Куфич.	
		к	76	тп	м	3	—	—	3	Куфич.	
		к	77	тс		1	—	—	1	Куфич.	
		к	94	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		к	119	тп		3	—	—	3	Куфич.	
		к	124	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		к	126	тп		—	—	1	1	978/1016	
		к	142	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		к	154	тп		1	—	—	1	Куфич.	
		182	Шелебово	к	159	тп		2	—	—	2
к	168			тп		2	—	—	2	Куфич.	
к	1,1			тп		—	—	2	2	1) 978/1016 2) 962/973	
к	1,2			тп	—	—	—	1	1	Х—ХІ вв.	
к	9			тп		5	—	3	8	Х — нач. ХІ в.	
к	10			тп		—	—	—	4	Х—ХІ вв.	
к	12			тп		1	—	1	2	Х—ХІ вв.	
к	15			тп	м	4	—	—	4	Х в.	
к	20			тп			Несколько обрезков	—	—	3	Х в.
к	30			тп			1	—	—	1	Х в.
к	52			тп			1	—	—	1	Х в.
к	64,1			тп	ж		1	—	—	1	Х в.
к	64,3			тп	м		1	—	—	1	
к	74			тп			1	—	—	1	Х в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у			На шее, вместе с сердоликовой бусиной		Тр. I AC, II, стр. 832
у			На шее, вместе с бусами	«Монета привескою»	Там же
2 у			2 монеты на шее, вместе с бусами	Две монеты с привесками, третья — позолочена	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Монета привескою»	Там же
у			В слое углей	«Монета привескою»	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Монеты привесками»	Там же, стр. 805, 832
у			Между жжеными костями	«Монета привескою»	Тр. I AC, II, стр. 832
у			На шее, вместе с бусами	«Монета привескою»	Там же
у			На груди	«Монеты привесками»	Там же
у			На шее, среди бус		Там же
у			На шее, вместе с двумя бусинками	«Монета привескою»	Там же
у			Под черепом		Там же, стр. 833
у			На шее, вместе с бусами	«Привеской»	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Привесками»	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Привесками»	Там же
1 у			1) На груди	«Привескою», на шее бусы	Там же
			2) У левой руки	«Привескою», на шее бусы	Там же
у			На груди	«Привесками»	Там же
			На груди	Монеты все восточные X в. см. Тр. I AC, II, стр. 835	Тр. I AC, II, стр. 833, 834
			На шее, среди бус	Здесь же найдены две гирьки	Там же, стр. 834 Там же
у				«С привесками». На шее бусы	Там же
у			На шее, вместе с бусами	«Привескою»	Там же
у			На шее, вместе с бусами		Там же
у			На шее, вместе с бусами		Там же, стр. 824, 834
у				«Обрезки куфической монеты»	Там же
у			На шее, вместе с бусами		Там же, стр. 834

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпользе, лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)		
						восточных, в сносках древнерусских	византийских	западноевропейских				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
183	Шурскалы	к	85	ТП		1	—	—	1	X в. X в.		
		к	87	ТП		5	—	—	5			
		к	91	ТП		1	—	—	1			
				к	101	ТП		—	—	—	X—XI вв.	
				к	166	ТП		1	—	1	X в.	
				к	169	ТП		1	—	1	X в.	
				к	246	ТП		1	—	1	X в.	
				к	603	ТП		1	—	1	XI в.	
		184	Максимовка	к	605	ТП		—	—	1	1	919—936
				к	1878			—	—	1	1	VIII в. — 995/1002
		к	1895			—	—	1	1	919/936		
		к	1	ТП	ж	5	—	—	5	999/1002		
		к	5	ТС		1	—	—	1	753/754		
		к	7	ТП	м	1	—	—	1	880/881 811/820— 835		
		к	6	ТП		1	—	—	1			
		к	16	ТП		3	—	—	3			
185	Тамбов	к				4	—	—	4	Одна монета 892 г. 905		
		к	40	ТП	ж	1	—	—	1			
		к	1888			7	—	—	7			
186	Пинск											
		к	1—6 1871			1	—	—	1	952/953		
187	Киевская и Переяславская земли											
		к	3	ТП	ж	1	—	—	1	X в.		
188	Киев		14	ТП	ж	1	—	—	1	892/907		

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
			На груди На груди На груди	«Обрезки куфической монеты»	Там же Там же Там же
			На груди	В кожаном мешочке. Здесь же найдена гирька	Там же, стр. 834, 835
			На шее, вместе с бусами и серебр. привесками		Тр. I AC, II, стр. 835
у			На шее, среди бус		Там же
у			То же	Здесь же были бусы, монеты армянские	Там же Там же Там же, стр. 839
у			На груди		Там же Потин, № 361
у	пу	пк	У черепа	Монетовидные подвески Ушко бронзовое	Потин, № 362 ГИМ, 119/6а, инв. № 37730 Каталог Уварова, стр. 18, № 154
			Под раздавленным горшком	Подражание саманидскому дирхему	Там же, стр. 23, № 193
			У черепа	Вместе с вещами и огнивом три половинки дирхемов	Там же, стр. 24, № 207 Там же, стр. 28, № 232—234
д			У головы	Две дырки «Семь серебряных индикий, снятых с варварских подражаний куфическим монетам»	ГИМ, 119/86, № 78607, УИМ, стр. 305 МАР, 25, стр. 112 Марков, стр. 45, 46, № 259
д			В составе ожерелья	Дирхем, «служивший подвеской»	Самоквасов, Основания, стр. 77; Марков, стр. 24, № 135; Рухаренко, № 128
д			На груди, в составе ожерелья		Марков, стр. 35, № 201; Самоквасов, Основания, стр. XXXI; Самоквасов, Могилы, стр. 218
			В составе ожерелья из бусин и трех серебряных крестиков		Каргер, стр. 142, 143, 222, 223, табл. V, 2

№ п.п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западноевропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
188	Киев	ГМ	30	ТП	Ж	2	—	—	2	905/906
			94	ТП		—	1	—	1	913/959
			108	ТП	М	6	—	—	6	900— 914/943
			109	ТП		2	—	—	2	880/881— 892/893
			110	ТП	Д	2	—	—	2	911/912
			112	ТП	Ж	8	—	—	8	900—923
		121	ТС	М	—	1	—	1	886/912	
		122	ТП	Ж	—	1	—	1	После 869/879	
		123	ТП	Ж	1	—	—	1		
		124		Ж	—	2	—	2	931/944	
		125		Ж	1	—	—	1	759/760	
			СМ. графу 16	ТП	Ж	—	—	1	1	1192/1205
189	Липлява	К	79	ТП	Ж	(1)	—	—	1	Конец X — нач. XI в.
189а	Микуличи, Гомельская обл.	К	115	ТП					1	X в.
190	Переяславль	К	1914	ТП				1	1	1020/1036
191	Роменский уезд, Полтавская губ.	К	1891			1	—	—	1	913—942
192	Белогорская Пустынь, Суджанский р-н	К	8	ТП	Ж			1	1	1027/1054
193	Гомельский уезд, Могилевская губ. (берег р. Узы)	К	1897			1	—	—	1	932—933
194	Гочево	К	37	ТП	Ж	—	—	2	2	X—XI вв.
195	Заужелье	К	147	ТП	Ж	1	1	—	2	945/959— X в.

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у	пи г	пк	В составе ожерелья из бусин и раковины	Обломок монеты. Здесь же найдены две чашки весов и 9 гирек У головы «были бляшки (монеты), штук 40»	Там же, стр. 30, табл. X, 2, 3. Каргер, стр. 155 ЗОРСА, т. 7, вып. 1, стр. 143—146; Каргер, стр. 169—172
у д	1 пу г	пк		На одном дирхеме два отверстия	Каргер, стр. 172—174. Сведения Г. Ф. Корзухиной
у д	пу г	пк	На груди	У дирхема два отверстия	Каргер, стр. 174—176, табл. XVI, 1—4
у	пу г	пк	В составе ожерелья из бусин		Там же, стр. 178—182, табл. XXI
у	пу р	пп			Там же, стр. 198
д			У таза	Костяк ориентирован на юго-запад	Там же, стр. 205, 206, 223, табл. XXVI, б, в
у		пр			Там же, стр. 206—208, табл. XXVII
у	пу г	пк	В составе ожерелья из бусин		Там же, стр. 210, табл. XXVIII
у		пп		Монета позолоченная. Погребение под развалинами Десятинной церкви	Там же, стр. 211, 212, табл. XXIX
у	пр		На левом плече вместе с бусами и другими украшениями	Монета с дырочкой и колечком в ней, монета Владимира, вариант III типа Здесь же найдена часть бронзовых весов	Потин, № 376; Каргер, стр. 501, 502, табл. XCIX В. Щербаківський, Ліпльавський могильник, Niederluf Sbornik, Praha, 1925, стр. 344—348 Русанова, стр. 23, 29, № 15 В. Щербаківський, ук. соч, стр. 348 Марков, стр. 35, № 202
д			У шеи, вероятно, вместе с бусами		Тр. III AC, I, стр. 204; Самоквасов, Основания, стр. 75; Самоквасов, Могилы, стр. 214; Потин № 384 Марков, стр. 137, № 17
у			Около головы	Монеты, возможно, служили серьгами	ОИПК, колл. 816; Потин, № 383
у			В составе ожерелья из бусин		Кропоткин, (II), № 300

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
у		пк		В составе ожерелья	Марков, стр. 24, № 137; ОАК, 1890, стр. 62—66 Марков, стр. 51, № 292; ЗРАО, н. с., т. 8, вып. 1—2, стр. 95, 99; Працы, т. III, стр. 111, 113 Русанова, стр. 28, № 6
10 у 1 д	3 пр	6 пк, 1 пш		Здесь же найдены бусы	Русанова, стр. 23, 26, № 171 М. М. Полозов. Клады рассказывают. Брянск, 1963, стр. 13, № 14; Мец, стр. 205—214
у		пк		Определены 6 монет, по которым и дана датировка «5 медальонов, сделанных из восточных монет»	М. М. Полозов, ук. соч., стр. 12, 13, № 13; Мец, стр. 211 ОАК, 1893, стр. 10, 11; ЗРАО, н. с., т. 8, вып. 1—2, стр. 120, 122
у			В остатках ткани	Варварское подражание саманидской монете с бронзовым ушком	Самоквасов, Могилы, стр. 203, 204
у			В кострище	«Монеты подвески с бронзовыми ушками»	Самоквасов, Могилы, стр. 205 Самоквасов, Основания, стр. 69, Марков, стр. 52, № 299; Самоквасов, Могилы, стр. 204 Русанова, стр. 28, № 7
			В составе ожерелья		
			Монеты 869/870 гг. в насыпи; третья — на кострище	Две целые монеты и половина монеты Несколько тонких серебрян. монеток, полуманых	Самоквасов, Могилы, стр. 195—201; Тр. III АС, I, стр. 188, 209 Тр. III АС, I, стр. 189
				Монета была позолочена	Там же, стр. 191, 192, 209 Потин, № 381
д			В кострище		Кропоткин (II), № 292 АП УРСР, т. I, стр. 121, 122
д				Монета с тремя дырочками	Там же, стр. 128
у д				Одна монета римская (Марка Аврелия)	Тр. XII АС, I, стр. 456—491 (А. М. Покровский датирует могильник VIII—IX вв.)

№ п. п.	Географическое положение могильников	Характер могильника	№ курганов или грунтовых могил и погребений	Характер погребения	Пол погребенного	Количество монет			Общ. кол-во монет или кол-во монет, кот. в изпольз. лит-ре точно не определены	Датировка монет (старшая и младшая монеты)
						восточных, в скобках древнерусских	византийских	западновропейских		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
204	Гаевка, Белгородская обл.			тп		—	2	—	2	976/1025
205	Плоское, Одесская обл.			тп		—	1	—	1	XII в.
206	Славяно-Сербка, Одесская обл.	к	228	тп		—	1	—	1	1113/1143
207	Цимлянская, Ростовская обл.		33а	тп		—	1	—	1	После 976/1025
			46	тп		—	1	—	1	XI в.
			77	тп		—	1	—	1	1081/1118
		к	1934—	тп		—	—	1	1	XI в.
			1936							
208	Яблоновка, Черкасская обл.	к		тп	м	—	1	—	1	XII в.
209	Сенная	плм		тп		—	2	—	2	976/1025
210	Таманская станица	гм	13							ок. 976—1025

Дополнение

194а	Гочево	к	68 1912	тп	ж	—	—	8	8	?
206а	Устиновка, Кировоградская обл.			тп	м	—	2	—	2	1081/1118 —1196/1203

Продолжение

Монеты-украшения	Форма и поверхность ушка	Способ крепления ушка	Местоположение монет в погребении	Примечания	Источник сведений о монетах
12	13	14	15	16	17
У Д У		ПК	Среди вещей У шейных позвонков	Кочевническое погребение Обломок монеты Вместе с бусиной	ИАК, вып. 19, стр. 153, 154; Кропоткин (II), № 44 Там же, № 243 Там же, № 244 Там же, № 89а Там же Там же Потин, № 390 Самоквасов, Могилы, стр. 237; Кропоткин (II), № 284 Там же, № 16 Там же, № 31
У			Среди вещей	Погребение с конем	ОИПК, колл. 816 Потин, № 383 Кропоткин (II), № 197

ВЕНГЕРСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ АЛЬМОРАВИДСКИМ ДИНАРАМ

В 1967 г. в с. Ленковцы Черновицкой области УССР, при раскопках древнего поселения, под остатками печи, находившейся вне жилища, была обнаружена медная венгерская монета с надписями, подражающими восточным легендам (СНН, № 101,103)¹ (табл. I, 1). Поселение, датируемое второй половиной XII в. — первой половиной XIII в.², было расположено в верховьях р. Прут, юго-восточнее Коломыи, значительного центра добычи соли и торговли Галицкой Руси XIII в.³

Находка венгерской монеты на границе древнерусских и венгерских земель не является чем-то необычным. Тесные связи Венгрии и Руси неоднократно привлекали внимание историков⁴. Единственная большая монетная находка первой половины XIII в. — Хотинский клад брактеатов — свидетельствует также о путях, ведущих из Трансильвании в древнюю Русь⁵. Не исключена возможность новых находок подобных монет на территории юго-западных земель древней Руси, прежде всего на землях, входивших в Галицко-Волынское княжество.

Кроме найденной в Ленковцах монеты, в собрании Государственного Эрмитажа имеются двенадцать венгерских медных монет, имитирующих восточные легенды. Они происходят из коллекций В. В. Вельяминова-Зернова (6 экз.), Е. А. Пахомова (3 экз.), И. И. Толстого (1 экз.) и собрания бывшего Азиатского музея (2 экз.) К сожалению, не сохранилось сведений о том, откуда монеты поступили в указанные коллекции.

В типологическом отношении монеты не дают чего-либо нового по сравнению с уже известными и делятся на следующие группы.

- I. Л. с. В поле под центральной легендой две перекрещенные линии в виде латинского X.
О. с. В поле под центральной легендой две вертикальные линии, между которыми кружок. В круговой легенде справа внизу — три кружка, расположенные на одной прямой (табл. I, II 2—10)⁶.
- II. Л. с. В поле под центральной легендой две точки с кружком между ними.
О. с. В поле под центральной легендой две вертикальные линии, концы которых загнуты влево; между линиями кружок. В круговой легенде справа внизу — три кружка, расположенные треугольником (табл. II, 11)⁷.
- III. Л. с. Вариант предыдущего типа.
О. с. То же, что и на о. с. предыдущей группы, но концы вертикальных линий загнуты вправо (табл. II, 12)⁸.
- IV. Л. с. Вариант I типа.
О. с. Вариант II типа (табл. II, 13)⁹.

Монеты с восточными надписями не единственные медные монеты Венгрии раннего средневековья. Известны медные венгерские монеты, исполненные в византийской манере (СНН, № 98—100). На их лицевой стороне — изображения двух сидящих на тронах правителей и надпись: REX BELA — REX STS. На оборотной стороне св. Мария с младенцем

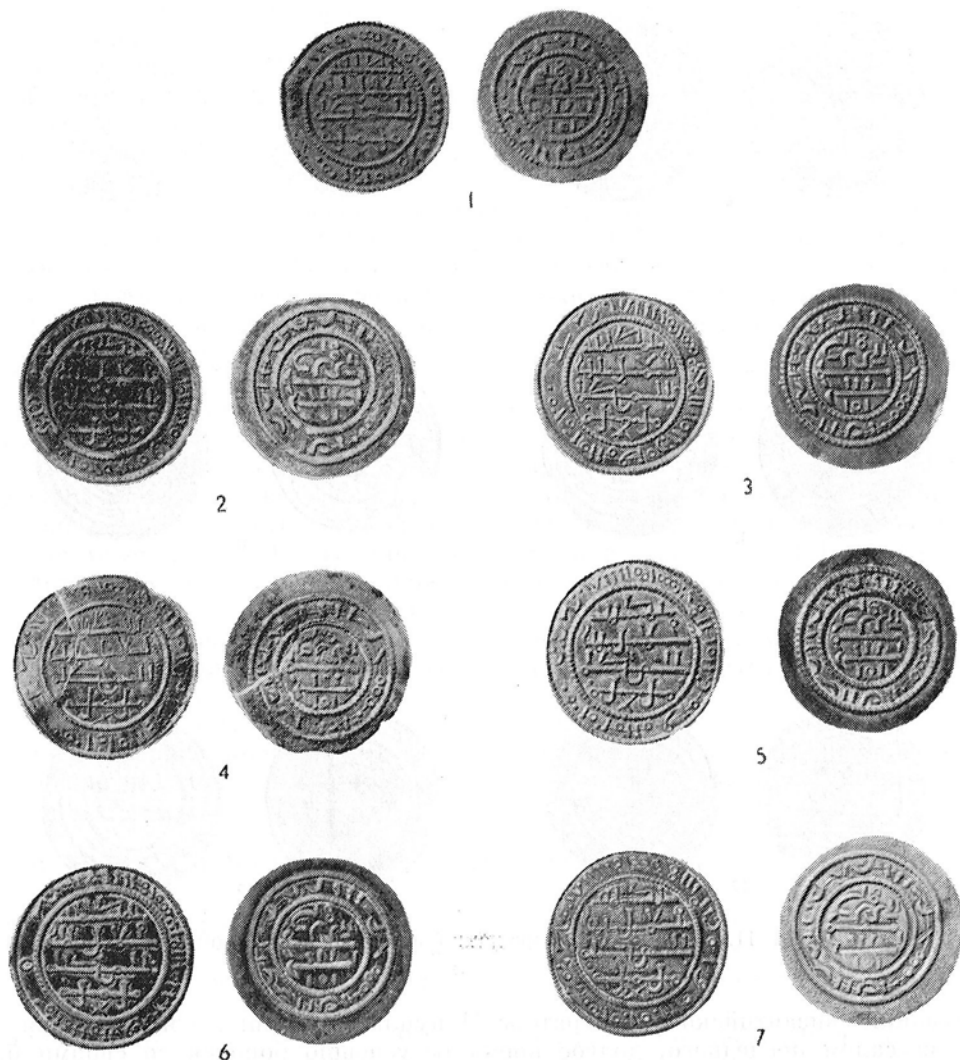

Табл. I. Венгерские подражания альморавидским динарам.

Иисусом на руках и круговая легенда — SANCTA MARIA. Эти две группы монет — восточного и византийского образца — объединяются общими местами находок, а также имеющейся на лицевой стороне византийского типа монет надписью ηI , окруженной полумесяцем или полукругом из точек. Надпись расшифровывается некоторыми нумизматами как «иллахи» (по-арабски «божьей милостью»), хотя эта трактовка и вызывает сомнения¹⁰. Облик и фактура монет говорят, что они вышли не только из одной мастерской, но и, вероятно, из рук одного мастера¹¹. В ряде нумизматических работ XIX в. монеты византийского образца отнесены ко времени Белы IV (1235—1270) и Стефана V (1270—1272) и связываются с монгольским вторжением в страну¹². Однако Л. Рети еще в 1895 г. на основании анализа техники изготовления и особенно палеографии монет показал, что их надо датировать временем на целое столетие более ранним. Венгерский нумизмат считает, что монеты чеканены Стефаном IV (1162—1163), сыном Белы II. Стефан, женатый

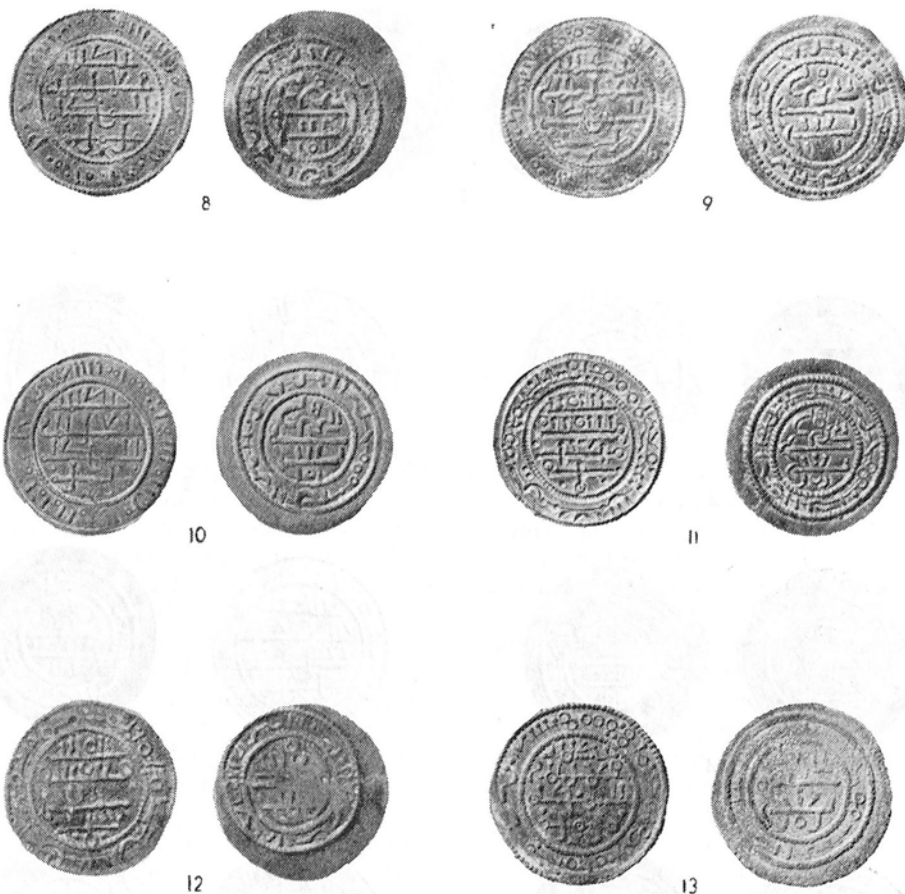

Табл. II. Венгерские подражания альморавидским динарам.

на родственнице византийского императора Мануила I Комнина и являвшийся ставленником и вассалом последнего, долгое время безуспешно боролся со своими братьями и племянниками за королевский трон. Именно этими политическими событиями Л.Рети и объясняет появление венгерских монет византийского типа¹³.

Медные венгерские монеты, легенды которых подражают восточным надписям, датируются Л.Рети по родственным им монетам византийского образца¹⁴. Поэтому мнение И.Карабачека, что прообразом венгерских монет восточного типа служили монеты среднеазиатских Илеков, не может быть принято. Уже давно отмечено, что илекские монеты не имеют ничего общего с венгерскими и что образец следует искать в чеканке Альморавидов, среди динаров Юсуфа ибн Ташфина¹⁵.

Если исходить только из наблюдений над легендами венгерских подражаний, нельзя согласиться с тем, что образцом для них послужили монеты какого-либо одного альморавидского правителя. Легко заметить, что резчики штемпелей совершенно не знали арабского языка и, по-видимому, не были знакомы с арабской графикой, поэтому легенды подражаний нечитаемы. Можно предположить, что рассматриваемые монеты подражают альморавидским динарам вообще. Однако, как показывают находки этих динаров в Европе, подавляющее число монет чеканены 'Али ибн Юсуфом. И если придерживаться старого мнения, что венгерские медные монеты имитируют динары одного пра-

вителя, то гораздо больше оснований считать этим правителем 'Али ибн Юсуфа, чем Юсуфа ибн Ташфина.

Публикуя монеты из с. Ленковцы и из собрания Государственного Эрмитажа, нельзя обойти некоторые вопросы, возникающие при ознакомлении с венгерскими подражаниями восточным монетам.

Монеты, вероятно, времени Стефана IV (1162—1163), — первые венгерские медные монеты. Э. Вег, исходя из другой датировки монет, полагал, что разорение страны татарами привело к нехватке серебра и чеканке медной монеты. Причем для этого, якобы, привозилась так называемая кипрская медь из Греции¹⁶. Л. Рети объяснял появление монет зависимостью Стефана IV от Византии¹⁷. Известно, что медь в значительном количестве добывалась в самой Венгрии и вывозилась за границу, например, на Русь¹⁸. Поэтому остановимся кратко лишь на вопросе о времени чеканки медных монет. Можно ли в данном случае учитывать только византийское влияние? Действительно в ряде стран XII в., в том числе в Византии, в государствах крестоносцев, в Южной Италии,¹⁹ в различных частях Арабского халифата были в обращении медные (бронзовые) монеты. На Руси известны находки византийских медных монет и местных подражаний им. Но XII в. — время больших перемен в денежном хозяйстве европейских государств: возросли потребности в мелкой монете для внутренней торговли (появление брактеатов, чеканка оболлов и квадрантов), в новых средствах платежа при крупных международных торговых сделках (слитки, золотая монета)²⁰. Таким образом, сближение и зависимость Венгрии от Византии при Стефане IV были лишь толчком к введению медной чеканки.

При рассмотрении истории венгерской медной чеканки неизбежно возникает вопрос о причинах подражания именно испано-арабским золотым монетам. Казалось бы, венгерские монетчики должны были взять за образец монеты Фатимидов или Айюбидов, наиболее распространенные в восточном Средиземноморье. Монеты государств крестоносцев следуют именно фатимидским и айюбидским образцам²¹.

Находки динаров Альморавидов и Хаммудидов немногочисленны, но географическое распространение находок с этими монетами весьма показательно.

НАХОДКИ АЛЬМОРАВИДСКИХ И ХАММУДИДСКИХ ДИНАРОВ В ЕВРОПЕ²²

1. Франция, Монастырь Дель Камп, округ с.Перпиньяна, 1851 г. Клад из 75 динаров, из которых 7 чеканены в Западной Африке и 58 в Испании. Старшая монета клада 354 (965) г. Младшая — 512 (1118/1119)г. Из них 11 динаров Юсуфа ибн Ташфина и 54 'Али ибн Юсуфа²³.
2. Франция, Верну близ г.Турнон, 1886 г. Альморавидский динар Юсуфа ибн Ташфина, чеканенный в Агмате в 488 (1095)г.²⁴
3. Франция, Сен-Ромэн, округ г.Балакс, около 1845 г. Клад из 50 (по некоторым данным 60) золотых арабских монет. Из трех определенных монет две были альморавидские: одна, чеканенная в Марокко в 500 (1106/1107) г., вторая — в Гренаде в 516 (1122/1123) г.²⁵
4. Франция, Ла Рошель, 1837 г. Динар, чеканенный в Мурсии в 544 (1149/1150) г.²⁶
5. Франция, Месле ле Видам, округ г.Шатодена, 1955 (?). Клад из 12 золотых монет (11 динаров Альморавидов и королей Мурсии, из них 6 монет 'Али ибн Юсуфа и одна кастильское подражание арабскому динару). Младшая монета 566 (1170/1171) г.²⁷
6. Голландия, г.Арингем, 1950 г. Клад из 285 голландских, немецких и других серебряных монет XII в. и один альморавидский динар. Младшие монеты европейские 1184—1205 и 1180—1212 гг.²⁸
7. Англия, Лондон, до 1878 г. Два альморавидских динара 'Али ибн Юсуфа, чеканенных в ал-Мерии в 525 (1131) г.²⁹
8. О.Готланд, г.Висбю, 1844 г. Альморавидский динар 'Али ибн Юсуфа, чеканенный в Севилье в 516 (1122/1123) г.³⁰

9. О. Готланд, Дальгем. Вместе с везизами найдены 14 золотых монет: 13 арабских монет, чеканенных в Испании и Сеуте в XII в. и кастильское подражание Альфонса VIII.³¹
10. Россия, Киев, 1899 г. Вместе с золотыми везизами и 19 византийскими солидами был найден хаммудидский динар Яхьи, чеканенный в 425 (1033) г.³²

Кроме золотых монет Альморавидов и Хаммудидов, в находках Франции и Германии отмечены динары более позднего времени — Альмохадов³³, а в находках ряда стран (Франция, Англия, Германия, о. Готланд, Скандинавия, СССР) серебряные дирхемы испанских Омайядов³⁴. Е. Цамбаур и Р. Р. Фасмер полагали, что испано-омайядские дирхемы попадали на Русь прежде всего из Азии, однако, географическое распространение находок, наличие германских подражаний XI в. омайядским дирхемам, история европейской торговли подчеркивают значение для X — начала XI в. сухопутного торгового пути из Испании через Верден в Германию и далее на восток Европы³⁵.

Судя по находкам, альморавидские и хаммудидские динары проникали из Испании в страны Западной и Центральной Европы через Францию и далее вдоль берегов Северного и Балтийского морей, через Италию, а возможно, и старым сухопутным путем через Верден, который в XI—XII вв. потерял былое значение. Динары под названиями *argus arabicus*, *bizatus saracemallus*, *mancus*, *marabitanus* были достаточно широко известны в странах Западной, Центральной и Южной Европы³⁶. Испано-арабские динары вызвали подражания в самой Испании и во Франции³⁷. В итальянских документах XI—XII вв. упоминаются *mancus* и *marabutini*³⁸.

В средневековую Венгрию альморавидские динары, вызвавшие интересующие нас подражания, могли проникнуть с Апеннинского полуострова. Кроме того, в Венгрии имелось мусульманское население, занимавшееся торговлей и монетным делом³⁹. Местные мусульмане, вероятно, поддерживали связь с арабским населением Испании. Так, испано-арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати не только посещает в 1150 г. Венгрию, но имеет там свой дом, а его старший сын женится на двух местных мусульманках и остается, видимо, навсегда в стране⁴⁰. Известно также, что XII в. был временем наибольшего подъема переселенческого движения из Германии и Франции. Все это заставляет предполагать, что медные венгерские подражания восточным монетам появились не под влиянием связей с Востоком, а вследствие развития и укрепления контактов с Западом, откуда и поступали, вероятно, альморавидские динары.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы приносят искреннюю благодарность руководителю раскопок П. А. Раппопорту, предоставившему возможность опубликовать найденную монету. Монета передана в Эрмитаж (инв. № Р-42).

² Данные П. А. Раппопорта.

³ Очерки истории СССР IX—XIII вв. М., 1953, стр. 363.

⁴ К. Г р о т. Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141—1173). Варшава, 1889; В. Т. П а ш у т о. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; В. П. Ш у п а р и н. Русско-венгерские отношения в IX в. Сб.: «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 131—180; В. М. П о т и н. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1967, стр. 218—231.

⁵ В. М. П о т и н, ук. соч., стр. 227—231; В. М. П о т и н. Клад брактеев из Поднепровья. НиС, т. I, Киев, 1963, стр. 109—127. О находках медных венгерских монет в Трансильвании — см. J. S a b a u, *Circulația monetară în Transilvania secoler XI—XIII, în lumina irvoazelor numismatice*, «Studii și cercetări de numismatică», vol. II, București, 1958, p. 284—285, N 1; p. 285, N 2; p. 290, N 3; p. 291, N 27; p. 297, N 52; p. 299, N 61. Эти монеты находят в погребениях Словакии — см.: E. K o l n í k o v á, *Obolus mŕtvých vo včasnostredovekých wroboch na Slovensku*, «Slovenská archeológia», XV — 1, Bratislava, 1967, str. 192, 193, 194, 195.

⁶ Эрмитаж. Инв. № 12702, 12704, 12705, 12706, 3764, 3765, 9478, 11913, 11914.

⁷ Эрмитаж. Инв. № 12701.

⁸ Эрмитаж. Инв. № 11915.

⁹ Эрмитаж. Инв. № 12703.

¹⁰ CNH, S. 60—61.

¹¹ Там же, стр. 58—60.

- ¹² J. K a r a b a s e k, Der unmittelbare Einfluß der mongolischen Invasion (1241—1242) auf die Münzverhältnisse Ungarns, NZ, Bd. 6—7, S. 49—57. Историю вопроса см. также в CNH, S. 58.
- ¹³ CNH, S. 58—59.
- ¹⁴ Ibid., S. 60.
- ¹⁵ G. J e s z e n s z k y, Az elso magyar rezpenzek, NK, Ev. XXXIV — XXXV, 1935—1936, Budapest, 1938, old. 43.
- ¹⁶ E. V é g h, A nyugati és keleti érmészet befolyása Magyarorszag ermészetére. См. CNH, S. 58.
- ¹⁷ CNH, S. 60.
- ¹⁸ Б. А. Р ы б а к о в. Торговля и торговые пути. История культуры древней Руси. М. — Л., 1948, стр. 329.
- ¹⁹ G. H a t z, Kupfernes Geld. Kupfer in Natur, «Technik, Kunst und Wirtschaft», Hamburg, 1966, S. 133—147.
- ²⁰ В. М. П о т и н. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 84—115. Можно отметить также определенную связь между появлением медных и золотых монет. Вероятно, те и другие появляются там, где кроме прочих условий, достаточно широк диапазон денежных сделок. Конечно, отсюда надо исключить периоды появления медных монет чрезвычайных обстоятельств. Не этим ли объясняется наличие золотого экземпляра венгерского подражания восточным монетам? (CNH, No 103).
- ²¹ G. S c h l u m b e r g e r, Numismatique de l'orient latin, Paris, 1878, p. 130—143; P. B a l o g, J. I v o n, Monnaies à légendes arabes de l'orient latin, RN, 1958, p. 133—168.
- ²² В одной из работ И. А. Бартоломея упоминается о находках альморавидских динаров в Грузии (Troisième lettre de M. le général J. de Bartholomaei à M. F. Soret sur des monnaies koufiques inédites, trouvées en Géorgie, «Revue de la Numismatique belge», 3e série, t. VI, Bruxelles, 1862, p. 57—58). Однако тщательный просмотр известных топографий монетных находок на Кавказе Е. А. Пахомова не дал результатов: находки альморавидских золотых монет там не указаны.
- ²³ D u p l e s s y, p. 128, N° 26. Ср. М а р к о в, стр. 106, № 4; RH, 1853, p. 240—243.
- ²⁴ D u p l e s s y, p. 128, N° 27.
- ²⁵ Ibid., p. 128—129, N° 28; М а р к о в, стр. 106, № 1.
- ²⁶ D u p l e s s y, p. 129, N° 29.
- ²⁷ Ibid., p. 132—133, N° 32; RN, 1955, p. 265—278.
- ²⁸ D u p l e s s y, p. 133, N° 34.
- ²⁹ Ibid., N° 36.
- ³⁰ М а р к о в, стр. 82, № 183.
- ³¹ Там же, стр. 84, № 199. U. S. L i n d e r W e l i n, Elias Brenners arabiska guldpenning och andra dinarer funna i Sverig Nordisk Numismatisk Arsskrift, 1964, S. 24—25. Автор пишет о девяти золотых западноарабских динарах, найденных на о. Готланд, чеканенных в 1122—1195 гг. в Северной Африке и Испании.
- ³² М а р к о в, стр. 138, № 11.
- ³³ D u p l e s s y, p. 132, N° 31, p. 133, N° 35; М а р к о в, стр. 106, № 3.
- ³⁴ D u p l e s s y, p. 121, N° 3; p. 121, 122, N° 4; p. 122, N° 5; p. 124, N° 12; М а р к о в, стр. 25, № 141, стр. 32, № 179, стр. 33, № 180, стр. 34, № 192, стр. 51, № 290, стр. 55, № 314, стр. 70, № 85, стр. 106, № 5, 6, стр. 116, № 5, стр. 117, № 7.
- ³⁵ Подробнее см.: В. М. П о т и н, Древняя Русь и европейские государства в X — XIII вв.. Л., 1967, стр. 211—213.
- ³⁶ D u p l e s s y, p. 101—104, 135—144; U g o M o n n e r e t d e V i l l a r d, La monetazione nell'Italia barbarica, «Rivista italiana di numismatica», Anno XXXII, 1919, p. 73—112.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid., p. 80—81, 110—111.
- ³⁹ J. G é z a, Az első magyar rézpenzek, «Numizmatikai Közlöny», Ev. XXXII — XXXIII, 1933—1934, Budapest, 1936, old. 43.
- ⁴⁰ И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Арабская географическая литература. Избр. соч., т. IV, М. — Л., 1957, стр. 299, 300.

**КЛАД ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ МОНЕТ СЕРЕДИНЫ XVI в.
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА**

подавляющее большинство многочисленных кладов, найденных на территории Белоруссии, относится к XVII в., монетных находок XVI в. значительно меньше, поэтому настоящая публикация несомненно должна представлять интерес для нумизматов.

Клад, состоящий из 79 польских, литовских и прусских монет, был найден в апреле 1961 г. при земляных работах в 12 км от Минска и передан в Эрмитаж (поступление 583/1344).

Табл. I.

1 — полгроша Казимира Ягеллончика (1447—1492). Без года, Польша. 2 — полгроша Яна Ольбрахта (1492—1501). Без года, Польша. 3 — полгроша Александра (1501—1506). Без года, Литва. 4 — полгроша Сигизмунда I (1506—1548). 1513 г., Литва. 5 — полгроша Сигизмунда Августа (1545—1572). 1545 г., Литва.

Наглядное представление о составеклада дает приведенная ниже таблица.

Можно назвать три большие группы монет: литовские полугроши Сигизмунда I (28) и Александра (13); польские полугроши Яна Ольбрахта, имеющие знак подскарбия Петра Куровендского и, следовательно, чеканенные с 1492 по 1499 гг. (11). Кроме этого в кладе

№ п. п.	Страна	Правитель	Номинал	Литература	Примечания	
1—3	Польша	Казимир Ягеллончик, 1447—1492	1/2 гроша б/г	С и м. 534	☼ Знак подскарбия Петра Куровендского. Работал в г. Кракове, 1479—1499 гг. Табл. I, 1 Табл. I, 2	
4—14	»	Ян Ольбрахт, 1492—1501	1/2 гроша б/г	С и м. 545		
15	»	Сигизмунд I, 1506—1548	Грош 1529 г.	С и м. 564		Табл. II, 1
16—28	Литва	Александр, 1501—1506	1/2 гроша б/г	С и м. 550		Табл. I, 3
29	»	Сигизмунд I, 1506—1548	Грош 1536 г.	С и м. 599		Табл. II, 2
30, 31	»	То же	1/2 гроша 1509 г.	С и м. 589		
32, 33	»	» »	1/2 гроша 1510 г.	»		
34, 35	»	» »	1/2 гроша 1511 г.	»		
36—39	»	» »	1/2 гроша 1512 г.	»		
40—44	»	» »	1/2 гроша 1513 г.	»		Табл. I, 4
45—48	»	» »	1/2 гроша 1514 г.	»		
49—51	»	» »	1/2 гроша 1515 г.	»		
52	»	» »	1/2 гроша 1519 г.	»		
53	»	» »	1/2 гроша 1520 г.	С и м. 595		
54	»	» »	1/2 гроша 1521 г.	»		
55	»	» »	1/2 гроша 1522 г.	»		
56, 57	»	» »	1/2 гроша Год стерт	С и м. 589		
58	»	Сигизмунд Август, 1545—1572	1/2 гроша 1545 г.	С и м. 678	Табл. I, 5	
59—61	»	То же	1/2 гроша 1547 г.	С и м. 680		
62—66	»	» »	1/2 гроша 1548 г.	»		
67	»	» »	1/2 гроша 1549 г.	»		
68	г. Данциг (Гданьск)	Сигизмунд I, 1506—1548	Грош 1540 г.	С и м. 650	Табл. II, 3	
69	Пруссия	То же	Грош 1530 г.	С и м. 609	Табл. II, 4	
70	»	» »	Грош 1534 г.	С и м. 613		
71	»	Альбрехт Бранденбургский, 1525—1569	Грошен 1532 г.	В а h r f. 1137		
72	»	То же	Грошен 1537 г.	В а h r f. 1164	Табл. II, 5	
73, 74	»	» »	Грошен 1541 г.	В а h r f. 1179		
75—77	»	» »	Грошен 1542 г.	В а h r f. 1182		
78	»	» »	Грошен 1543 г.	В а h r f. 1185		
79	»	» »	Грошен 1545 г.	В а h r f. 1195		

еще имеются литовские полугроши Сигизмунда Августа (10); прусские гроши Альбрехта Бранденбургского (9); польские полугроши Казимира Ягеллончика (3); гроши, чеканенные Сигизмундом I для Пруссии (2); польский и литовский грош Сигизмунда I (2); данцигский грош Сигизмунда I (68).

Самая ранняя монета в кладе — польский полугрош Казимира Ягеллончика (1447—1492), чеканенный в 1479—1492 гг. (1). На монете под короной знак ☼ — герб

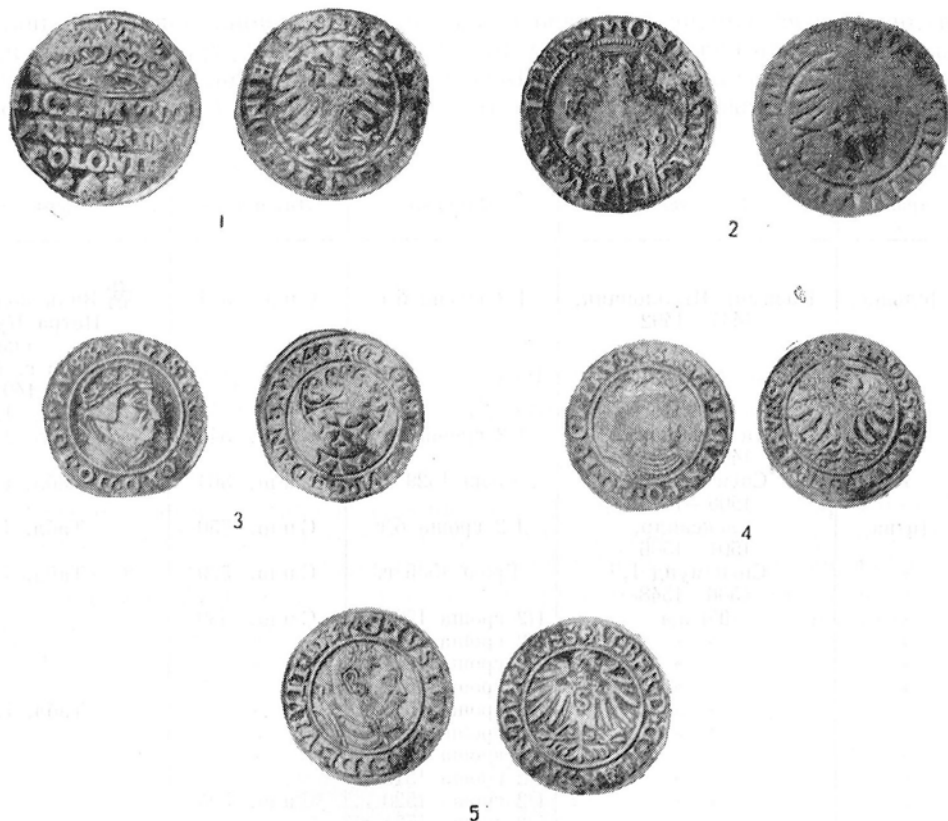

Табл. II.

1 — грош Сигизмунда I (1506—1548). 1529 г., Польша. 2 — грош Сигизмунда I (1506—1548). 1536 г., Литва. 3 — грош Сигизмунда I (1506—1548). 1540 г. Данциг (Гданьск). 4 — грош Сигизмунда I (1506—1548). 1530 г., Пруссия. 5 — грош Альбрехта Бранденбургского (1525—1569). 1537 г., Пруссия.

подскарбия Петра Курозвендского, работавшего на Краковском монетном дворе с 1479 по 1499 г. Наиболее поздняя монета — литовский полугрош Сигизмунда Августа 1549 г. (67). Таким образом, клад следует датировать серединой XVI в. В. Н. Рябцевич делитклады XVI в. и середины XVII в. на четыре этапа: 1) с конца XV в. по 1544 г., 2) 1545—1577 гг., 3) 1578—1623 гг. и 4) 1624—1648 гг. Наш клад, по классификации В. Н. Рябцевича, относится ко второму этапу (1545—1577 гг.). Автор пишет, что характерной чертой денежного обращения Великого княжества Литовского и Польши этих лет является четко выраженная однородность его состава. «Единственной монетой польско-литовского государства становится литовская, которую начали чеканить с 1545 г.: преобладает полугрош, за которым следуют единичные и двойные денарии, а затем — номиналы от двух до шести грошей. Спорадически бьют золотую и талерную монету».

Хотя трудно делать обобщающие выводы на основании одной монетной находки, но в нашем кладе нет подобного единообразия. Наряду с литовской монетой здесь имеются польские полугроши, данцигский грош, прусские гроши Сигизмунда I и Альбрехта Бранденбургского. Следовательно, правильнее говорить об единообразии монетной чеканки, вызванной сосредоточением ее на единственном для Польши и Литвы монетном дворе в Вильнюсе, который начал действовать с 1545 г. ²

Состав же кладов некоторое время после 1545 г. продолжает быть довольно разнообразным. Дальнейшее накопление сведений о монетных находках XVI в. поможет уточнить вышеизложенные наблюдения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. Н. Р я б ц е в и ч. Топография монетных кладов на территории Белоруссии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1965, стр. 10.

² Г и т., S. 57.

НУМИЗМАТИКА И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО

Несколько веков назад, когда нумизматика делала первые робкие шаги, античные монеты рассматривались прежде всего как памятники искусства. С тех пор художественное значение античных монет не подвергалось сомнению, а искусствоведческие исследования до настоящего времени играют существенную роль в античной нумизматике. Медали, появившиеся в эпоху Ренессанса, всегда признавались достойными эстетического внимания. Менее «повезло» средневековым монетам, изображения на которых условны, более далеки нам по содержанию, чем искусство Возрождения. Подъем средневековой западноевропейской нумизматики приходится на вторую половину XIX в., когда исследователи занимались в основном описанием кладов, изучением торговых путей, денежного обращения, экономики. Эти процессы, безусловно, положительные, превратившие нумизматику в важную и самостоятельную отрасль исторической науки, отодвинули на задний план вопросы художественного значения монет средневековья. Публикаций, посвященных интересующей нас проблеме, очень мало. Методика исследования не выработана, мнения ученых часто диаметрально противоположны. Для решения задач искусствоведческого анализа средневековых монет требуются усилия многих специалистов. В настоящей заметке автор делает попытку подвести некоторый итог проделанной работы, обращает внимание на необходимость дальнейшего изучения темы, знакомит читателя с важнейшей литературой.

Неоднократно указывалось, что монеты, во-первых, сами являются произведениями искусства, во-вторых, на них зачастую сохраняются изображения памятников живописи, скульптуры, архитектуры, т. е. монеты представляют интерес как источники для истории искусства¹.

Действительно, на монетах так же, как и на других памятниках искусства можно проследить особенности, изменения художественного стиля того или иного периода. На монетах, чеканенных после падения Западной Римской империи, заметно влияние Византии и творчества народов, заселивших Европу в середине первого тысячелетия нашей эры. Изображения на монетах вестготов и франков, фризов и англо-саксов примитивны, большей частью условны, чувствуется недостаточно развитая художественная техника, незнание приемов нового для них монетного дела. Но и при скудности дошедших до нашего времени художественных памятников «варварских» государств, монеты должны играть первостепенную роль в изучении европейского искусства раннего средневековья. Так называемое «Каролингское возрождение» нашло отражение и в монетном деле. На денариях появляется изображение правителя в лавровом венке, следующее изображениям римских императоров, на многих монетах — пятиколонный фасад храма типичной римской базилики.

В XI в. в орнаментальных и архитектурных изображениях на монетах заметны все признаки романского искусства. Например, на монетах Кельна — храм с характерными

полукруглыми сводчатыми арками, на монетах Дуйсбурга — обрамления легенд в виде дуг и т. д. Своеобразный расцвет романского искусства можно наблюдать на германских брактеатах XII в.² Смена романского стиля готическим не замедлила сказаться на европейском монетном деле, о чем свидетельствуют денарии архиепископа Конрада фон Хохштадена (1238—1261)³. Прекрасные образцы «монетной готики» представляют ряд французских, испанских и английских монет XIV—XV вв. Для раннего Ренессанса характерен миланский дукат Франческо Сфорца (1450—1466), где портрет дан со всеми особенностями нового искусства, а орнамент и надписи сохраняют готические формы⁴, а также тестоны миланских правителей. В XVII—XVIII вв. искусство барокко находит свое отражение и на монетах.

Таким образом, монетные изображения проходят те же этапы развития, что и живопись, скульптура, архитектура, прикладное искусство.

Связь между монетным искусством и другими видами искусства была не только внутренней, но и внешней, так сказать, персонифицированной. Немало резчиков штемпелей или создателей рисунков, по которым изготовлялись штемпеля, были в то же время ювелирами, скульпторами и т. п. Это обстоятельство имело большое значение в связи с тем, что в средние века не только исполнение, но иногда и выбор изображения на монете зависели от монетного мастера⁵. Франкские монетные мастера Аббо и знаменитый Элигий, известный как патрон — покровитель монетчиков, канонизированный католической церковью, были ювелирами. Работавший при датском короле Нильсе (1104—1134) монетный мастер Анкетиль был английским ювелиром⁶. Важную роль, например, играли в монетном деле ювелиры Аугсбурга, Базеля, Вены, Мюнстера⁷.

Появившиеся около 1130 г. брактеаты — односторонние монеты, чеканенные на тонкой серебряной пластинке, имеют своих предшественников в золотых брактеатах-украшениях. Их выпуску содействовало привлечение ремесленников к работе в качестве монетных мастеров в связи с растущими потребностями в средствах обращения⁸. Такой приток ремесленников-ювелиров, возможно, одна из причин высокого художественного уровня многих брактеатов XII в.

Среди украшений одной из дверей собора в Модене изображен золотых дел мастер и монетчик; на фризе церкви Сент-Илер и Пуатье имеется надпись UDO MONETARIUS, что, вероятно, свидетельствует о работе монетных мастеров в качестве скульпторов⁹. Ряд миланских монет конца XV в. чеканен по рисункам Амброзио Преда¹⁰, ученика Леонардо да Винчи, который и сам много сделал для развития техники монетной чеканки.

Рис. 1.

1 — денарий с изображением императора Генриха III (1039—1056), Дортмунд (все монеты к статье даны в увеличении). 2 — денарий с изображением епископа Конрада II (1056—1060), Шпейер. 3 — тестон с изображением герцога Галеаццо Марии Сфорца (1468—1476), Милан.

Рис. 2. Монеты, исполненные в романском стиле.

1 — брактеат аббата Иоанна (1200—1215), Герсфельд. 2 — брактеат аббатисы Беатрикс (1138—1161), Кведлинбург. 3 — брактеат маркиграфа Альбрехта Медведя (1134—1170), Бранденбург.

Бенвенуто Челлини в течение семи лет руководил монетным двором в Риме. Число примеров работы крупных художников XV—XVII вв. над монетой можно было бы значительно увеличить. Наконец прототипами изображений на монетах были современные фресковая живопись, миниатюра, скульптура. Один из исследователей начала XX в. Людвиг Бюркель проделал большую работу по отысканию аналогий монетным изображениям в произведениях искусства. Он установил, что одни изображения на широких баварских пфеннигах и чешских монетах XIII в. близки миниатюрам псалтыря и рукописи о Парсивале, хранившейся в Мюнхенской библиотеке, другие имеют аналогии в сценах на тимпане церкви св. Петра в Штраубинге, на фризе церкви св. Трофима в Арле, в скульптурах Женевского собора и т.п.¹¹ Таким образом, нельзя не признать, что монеты являются интересными памятниками средневекового искусства. Только этим можно объяснить появление за последние десятилетия ряда работ, ставящих своей целью показать высокий художественный уровень средневековых монет¹².

Монеты как памятники искусства имеют свои особенности. Практические цели обращения не позволяли использовать на монетах такой же высокий рельеф, как на медалях¹³,

Рис. 3. Монеты, исполненные в готическом стиле.

1 — руаяльдор короля Карла IV (1232—1328), Франция. 2 — руаяльдор короля Карла V (1304—1380), Франция. 3 — шезд'ор короля Филиппа VI (1328—1350), Франция.

превышать наиболее удобный для обращения размер, вес и т. п. В связи с этим некоторые исследователи не без основания относят монеты к произведениям прикладного искусства¹⁴. Нет ни одного вида памятников искусства, который был бы столь многочисленен, как монеты. Отсюда их большая доступность для исследователя. Однако массовость монет привела и к тому, что их искусствоведческий анализ, отбор наиболее ценных экземпляров только что начались.

В средние века чеканка монет производилась в сравнительно небольших феодальных владениях, во многих городах, поэтому ни один вид памятников искусства не представляет таких возможностей для анализа местных художественных традиций, особенностей

местного стиля, как монеты. Возможности такого анализа еще совершенно не использованы ни советскими, ни зарубежными исследователями.

При изучении изображений на монетах необходимо также учесть еще два важных обстоятельства. Во-первых, наличие так называемых окостеневших типов монет (*type immobilisé*), или «консерватизм монет», заключающийся в сохранении в течение долгого времени старого, зарекомендовавшего себя, монетного типа¹⁵. Примером могут служить гнуэзские монеты с изображением ворот (*janua*) и имени императора Конрада, французские монеты так называемого пинонского типа и др. В таких случаях развитие типа монет намного отстает от развития художественного стиля. Во-вторых, наличие монет-подражаний, когда наиболее устойчивым и распространенным в международной торговле монетам того или иного государства следуют в других странах, иногда не меняя внешнего вида монеты даже в деталях. Таковы многочисленные подражания английским стерлингам или итальянским флоринам. При чеканке подобных подражаний принимается монетный тип, который по своим художественным особенностям чужд традициям местного искусства.

Наибольшие споры среди специалистов вызывает интерпретация изображений на средневековых монетах. Можно ли говорить о портрете на монетах средневековья или лишь о символическом изображении короля, герцога, епископа, аббата? Та или иная церковь или постройка — реально существовавшие архитектурные сооружения или только символическое изображение «небесного Иерусалима», «божьего храма», отвлеченного, созданного фантазией монетчика города?

В работе, изданной в 1956 г., немецкий нумизмат Р. Геттенс утвердительно отвечает на первый вопрос, считая, что на ряде монет средневековья имеются портретные изображения¹⁶. С критикой его взгляда выступил Г. Ветцель,¹⁷ придерживающийся мнения о символичности изображений монетных сеньоров средневековья. Такая точка зрения была высказана уже до него рядом исследователей¹⁸.

Действительно, судя по фрескам, миниатюрам и скульптуре вплоть до первых проблемов Ренессанса, почти невозможно говорить о портретном сходстве в изображении человека¹⁹. Тем не менее Р. Геттенс не одинок в своих утверждениях. Ф. Фриденсбург упоминает о портрете молодого Оттона III (983—1002) и Конрада II (1024—1039) на денариях, чеканенных в Кельне, Генриха II (1002—1024) — на монетах Регенсбурга, Генриха IV (1056—1106) на монетах Дуйсбурга²⁰. Ю. Кан считал, что «отдельные ясные стремления к созданию портрета» заметны на денариях Оттона III и Конрада III из Кельна и Дортмунда, Генриха IV из Дуйсбурга и Генриха II из Аугсбурга²¹. Г. Нуссбаум допускал, что изображение на одном из экземпляров августала Фридриха II (1197—1250) передает действительный облик правителя²².

Что же служит для этих авторов критерием при определении портретного сходства на средневековых монетах? Ф. Фриденсбург в перечисленных только что изображениях различает «индивидуальные черты»²³. Характеризуя изображение Конрада II, Р. Геттенс подчеркивает, что видит здесь «человека из плоти и крови»²⁴. Из этих же оснований исходит П. Бергхауз, говоря о стремлении резчика штемпеля «передать портретное сходство», о «естественном образе живого человека» на дортмундских денариях Генриха III (1039—1056) и Генриха IV (1056—1106)²⁵. Иначе говоря, для этих исследователей подтверждением портретного сходства (или стремления к нему) является реалистичность изображения, а точнее реалистическая манера изображения. Это явление, чрезвычайно важное и интересное для истории средневекового искусства, конечно, не является доказательством портретности изображения. Можно предполагать, что до XV в., когда в монетном искусстве наступил перелом, только немногие наиболее талантливые резчики штемпелей передавали облик некоторых исторических деятелей своего времени²⁶. Интересно отметить, однако, что К. Бруннер, специально занимавшийся историей портрета XI—XII вв., и сопоставивший данные скульптуры, миниатюры, фресок, изображений на печатях и монетах пришел к выводу, что наиболее сильно реалистические тенденции проявляются в двух последних видах памятников²⁷. Возможно, это объясняется боль-

шей близостью изготовителей печатей и монетных штемпелей к ремеслу, к городской культуре.

Примерно таким же образом решается и вопрос об архитектурных сюжетах на средневековых монетах. Ф. Фриденсбург полагал, что наряду с абстрактным изображением церкви, замка, города, монеты, например, брактеаты XII в., сохранили до нашего времени действительный облик некоторых средневековых сооружений²⁸. По мнению Ю. Кана, резчик штемпелей чаще стремился воспроизвести какое-либо определенное здание, например, соборы в Шпейере или Аахене²⁹. В. Пипер, указывая на изображение магдебургского собора на так называемых мориццфеннигах, бранденбургской церкви на денариях Генриха Пшибыслава (ум. в 1150 г.) и церкви св. Кассия на монетах Бонна, специально исследует вопрос о строительной истории г. Зеста по нумизматическим данным³⁰. Он видит в монетных изображениях Зеста XII — начала XIII в. городскую церковь св. Петра и башню св. Патрокла³¹. Более тщательные исследования опровергли некоторые из этих утверждений³². А. Зуле показал, что так называемые мейссенские бургбрактеаты не воспроизводят каких-то определенных средневековых замков, как иногда предполагали ранее³³. Однако только начинающееся теперь тщательное сопоставление нумизматических, архитектурных и археологических памятников поможет отделить изображения конкретных зданий, от изображений, созданных фантазией изготовителя монетного штемпеля.

Отмеченные особенности изображений на средневековых монетах обусловлены не только общим характером раннефеодального искусства. Рядовому монетному мастеру значительно проще было использовать изображения на фресках, миниатюрах, тимпанах, скульптуру, чем рисовать с натуры. Этим и объясняется ряд аналогий между такими памятниками искусства и монетами. Изготовитель штемпеля, вероятно, более охотно воспроизводил на монете церковь, известную ему по какой-либо книжной миниатюре, чем церковь, которую он видел из окна своей комнаты. Только позже, в эпоху Возрождения, когда все более пробуждался интерес к человеку и окружающему его реальному миру, портреты и изображения подлинных памятников архитектуры на монетах стали обычным явлением.

Итак, ценность монеты как памятника средневекового искусства велика. Все особенности монетных изображений, указывая на которые ряд исследователей пытаются приписать значение монеты для изучения художественного творчества средневековья, не разделяют, но объединяют монетное искусство с остальными его видами. Уже теперь ясно, что любая история искусства средних веков, оставляющая в стороне нумизматический материал, не даст исчерпывающего представления об искусстве феодальной эпохи³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F. F r i e d e n s b u r g, Die Münze in der Kulturgeschichte, Berlin, 1909, S. 127—129; J. C a h n, Die deutschen Mittelaltermünzen in ihrer Bedeutung für Kunst- und Kulturgeschichte, «Berliner Münzblätter», N. F., Bd. III, Berlin, 1911, S. 446.

² J. C a h n, op. cit., S. 449; A. S u h l e, Münzbilder der Hohenstaufenzeit. Meisterwerke romanischer Kleinkunst, Leipzig, 1938.

³ J. C a h n, op. cit., S. 450; F. F r i e d e n s b u r g, op. cit., S. 162. О Кельне см. также: H. I. L ü c k e r, Der Vorgänger des Kölner Domes (der Hildebold-Dom) im Münzbilde, «Deutsche Münzblätter», 1941, Nr. 467/468, S. 353—356.

⁴ H. N u s s b a u m, Fürstenporträte auf italienischen Münzen des Quattrocento, ZfN., Bd. XXXV, 1924—1925, S. 157. См. также D. S c h w a r z, Schweizerische Münzen der Spätgotik und der Renaissance. Aus dem Schweizerischen Landesmuseum, Hochwächter-Bücherei, Nr. 31, Bern, 1958.

⁵ P. Геттенс (R. Gaetens) подчеркивает в этом отношении роль монетного сензора. — «Sind im deutschen Mittelalter Legenden und Münzbilder von den Münzmeistern oder Münzherren bestimmt?» «Blätter für Münzfreunde und Münzforschung», Bd. 78, Berlin, 1954, S. 83—87. См. также: P. L a f o l i e, Les testons de Louis XII et de François Ier comme documents iconographiques. Exposition-Concours, Paris, 1951.

⁶ G. G a l s t e r, Die Münzen Dänemarks bis etwa 1625, «Blätter für Münzfreunde», 1937, Nr. 10—11, S. 136.

⁷ W. J e s s e, Probleme und Aufgaben der Münzmeisterforschung, HBzN, Heft 9/10, Hamburg, 1956, S. 49—50.

- ⁸ K. G ü n t h e r, Untersuchungen über die Herkunft der Brakteatenform in deutscher Münzprägung des Mittelalters, «Deutsche Münzblätter», 1941, Nr. 457, S. 204.
- ⁹ L. B ü r k e l, Die Bilder der süddeutschen breiten Pfennige (Halbbrakteaten), ihre Erklärung durch Beziehung auf andere Kunstgattungen, «Mitteilungen der Bayerischen Numismatischen Gesellschaft», Bd. XXII — XXIII, München, 1903, S. 94—95.
- ¹⁰ H. N u s s b a u m, op. cit., S. 169—174.
- ¹¹ L. B ü r k e l, op. cit., S. 101—124. См. также: F. F r i e d e n s b u r g, op. cit., S. 159; G. B r a u n v o n S t u m m, Die Münze als Hilfsmittel der Mittelalterlichen Kulturgeschichtsforschung. Congrès international de Numismatique. Paris, 6—11 juillet 1953, t. 2, Paris, 1957, p. 314, 317.
- ¹² A. S u h l e, op. cit.; K. L a n g e, Münzkunst des Mittelalters, Leipzig, 1942; E. H o l z m a i r, Münzkunst in Österreich, Wien, 1948; E. N o h e j l o v á - P r á t o v a, Krasa České Mincé, Praha, 1955; C. H. V. S u t h e r l a n d, Art in Coinage. The Aesthetics of Money from Greece to Present Day, London, 1955; W. J e s s e, Münzporträts der Geschichte, «Westermanns Monatshefte», Heft 7, 1949, S. 49—52; K. L a n g e, Charakterköpfe der Weltgeschichte, Münzbildnisse aus zwei Jahrtausenden, München, 1949; J. B a b e l o n, Le visage interprété par les graveurs monétaires depuis le VIIIe siècle a. J. C. jusqu'à la fin du XVIIIe siècle, Paris, 1952; J. B a b e l o n, J. R o u b i e r, Das Menschenbild auf Münzen und Medaillen von der Antike bis zur Renaissance, Leipzig, 1966.
- ¹³ H. N u s s b a u m, op. cit., S. 148.
- ¹⁴ Ibid., S. 148. В путеводителе Государственного Эрмитажа («Прикладное искусство Западной Европы V — XV вв.» М., 1956) имеются разделы, посвященные монетам (стр. 7, 8, 20). К сожалению, здесь не дано никакого искусствоведческого анализа монет.
- ¹⁵ A. L u s c h i n v o n E b e n g r e u t h, Allgemeine Münzkunde und Geldgeschichte, München — Berlin, 1926, S. 60—64; H. N u s s b a u m, op. cit., S. 148.
- ¹⁶ R. G a e t t e n s, Münzporträts im XI. Jahrhundert?, Heidelberg, 1956.
- ¹⁷ HBzN, Heft 11, Hamburg, 1958, S. 620—622.
- ¹⁸ См., например: G. M a c d o n a l d, The Evolution of Coinage, Cambridge, 1916, p. 100; H. N u s s b a u m, op. cit., S. 148, и др.
- ¹⁹ М. А л п а т ь е в. Очерки по истории портрета. М. — Л., 1937, стр. 2—22; H. W e n t z e l, HBzN, Heft 11, Hamburg, 1958, S. 622.
- ²⁰ F. F r i e d e n s b u r g, op. cit., S. 146—147.
- ²¹ J. C a h n, op. cit., S. 448.
- ²² H. N u s s b a u m, op. cit., S. 152.
- ²³ F. F r i e d e n s b u r g, op. cit., S. 146.
- ²⁴ R. G a e t t e n s, Münzporträts..., S. 26.
- ²⁵ P. B e r g h a u s, Münzgeschichte der Stadt Dortmund, Dortmund, 1958, S. 12—13.
- ²⁶ K. D o m a n i g, Die deutsche Medaille in kunst- und kulturhistorischer Hinsicht, Wien, 1907, S. 1. Монетному портрету XV — XVII вв., кроме статьи Г. Нуссбаума (см. выше), специально посвящены работы: H. F a r q u h a r, Portraiture of Our Tudor Monarchs on Their Coins and Medals, «British Numismatic Journal», vol. IV, London, 1907, p. 7 — 145; Id., Portraiture of Our Stuart Monarchs on Their Coins and Medals, «British Numismatic Journal», vol. V, London, 1909, p. 21—285.
- ²⁷ K. B r u n n e r, Das deutsche Herrscherbildnis von Konrad II. bis Lothar von Sachsen. Ein Beitrag zur Geschichte des Porträts. Inauguraldissertation, Borna — Leipzig, 1905, S. 69—70.
- ²⁸ F. F r i e d e n s b u r g, op. cit., S. 157—158.
- ²⁹ J. C a h n, op. cit., S. 470.
- ³⁰ B a r c z a t u n d W. P i e p e r, Münzstudien zur Entwicklungs- und Baugeschichte Soest's (оттиск из «Zeitschrift des Soester Geschichtsvereins», Heft 36), Soest, 1921.
- ³¹ Ibid., S. 60—61.
- ³² Об изображениях на магдебургских монетах XII в. см.: A. S u h l e, Das Münzwesen Magdeburgs unter Erzbischof Wichmann. 1152—1159, Magdeburg, 1950, S. 11—13.
- ³³ «Sind die meißnischen sog. Burgbrakteaten wahrheitsgetreue Darstellungen mittelalterlicher Burgen?» Frühe Burgen und Städte. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, Bd. II, 1954, S. 195—197. Рецензия В. Геверника — HBzN, Heft 9/10, Hamburg, 1956, S. 292—293.
- ³⁴ Закономерные опыты привлечения монетного материала к истории искусства имели место уже в начале нашего века. См.: М. P r o u, L'art monétaire в изд.: A n d r é M i c h e l, Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours, t. I, 2me partie, Paris, 1905, p. 899—924; t. III, 1ere partie, Paris, 1907, p. 431—451.

НЕРАЗЫСКАННЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКИХ МОНЕТ X—XI вв.

К корпусу древнейших русских монет

Научная ценность древнейших русских монет как источника сведений, касающихся экономики, политики, письменности, языка, ремесла, искусства Руси X—XI вв., неоспорима. Важное значение имеют поэтому все сообщения о находках этих монет, их происхождении, судьбах отдельных экземпляров.

По своему происхождению древнейшие русские серебряные монеты делятся на четыре группы.

К первой, наиболее значительной по количеству, принадлежат монеты из двух так называемых «чистых» кладов (т. е. содержащих исключительно русские монеты). Оба клада были найдены на Украине — в Нежине и в Киеве¹ — во второй половине XIX в. и распроданы сразу же по их открытии².

Вторая группа — небольшое число сребреников, которые обнаружены в десятке кладов, состоявших из западноевропейских, арабских и византийских монет.

Третья группа — сребреники из археологических раскопок и четвертая — случайные находки.

Из Нежинского клада, открытого в 1852 г. и содержавшего около 200 сребреников, в коллекцию Университета св. Владимира в Киеве и Императорский Эрмитаж поступили только 64 монеты. Киевский клад (ок. 120 сребреников) целиком разошелся по частным коллекциям. Поэтому И. И. Толстой, автор первого обобщающего исследования древнейших русских монет³, несмотря на содействие музейных хранителей и многих коллекционеров⁴, смог отметить в своей книге лишь около 120 сребреников Нежинского клада и 17 — Киевского.

Толстой приближался к современному пониманию необходимости изучения монетных кладов в их полном составе как важнейшего источника сведений по истории денежного обращения. Он сожалел, что точные сведения о Нежинском кладе в целом собрать в 80-х гг. прошлого века было уже невозможно.

Толстой привел неоспоримые доказательства русского происхождения всего рассмотренного им материала, датировал его X—XI вв. и обосновал систематизацию монет, предложив определенную хронологию отдельных выпусков.

Являющаяся сводом почти всех знаний XIX в. о древнейших русских монетах монография Толстого сохранила свое методологическое значение, но уже не охватывает весь известный нумизматом фактический материал.⁵

Находки русских монет X—XI вв., происшедшие за 85 лет после выхода труда Толстого⁶ и концентрация многих бывших частных коллекций в крупнейших музеях СССР, вызвали необходимость составления нового свода древнейших русских монет. Поскольку эрмитажное собрание этих монет является самым значительным (152 экз.)⁷, работа началась именно здесь.

Толстой знал и в разное время опубликовал 150—170 русских монет X—XI вв.⁸ Составленный в настоящее время в отделе нумизматики Эрмитажа новый Корпус древнейших русских монет насчитывает более 330 экземпляров.

Число сребреников удвоилось не только за счет новых находок, но, главным образом в результате проверки и обобщения старых, подчас забытых, сведений о давно известных монетах. Одной из первых задач составителей Корпуса было восстановление состава Нежинского и Киевского кладов по литературным и архивным данным. Сопоставление этих данных с материалами, учтенными в свое время Толстым, позволило получить более ясное представление об обстоятельствах находки кладов, об их количественном и типологическом составе и о судьбах большинства монет. В ходе работы были обнаружены новые сведения о многих уже известных экземплярах. В переписке старейших нумизматов А. В. Орешникова и А. А. Ильина (архивы Эрмитажа и ГИМа) содержатся сведения и высказываются соображения о судьбе некоторых монет и ряда старых частных нумизматических коллекций. Упоминания о нескольких экземплярах встретились в письмах И. И. Толстого — А. А. Кунику (ЛЮ Архива АН СССР), в документах, сопровождавших монеты Нежинского клада в Эрмитаж (ЦГИАЛ; архив Эрмитажа) в старом рукописном каталоге середины XIX в. (Эрмитаж), в протоколах Комиссии по нумизматике и глиптике (Архив ЛОИА АН СССР), в рукописном Альбоме монетных снимков Н. Г. Захариевского (Научная библиотека Киевского университета), в фонде Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии (ЦГИА УССР), в опубликованной переписке М. П. Погодина⁹.

Таким образом, изучение архивных и литературных источников дало возможность проследить «биографии» почти всех известных экземпляров древнейших русских монет. При этом иногда сведения, касавшиеся будто бы нескольких экземпляров, оказывались относящимися к одной и той же монете.

Так, в ГИМе нашлись монеты Киевского клада из бывших коллекций С. В. Бодилевского, Н. А. Леопардова и Э. Ю. Кульчицкого, поступившие в музей из собраний П. В. Зубова и В. М. Иверсена¹⁰, а также монеты Нежинского клада из собраний А. В. Брыкена, П. В. Зубова, Черницкого¹¹.

В Эрмитаже хранятся монеты Нежинского клада из собраний вел. кн. Георгия Михайловича, И. И. Толстого, С. Г. Строганова, побывавшие в коллекциях И. М. Остроглядова, О. И. Горнунга, О. Цигры¹², а также сребреники Нежинского музея, поступившие в Эрмитаж в 1949 г. из Министерства финансов СССР¹³.

В собрании В. В. Лукьянова (Ярославль) имеются в настоящее время монеты Киевского клада, прошедшие через коллекции С. В. Бодилевского, Э. Ю. Кульчицкого, В. М. Иверсена, М. В. Сузина, Н. В. Белозерского, В. Ф. Недзельского¹⁴. В собрание Ф. Грирсона (Кембридж, Англия) попала монета из того же клада, подаренная в 1893 г. Н. А. Леопардовым музее Киевской духовной академии¹⁵.

В целом, таким образом, удалось доказать, что более пятидесяти известных о сребрениках различных частных коллекций относятся к двадцати трем монетам. При этом состав Нежинского клада 1852 г. восстановлен почти полностью (при 200 найденных в кладе монетах 149 экземпляров относится к нему документально, а более 40 — предположительно)¹⁶, а состав Киевского клада 1876 г. — в пределах известного к 1890-м гг. количества его монет (42 экземпляра — документально, 7 — предположительно при 120 обнаруженных в кладе монетах, из которых более половины погибло в качестве ювелирного сырья)¹⁷.

Побывавшие в собраниях Университета св. Владимира (Киев), Нежинского лицея кн. Безбородко, Эрмитажа, Московского археологического общества, а также в двух десятках частных коллекций, монеты Нежинского клада, за исключением 16 неразысканных, принадлежат теперь Эрмитажу (114 экз.), ГИМу (17 экз.), ГИМу УССР (29 экз.), Оружейной палате Московского Кремля (2 экз.) и двум коллекционерам — В. В. Лукьянову (1 экз.) и Ф. Грирсону (1 экз.).

Также прошедшие через ряд собраний монеты Киевского клада, за исключением 23 неразысканных экземпляров, находятся в настоящее время в Эрмитаже (14 экз.),

ГИМ (8 экз.), ГИМ УССР (3 экз.) и в коллекциях В. В. Лукьянова (5 экз.) и Ф. Грирсона (1 экз.).

Известно, что часть неразысканных сребреников обоих кладов продавалась в 1850—1880-х гг. купцом П. Должиковым, взвинчивавшим цены, очевидно, пропорционально росту заинтересованности коллекционеров в покупке¹⁸. Но установить, кому именно продал Должиков монеты, не удалось.

Также остается неясной судьба восьми монет, собранных в Нежине Д. А. Толстым, и, в частности, двух экземпляров, посланных им с описанием С. Г. Строганову¹⁹. Среди одиннадцати сребреников Нежинского клада, поступивших в Эрмитаж в составе собрания Строганова в 1925 г., их нет.

В 1904 г. в только что учрежденный Киевский Исторический музей, поступили вместе с нумизматической коллекцией Университета сребреники Нежинского клада, изданные Я. Волошинским еще в 1853 г.²⁰ В настоящее время среди нежинских монет ГИМа УССР недостает сравнительно с публикацией Волошинского двух чрезвычайно интересных экземпляров (см. № 39, 57 следующего ниже списка). Поскольку эти экземпляры успели побывать в руках И. И. Толстого (при подготовке им издания 1882 г.), можно полагать, что они исчезли из университетской коллекции не ранее 1880-х гг. А. А. Ильин видел второй из этих экземпляров в 1917—1918 гг. у крупного петербургского торговца монетами Эльтермана, который продал монету известному коллекционеру Л. Х. Иозефу²¹.

Нумизматическое собрание музея Киевской духовной академии, насчитывавшее, по-видимому, не менее 10—12 сребреников²², вероятно, было расхищено. Две монеты этой коллекции поступили в ГИМ в 1929 г. в составе коллекции П. В. Зубова²³, третья была куплена Ф. Грирсоном в 1965 г. в Англии у человека, считавшего ее монетой острова Крит²⁴, четвертая опознана в 1925 г. А. А. Ильиным в собрании К. П. Березина (см. № 20 в списке). Остальные сребреники исчезли бесследно.

Сребреники, фигурировавшие в 1929 г. на аукционе в Германии (см. № 34, 42, 55, 59 в списке), являются, очевидно, монетами из собрания А. А. Сиверса, проданными в 1929 г. за границу через Антиквариат СФА²⁵. Предположить идентичность монет Сиверса с экземплярами, указанными в каталоге немецкого аукциона, позволяет численное совпадение обеих групп сребреников (по 4 экз.), а также наличие в этих группах монеты одного очень редкого типа (см. № 59, 60 в списке).

Ничего не известно о приблизительно шести экземплярах древнейших русских монет, которые А. В. Орешников видел в 1920-х гг. в собрании московского коллекционера Наппа (см. № 20—23, 37, 47, 56 списка).

Кроме 39 неразысканных сребреников Нежинского и Киевского кладов в Корпусе числится еще около 20 монет, местонахождение которых в настоящее время не установлено. Некоторые из сведений касаются потерянных экземпляров из других находок, некоторые — настолько скупы, что отнести их к каким-либо конкретным экземплярам совершенно невозможно. В список неразысканных монет они включены для достижения максимальной полноты сведений о сребрениках, следы которых теряются в частных коллекциях, главным образом дореволюционного времени.

По изображениям, надписям и родовым знакам князей монеты X—XI вв. подразделяются на 8 типов (с именами Владимира, Святополка, Ярослава или спорными легендами). Наиболее значителен комплекс монет Владимира, дающих обе основные композиционные схемы древнейших русских монет всех типов:

- 1) изображение правителя (л. с.) и Пантократора (о. с.)
- 2) изображение правителя или его христианского патрона (л. с.) и родового знака князей Рюриковичей (о. с.).

Изображения дополняются соответствующей им по смыслу легендой «Владимир (или Святополк) на столе, а се его серебро», а на монетах Ярослава — надписью «Ярославле серебро».

Последовательность чеканки типов русских монет X—XI вв. установлена И. И. Толстым на основе чтения надписей, наличия перечеканок и стилистического анализа монет²⁶.

Хотя отнесение Толстым двух типов сребреников со спорно читающимися надписями к Ярославу вызвало обоснованные возражения²⁷, эта хронология в целом остается общепринятой. Она подтверждается результатами сравнительно-хронологического изучения Н. П. Бауером смешанных по составу кладов с сребрениками²⁸, сфрагистическими исследованиями В. Л. Янина²⁹ и самыми последними находками сребреников Владимира в археологических комплексах X — начала XI в. экспедицией под руководством Б. А. Рыбакова³⁰. Поэтому следующий ниже перечень неразысканных экземпляров сделан в соответствии с классификацией Толстого, с учетом поправок к определению типов со спорно читающимися легендами.

В перечне представлены все типы сребреников, хотя подбор определяется только одним признаком — потерей следов монеты. Публикация этого маленького каталога производится в надежде, что ко времени окончания работы над Корпусом древнейших русских монет некоторые из неразысканных экземпляров найдутся.

Златник Владимира³¹, необратимость утраты которого была очевидна сразу же после его потери полтора века назад³², в список не включен.

В сочетании с другими монетами Корпуса неразысканные экземпляры позволят уточнить рисунок и легенды отдельных монетных штемпелей, установить хронологическую последовательность, найти связи между некоторыми типами, а также пополнят данные метрологии монет первоначального русского чекана.

СПИСОК НЕРАЗЫСКАННЫХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ РУССКИХ МОНЕТ X—XI вв.

Сребреники Владимира, тип 1

1. Л. с. Князь на престоле. На голове шапка с крестом и подвесками. В правой руке — скипетр с крестом. Слева — княжеский знак в виде трезубца. Легенда вдоль края, читаемая изнутри монеты слева направо.

О. с. Погрудное изображение Пантократора, в кресчатом нимбе, с Евангелием на груди. Легенда вдоль края.

Фрагменты линейного и точечного ободков на обеих сторонах. Вес 2,05 г (46 долей); диам. 23 мм. Обломан и стерт. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание И. И. Толстого. Издан: Толстой, 1882, стр. 228, 229, № 6, табл. 15, 2; Сотникова, Киевский клад, 5, 4.

Табл. I.

2. Схема изображений подобна предыдущим. Плечи князя очень покаты. У Христа — маленькая голова на высокой шее, борода передана четырьмя точками.

От легенд, читающихся справа налево, сохранилось лишь несколько букв.

Линейный и точечный ободки на обеих сторонах. Вес неизвестен. Диам. 26 мм. Обломан. Приклепано железное ушко. Происх.: Найден на ожерелье костяка вместе с четырьмя другими монетами (3 — русские, 1 — арабская) при раскопках А. С. Уваровым и Н. М. Турбиным курганов в имении Вотня Старо-Быховского уезда Могилевской губ. в 1877 г. Хранение: Собрание Н. М. Турбина (1882 г.). Издан: Толстой, 1882, стр. 13, 14, № 10, табл. 10, 7. Упомянут: Протоколы заседаний МАО, № 139 (от 20 декабря 1877 г.) и № 140 (от 17 января 1878 г.). Древности, т. 8, М., 1880, стр. 33, 6, 34, 37, 8; Викинг. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, н. с., т. 8, вып. 1—2, СПб., 1896, стр. 121, 2; Орешников, Русские монеты до 1547 г., М., 1896, стр. 3; Ильин, № 15; Орешников, 1936, стр. 69, № 12.

Табл. I.

3. Схема изображений подобна предыдущим. Контур левого плеча и руки князя образует волнообразную линию. Правая рука — как ряд складок. На левой половине плаща складки переданы частыми зигзагами.

Табл. I. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв.

Легенды читаются справа налево. Вершины букв обращены к центру монетного кружка.

Линейный и точечный ободки на обеих сторонах.

Вес 3,12 г (71 доля). Диамет. 25 мм. Обломан или обрезан.

Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание С. В. Бодилевского (1891 г.).

Издан: Толстой, 1882, стр. 229, табл. 15, 5; Сотникова, Киевский клад, 6, 15. Упомянут: Чернев, III, 1891, стр. 9.

Табл. I.

4. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что предыдущая.

Вес неизвестен. Диамет. 25 мм. Обломан. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание Н. Чернева (1891 г.). Издан: Чернев, III, 1891, стр. 9, а, табл. 7, 15; Сотникова, Киевский клад, 6, 13.

Табл. I.

5. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что 3,4.

Вес неизвестен. Диамет. 25 мм. Обрезан. Происх. Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание Н. Чернева (1891 г.) Издан: Чернев, III, 1891, стр. 9, а, табл. 7, 16; Сотникова, Киевский клад, 6, 14.

Табл. I.

6. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что 3—5.

Вес 2,38 г (54 доли). Диамет. неизвестен. Монета «с отломанным куском». Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание И. И. Толстого (приобретен при содействии С. В. Бодилевского). Не издан. Упомянут: Толстой, 1882, стр. 229; Сотникова, Киевский клад, 6, 16.

7. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что 3—6.

Вес 3,65 г (82 доли). Диамет. неизвестен. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание И. И. Толстого (приобретен при посредстве С. В. Бодилевского), Эрмитаж (с 1917 г.), в 1928 г. передан Польской паритетной комиссии, в музеях Польши не числится. Не издан. Упомянут: Толстой, 1882, стр. 229; Сотникова, Киевский клад, 6, 4.

8. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что 3—7.

Вес и диамет. неизвестны. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Коллекция Одесского общества истории и древностей (1909 г.; дар С. В. Бодилевского, 1882 г.). В Одесском Археологическом музее не числится. Не издан. Упомянут: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14.XI.1881 г. по 14.XI.1882 г. Одесса, 1882, стр. 16; В. Юргевич. Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1887, стр. 52 (в изданиях: 1890 — стр. 54, 1909 — стр. 107); Чернев, III, 1891, стр. 9; Сотникова, Киевский клад, 6, 9.

9. Схема изображений подобна предыдущим. На широком и «щекастом» лице князя глаза не изображены. Трезубец очень мал. Борода Христа прорисована несколькими вертикальными линиями, каждая из которых заканчивается точкой. Легенда л. с. бессмысленна, а в легенде о. с. отсутствует средняя часть. Линейный и точечный ободки на обеих сторонах.

Вес 2,77 г (63 доли). Диамет. 26 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание С. В. Бодилевского (1891 г.). Издан: Чернев, III, 1891, стр. 10, 11, i, табл. 6,8; Сотникова, Киевский клад, 10, 1.

Табл. I.

10. Экземпляр, на отгиске которого видно только ВЛАДНМ и ІСУЪ. Происх. неизвестно. Хранение: собрание Сергея Александровича (вел. кн.? — М. С.). Не издан. Упомянут: Почтовая открытка И. И. Толстого А. А. Кунику от 2 янв. 1885 г. ЛО Архива АН СССР, ф. 95, оп. 2, д. 852, л. 26 (на немецком языке); Сотникова, Киевский клад, 12, 1.

11. Л. с. Князь изображен с узкой головой и широкой, короткой фигурой. Пальцы рук переданы мелкими параллельными штрихами. Легенда читается слева направо. Буквы Д и Р положены на бок, Т — перевернуто, а вместо конечного ъ употреблено Е. О. с. Волосы Христа переданы тремя параллельными линиями, окаймляющими голову, борода — шестью рельефными точками. Руки — как складки плаща. По обе стороны от фигуры монограмма Христа под титлом.
Линейный и бусовый ободки на обеих сторонах монеты.
Вес 2,2 г (50 долей). Дdiam. 25 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрания С. В. Бодилевского (1891 г.), Н. Леопардова (1893 г.). Издан: Чернев, III, 1891, стр. 11, j, табл. 6, 9; Толстой, 1893, стр. 353, 7, табл. XII, 13, 14; Сотникова, Киевский клад, 13, 1.
Табл. I.
12. Л. с. Голова и фигура князя крупные, очень четкого, но грубого рисунка, ноги не изображены. Легенда читается слева направо. Буква Р в ней перевернута, а Е, употребленное вместо ъ, не имеет перекладины.
О. с. Изображение Христа столь же резкого рисунка, как на л. с. На щеках — по точке, которыми передан, видимо, румянец. Рук не видно, Евангелие выступает из волнообразных складок плаща. Монограмма по сторонам фигуры.
Вес 3,04 г (69 долей). Дdiam. 26 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание М. Д. Свиридова (1880 г.). Издан: Толстой, 1882, стр. 227, 228, табл. 14, 9; Сотникова, Киевский клад, 14, 1.
Табл. I.
13. Л. и о. с. как предыдущие по схеме изображений. По исполнению чрезвычайно близки к экземплярам 3—8, несмотря на разницу в содержании легенд, читающихся в данном случае справа налево на л. с. и слева направо на о. с.
Вес неизвестен. Дdiam. 25, 26 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание С. В. Бодилевского, который, однако, к 1891 г. располагал только копией экземпляра. Издан: Чернев, III, 1891, стр. 12, (p), табл. 7, 13 (с копии); Сотникова, Киевский клад, 16, 3.
Табл. I.
14. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что 13.
Вес 3 г (75 долей). Дdiam. 27—29 мм. По определению Толстого, сребреник прекрасной сохранности. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание М. Д. Свиридова (1882 г.). Издан: Толстой, 1882, стр. 229, табл. 15, 4; Сотникова, Киевский клад, 16, 2.
Табл. I.
15. Л. с. Крест на княжеской шапке приплюснут. Очень отчетлива кисть руки, лежащей на груди. Легенда читается справа налево, верх букв обращен к центру монетного кружка.
О. с. Голова Христа крупна, Евангелие — длинное и узкое — на середине груди. Монограмма читается слева направо.
Линейный и точечный ободки на обеих сторонах.
Вес 2,84 г (64, 1/2 доли). Дdiam. 25 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание С. В. Бодилевского (1891 г.). Издан: Чернев, III, 1891, стр. 12, (o), табл. 6, 12; Сотникова, Киевский клад, 18, 1.
Табл. I.
16. Изображения на л. и о. с. очень близки 13—15 по исполнению. Исключительно четкая и правильная легенда л. с. читается справа налево, вершины букв обращены к центру монеты, монограмма читается слева направо.
Вес 3,3 г (75 долей). Дdiam. 27 мм. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание М. Д. Свиридова (1882 г.). Издан: Толстой, 1882, стр. 227, № 1, табл. 14, 8; Сотникова, Киевский клад, 19, 2.
Табл. II.

17. Монета, отчеканенная штемпелями, близкими к 13—16. Легенды обеих сторон очень ясны, расположены, как на монетах 13—16 и выполнены тем же почерком. Вес 3,48 г (79 долей). Диамет. 27 мм. Обломан. Происх.: Киевский клад 1876 г. Хранение: Собрание М. Д. Свиридова. Подарок последнего киевскому «городовому архитектору» В. Н. Николаеву (1876). Пожертвовав этот экземпляр музею КДА (1878 г.), Николаев сообщил С. В. Бодилевскому, что монета, якобы, была приобретена им у рабочих, нашедших ее в 1877 г. в старокиевской части Киева при окопке фундамента в одной из частных усадеб. В 1925 г. А. А. Ильин опознал монету в экземпляре, купленном в Киеве (на рынке) К. П. Березиним. Издана: Толстой, 1882, стр. 12, № 6, табл. 12, 1; Петров, 1915, стр. 18, 19, табл. X, 2, 3; Сотникова, Киевский клад, 20, 1. Упомянута: Чернев, 1888, стр. 67, 68; Архив ЛОИА АН СССР. Протокол № 243 Комиссии по нумизматике и глиптике от 23.V.1925, л. 60.

Табл. II (по кн.: Петров, 1915).

Еще не менее восьми сребреников, происходящих из Киевского клада 1876 г., принадлежали в 1880-х гг. Николаеву, Гессе, Верле, г-же Марр, Должикову, Энеру. Внешний вид, вес и размер этих экземпляров не известны. Упомянуты: Чернев, III, 1891, стр. 13.

18. Схема изображений подобна предыдущим. Легенды фрагментарны. Двойные точечные ободки на обеих сторонах.

Вес неизвестен. Диамет. 28 мм. Происх.: выкопан в 1882 г. на территории усадьбы Дуин-Борковской в с. Великий Листвен Черниговской губ. Не издан³¹. Упомянут: письмо гр. Милорадовича Н. И. Петрову. ЦГИА УССР, ф. 1396 (Церковно-археологическое общ-во при КДА, оп. 1, 1893, д. 53, л. 17, 17 об., 18 с рис.)

Табл. II.

19. Обломок сребреника. Происх.: найден вместе с обрезанными в кружок дирхемами X в. в одном из курганов XI—XII вв. вблизи с. Липино Курской области в 1948 г. во время раскопок, производившихся археологической экспедицией ИИМК АН СССР под руководством П. И. Засурцева. Передан в Курский музей, но в настоящее время там не числится. Не издан. Упомянут: П. И. Засурцев. Отчет о раскопках Липенских курганов Курской области в 1948 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, № 291; Янин, 1956, стр. 168. Мещ., стр. 213.

Табл. II (по экспедиционному снимку).

- 20—23. Четыре сребреника, которые А. В. Орешников видел в 1929 г. у московского коллекционера Наппа. Вес, размер и происхождение не установлены. Не изданы. Упомянуты: А. В. Орешников. Письмо А. А. Ильину от 13 июня 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина.

Сребреники Владимира, тип II

24. Л. с. Изображен князь на престоле, в шапке с подвесками по сторонам лица, вокруг его головы нимб. В правой руке князя — скипетр, увенчанный равноконечным крестом с бусинами на концах, левая рука — на груди. Ноги князя и подушка престола едва намечены. Часть легенды, читаемой слева направо, не оттиснулась.

Двойной точечный ободок.

О. с. Родовой княжеский знак Владимира Святославича в виде трезубца. Легенда начинается правее основания знака.

Следы двойного точечного ободка.

Вес 2,97 г. Диамет. 27,5 мм. Происх. неизвестно. Возможно, Нежинский клад 1852 г. Издана: Саһн, S. 61, Nr. 876, Taf. 25; Сотникова, Нежинский клад, 18, 3.

Табл. II.

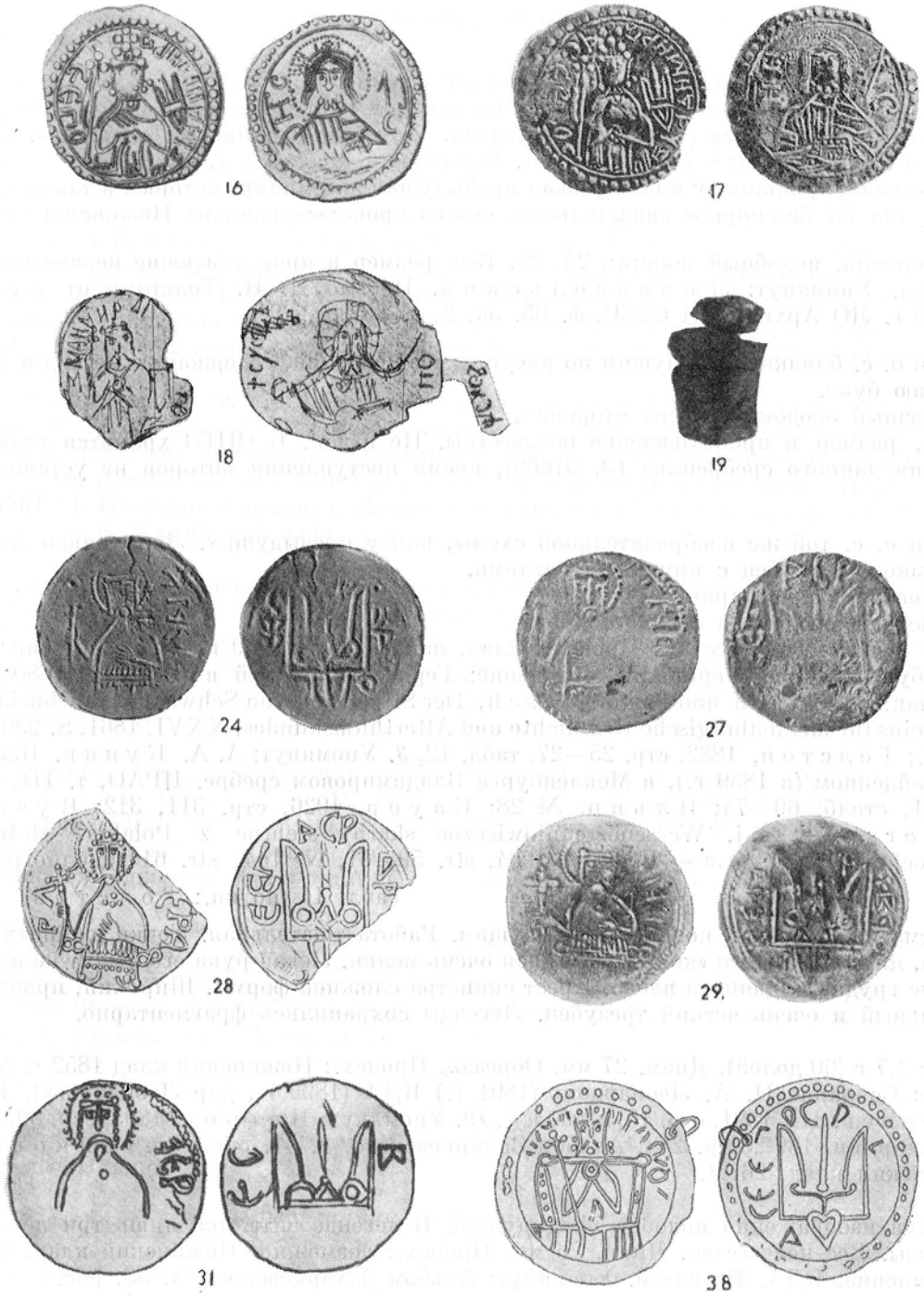

Табл. II. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв.

25. Монета, отчеканенная, возможно, теми же штемпелями. Вес и размер неизвестны. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание купца П. Должикова (1861 г.). Не издана. Упомянута: Записка Должикова. «З е р н и н», стр. 43, 44; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 18, 4. Возможно, Должинову принадлежал предыдущий экземпляр, который в таком случае получил бы бесспорное свидетельство своего происхождения из Нежинского клада.
26. Сребреник, подобный монетам 24, 25. Вес, размер и происхождение неизвестны. Не издан. Упомянут: Л ю пер с о л ь с к и й. Письмо И. И. Толстому от 4 апреля 1885 г. ЛО Архива АН СССР, ф. 95, оп. 2, д. 852, л. 29.
27. Л. и о. с. близки предыдущим по рисунку изображений, содержанию легенд и начертанию букв.
Точечный ободок на обеих сторонах.
Вес, размер и происхождение неизвестны. Не издан. В ОНГЭ хранится гальванокония данного сребреника (Э. 37669), время поступления которой не установлено.
Табл. II.
28. Л. и о. с. той же изобразительной схемы, как у предыдущих. Лицо князя длинное и узкое. Трезубец с крупными петлями.
Легенды фрагментарны.
Точечный ободок на обеих сторонах.
Вес и размер неизвестны. Происх.: клад, найденный в 1859 г. близ г. Шваан (Мекленбург-Шверин, Германия). Хранение: Герцогский музей в Шверине (1880-е гг.). Издан: Dr. L i s c h und Pastor M a s c h, Der Silberfund von Schwaan, «Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde», XXVI, 1861, S. 230, 231, Taf.; Т о л с т о й, 1882, стр. 25—27, табл. 12, 3. Упомянут: А. А. К у н и к. Известие о найденном (в 1859 г.), в Мекленбурге Владимировом серебре. ИРАО, т. III, СПб., 1861, столб. 69—74; И л ь и н, № 28; Б а у е р, 1926, стр. 311, 312; R u s z a r d K i e r s n o w s k i, Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Połabia. Materiały, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, str. 59—61, Nr 164, str. 61 (библиография).
Табл. II (по кн.: Т о л с т о й, 1882).
29. Схема изображений подобна предыдущим. Работа тщательная. Точки двойных ободков, нимба, шапки и «кольчуги» князя очень мелки. Левая рука его лежит не на середине груди, а сдвинута влево. Крест скипетра сложной формы. Широкий, пропорциональный и очень четкий трезубец. Легенды сохранились фрагментарно.
Вес 2,7 г (60 долей). Диамет. 27 мм. Обрезан. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание Н. А. Леопардова (1891 г.) КДА (1893 г., дар Леопардова). Издан: Ч е р н е в, III, 1891, стр. 13, в, табл. 7, 19. Упомянут: П е т р о в, 1895, стр. 69, 5—12; П е т р о в, 1897, стр. 288; Альбом Захариевского, л. 51, рис.; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 26, 1.
Табл. II.
30. Схема изображений подобна предыдущим. В легенде читаются лишь три последние буквы. Вес неизвестен. Диамет. 26 мм. Происх.: возможно, Нежинский клад, 1852 г. Хранение: КДА. Не издан. Упомянут: Альбом Захариевского, л. 53, рис.
Табл. II.
31. Изображения подобны предыдущим. Рисунок крайне лаконичен и плохо сохранился: можно различить лишь очертание плеч; княжеская шапка обозначена одним рядом бусин.
Легенды крайне фрагментарны.
Фрагмент двойного точечного ободка лишь на л. с.

Вес 3,75 г (1 драхма). Диам. 26 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Эрмитаж (1853; поступление в числе 28 сребреников, присланных в сопровождении описания их, сделанного Зерниным). Издан: С о т н и к о в а, Нежинский клад, 35, 1. Упомянут: З е р н и н, стр. 7, 16. Табл. II.

32. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что сребреник из Нежинского клада, изданный Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 20, № 31, табл. 1—2, 4) и принадлежащий в настоящее время Эрмитажу (Э, 23). Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: подарена в 1882 г. гр. Сологубом Эстонскому Ученому обществу. Не издана. Упомянута: Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft, Dorpat, 1882, S. 240—244 (сообщение о докладе Думберга); С о т н и к о в а, Нежинский клад, 4, 2.
33. Экземпляр тех же штемпелей, что сребреник, изданный Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 20, № 31, табл. 8, 2) и принадлежащий в настоящее время ГИМу УССР в Киеве (КИМ, 730). Вес и размер неизвестны. Обломок с изображением головы и частью легенды. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание купца П. Должикова (1861 г.). Не издан. Упомянут: Записка Должикова. «З е р н и н», стр. 43, 44; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 5, 3.
34. Сребреник, отчеканенный вариантом штемпелей монеты, изданной Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 15, № 11, табл. 1—2, 1; Т о л с т о й, 1893, стр. 355, 356, табл. XII, 21, 22) и принадлежащей в настоящее время Эрмитажу (Э, 18). Вес, размер и происхождение неизвестны. Сохранность хорошая. Продавался в 1929 г. на монетном аукционе в Германии. Не издан. Упомянут: Вг. Мzv., № 5704; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 14.
35. Сребреник, отчеканенный теми же штемпелями, что и монеты, изданные Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 15, 16, № 13, 14, табл. 8, 6, 7) и принадлежащие в настоящее время ГИМу УССР (КИМ, 726, 727). Вес и размеры неизвестны. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Продавался в 1861 г. П. Должиковым. Не издан. Упомянут: Записка Должикова. «З е р н и н», стр. 42, 43; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 16, 3.
36. Сребреник, судя по описанию, того же типа, что и предыдущий. Вес и размер неизвестны. Происх.: Найден в Киеве «в валах крепости» около 1850 г.. Хранение: коллекция Шодуара (ок. 1850 г.). Не издан. Упомянут: В о л о ш и н с к и й, стр. VI—VII; К у н и к, стр. 49, 60; И л ь и н, № 6.
37. Сребреник, который видел А. В. Орешников. Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: Собрание Наппа (Москва, 1929). Не издан. Упомянут: А. В. О р е ш н и к о в. Письмо А. А. Ильину от 13 июня 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина.

Сребреники Владимира, тип III

38. Л. с. Князь в плаще, с круглой фибулой у ворота и со скипетром, изображен сидящим на престоле с высокой спинкой. По сторонам — нечитаемая легенда. Линейный и точечный ободки.
О. с. Трезубец — княжеский знак Владимира Святославича. Круговая легенда начинается левее основания трезубца и читается слева направо.
Линейный и точечный ободки.
Вес (с ушком) 3,23 г (73, 92 доли). Диам. 28 мм. Пробит. Бронзовое ушко. Происх.: найден при раскопках могильника у с. Липлява Полтавской губ. (на левом берегу

39

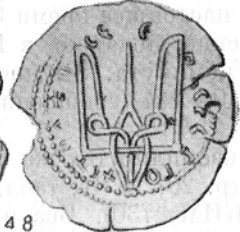
40

43

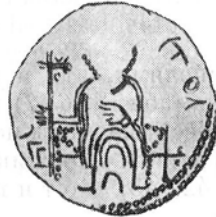
48

51

52

53

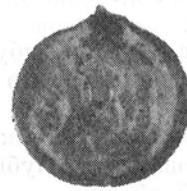
57

58

61

62

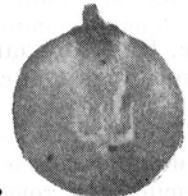

Табл. III. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв.

Днепра, против Канева), производившихся Полтавским земским естественно-историческим музеем в 1913—1914 гг. Хранение: Полтавский государственный краеведческий музей (до 1943 г., когда монета погибла во время пожара музея, учиненного фашистскими оккупантами). В 1931 г. А. В. Орешников показывал А. А. Ильину фотографию этого сребреника, который был, по мнению Ильина, великолепным экземпляром. Издан: В. Щ е р б а к і в с ь к и й. Липлявський могильник. Niederluf sbornik, Прага, 1925, стр. 339—348, рис. на стр. 344. Упомянут: А. А. И л ь и н. Тетрадь с записями 1930—1931 гг. Архив ОНГЭ, Бумаги Ильина; Б. А. Р ы б а к о в. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 231; Я н и н, 1956, стр. 168; М е ц, стр. 213.

Табл. II (по кн.: Щ е р б а к і в с ь к и й. Липлявський могильник).

39. По изображениям на л. и о. с. подобна предыдущей монете, но подробности рисунка яснее. Хорошо видны поддерживающие скипетр руки в сборчатых рукавах, изображены и ноги князя. Все детали трезубца крупнее, стержень его снизу утолщен.

Легенды читаются слева направо.

Линейный и точечный ободки на обеих сторонах.

Вес 3,26 г (74 доли). Диамет. 30 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Коллекция Университета Владимира (1853). В Историческом музее (Киев), куда коллекция Университета поступила в 1904 г., не числится. Издан: В о л о ш и н с к и й, № 8; Т о л с т о й, 1882, стр. 36, 37, № 66, табл. 8, 11; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 48, 1.

Табл. III (по кн.: Т о л с т о й, 1882).

40. Схема изображений л. и о. с., как у предыдущих монет. Нижняя половина княжеского одеяния покрыта рядами бусин, как на «кольчуге» князя на монетах II типа, но расположенных наклонно, параллельно скипетру. Княжеский знак с обыкновенным прямым стержнем.

Легенды фрагментарны.

Двойные точечные ободки на обеих сторонах.

Вес 3,13 г (71 доля). Диамет. 28 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. (предположительно). Хранение: Собрание В. М. Иверсена (1906 г.). Издан: И в е р с е н, стр. 10, 11, табл. I, 4; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 53, 5.

Табл. III.

41. Сребреник, отчеканенный теми же штемпелями, что 40-й.

Вес и размер неизвестны. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание купца Должикова (1861 г.). Упомянут: Записка Должикова, «З е р н и н», стр. 43, 44; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 53, 10. Однако, возможно, должиковским экземпляром является предыдущий сребреник.

42. Сребреник, отчеканенный вариантом штемпелей монеты, изданной Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 32, № 46, табл. 1—2, 15) и принадлежащей в настоящее время Эрмитажу (Э, 60).

Вес, размер и происхождение неизвестны. Продавался в 1929 г. в Германии. Сохранность хорошая. Не издан. Упомянут: Вг. Mzv., Nr. 5705; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 50, 1.

43. Л. и о. с. такие же, как у монет 40—42. Легенда читается слева направо.

Вес 2,5 г (61 доля). Диамет. 27 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: собрания С. В. Бодилевского (1882 г.), Н. А. Леопардова (1891 г.), КДА (1893 г., дар Леопардова). Издан: Т о л с т о й, 1882, стр. 33, № 52, табл. 7, 9; Ч е р н е в, III, 1891, стр. 13, а, табл. 7, 18; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 62, 1. Упомянут: П е т р о в, 1895, стр. 69, 5—12; П е т р о в, 1897, стр. 288; Альбом Захариевского, л. 51.

Табл. III (по кн.: Ч е р н е в, III, 1891).

44. Сребреник, отчеканенный той же парой штемпелей, что монета, изданная Волошинским и Толстым (В о л о ш и н с к и й, № 5; Т о л с т о й, 1882, стр. 33, № 51, табл. 8, 9) и принадлежащая в настоящее время ГИМу УССР (КИМ, 737). Вес, размер и происхождение неизвестны. Не издан. Упомянут: Л ю п е р с о л ь с к и й. Письмо И. И. Толстому от 4 апреля 1885 г. ЛО Архива АН СССР, фонд 95 (А. Куника), оп. 2, д. 852, л. 29.
45. Монета, отчеканенная теми же штемпелями, что изданная Волошинским и Толстым (В о л о ш и н с к и й, № 10, Т о л с т о й, 1882, стр. 36, № 63, табл. 9, 1) и принадлежащая в настоящее время ГИМу УССР (КИМ, 741). Вес и размер неизвестны. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание купца Должикова (1861 г.). Не издана. Упомянута: Записка Должикова. «З е р н и н», стр. 43, 44; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 7, 2.
46. Л. с. «князь на престоле, с шапкою на голове, с руками, сложенными на груди, с жезлом или скипетром справа. Ясно читается «Влади», остальное изгладилось. О. с. — «...украшение, похожее на монограмму, с надписью а сее ... ро». Вес и размер неизвестны. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: приобретен А. Д. Толстым в Нежине для С. Г. Строганова. Не издан. Упомянут: Д. А. Т о л с т о й. Письмо С. Г. Строганову от 23 августа 1852 г., «Зернин», стр. 39; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 77, 1.
47. Монета, которую видел А. В. Орешников (Москва, 1929 г.). Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: собрание Наппа. Не издана. Упомянута: А. В. О р е ш н и к о в. Письмо А. А. Ильину от 13 июня 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина.

Сребреники Владимира, тип IV

48. Л. с. Князь на престоле. На голове шапка с подвесками и крестом, вокруг головы нимб. В правой руке скипетр с крестом наверху, левая рука — на груди. Престол без скипетра. Круговая легенда, начинающаяся у скипетра и сохранившаяся фрагментарно, читается слева направо.
Двойной точечный ободок.
О. с. Трезубец — княжеский знак Владимира, левее основания которого начинается круговая легенда.
Двойной точечный ободок.
Вес 2,8 г (64 доли). Дdiam. 30, 31 мм. Двойной удар. Обломан. Происх.: Найден в 1823 г. в «100 верстах от Ростова-на-Дону» (вероятно, на Цимлянском городище. — М. С.). Хранение: прислан в 1823 г. академику Кёлеру в Петербург; собрание К. С. Еремеева (1824 г., покупка у Кёлера с помощью собирателя Попова); собрание А. Ф. Бычкова (1874 г., покупка у Еремеева); собрание А. А. Куника (1878 г., покупка у Бычкова). Издан: К у н и к, стр. 49, 116 (прим. 101), 139 (прим. 153), табл. С, № 6; Т о л с т о й, 1882, стр. 41, 42, № 70, табл. 7, 6. Упомянут: Г. Л и с е н к о. Изображение некоторых монет: византийских, российских, римско-немецких, саксонской, польской и английской. С присовокуплением некоторым полным описанием, 1840 г. РОГПБ, ф. 250 (архив С. Ю. Дестуниса), № 213, л. 113 с рис.; К. С. Е р е м е е в. Записки о русской нумизматике. «Северная Пчела, № 146», 4 июля 1841 г., стр. 584, или «Записки СПб. Археолого-нумизматического общества», т. I, СПб., 1849, стр. 428.

49. Л. и о. с., судя по описанию Д. А. Толстого, как у монеты 48. Надписи сохранились фрагментарно: ВЛ ... МИ (л. с.) и СЕ (о. с.). Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: собрание С. Г. Строганова (прислан Д. А. Толстым в августе 1852 г. из Нежина вместе с экземпляром 46). Упомянут: А. Д. Т о л с т о й. Письмо С. Г. Строганову от 23 авг. 1852 г. «Зернин», л. 39; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 91, 1.
50. Монета, подобная предыдущим. Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: Пожертвован С. А. Еремеевым Публичной библиотеке. Не издан. Упомянут: И. С а х а р о в. Летопись русской нумизматики. Отделение первое. СПб., 1842, стр. 31.

Сребреники Святополка

51. Л. с. Изображение князя, сидящего на престоле, подобно изображению на монетах Владимира IV типа. Руки (особенно — правая) непропорционально велики. На плечах складки плаща расходятся от фибулы лучами, а на коленях закругляются концентрически. Легенда читается слева направо. Точечный ободок.
О. с. Родовой княжеский знак Святополка — двузубец, левая лопасть которого имеет форму креста. Между лопастями — значок в виде равноконечного креста с кружками на концах.
Надпись (продолжение легенды л. с.) начинается левее основания двузубца. Точечный ободок.
Вес 3,3 г (71 доля). Диам. 26 мм. Обломан. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: собрания Н. А. Леопардова (1891 г.), КДА (1893 г., дар Леопардова). Издан: Ч е р н е в, III, 1891, стр. 13, д, табл. 7, 21; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 104, 1. Упомянут: П е т р о в, 1895, стр. 69, 31; П е т р о в, 1897, стр. 288; Альбом Захариевского, л. 51. Табл. III.
52. Л. и о. с. подобны предыдущим по схеме изображений. У князя широкий подбородок.
Легенда фрагментарна.
Двойные ободки из бусин на обеих сторонах.
Вес неизвестен. Диам. 27 мм. Обрезан. Происх.: Нежинский клад 1852 г. (предположительно). Хранение неизвестно. Издан: С а х а р о в, 1930, S. 61, № 877, Taf. 25; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 101, 2. Табл. III.
53. Л. и о. с. по схеме — как у предыдущих монет. Работа небрежная. Легенда фрагментарна (на рисунке передана, по-видимому, не точно).
Вес 2,68 г (43 доли). Диам. 27 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Эрмитаж (1853 г., поступление в числе 28 экземпляров, присланных в сопровождении описания Зернина); коллекция вел. кн. Алексея Александровича (после 1882 г. Издан: С о т н и к о в а, Нежинский клад, 111, 1. Упомянут: З е р н и н, стр. 7, 15 (рис.), стр. 10. (К рисунку — примечание А. А. Куника о принадлежности сребреника коллекции вел. князя). Табл. III (по Зернину)
54. Монета, отчеканенная, возможно, теми же штемпелями, что изданные Волошинским и Толстым (В о л о ш и н с к и й № 21, 23; Т о л с т о й, 1882, стр. 48, № 87, табл. 9, 3, 4) и принадлежащие в настоящее время ГИМу УССР (КИМ, 745, 746). Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: Собрание купца П. Должикова (1861 г.). Не издана. Упомянута: Записка Должикова, «Зернин», стр. 43, 44; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 95, 3.
55. Монета, отчеканенная вариантом штемпелей сребреника, изданного Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 48, № 88, табл. 3—4, 12) и принадлежащего в настоящее время

Эрмитажу (Э, 411), Вес, размер и происхождение неизвестны. Продавалась в 1929 г. в Германии. Не издана. Упомянута: Вг. Мзв., № 5706; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 107, 1.

Сребреники с надписью „Петрос“

56. Монета, подобная изданной И. И. Толстым (Т о л с т о й, 1882, стр. 55, 56, № 102, табл. 3—4, 17), и известная А. В. Орешникову. Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: собрание Наппа (Москва, 1929 г.). Не издан. Упомянут: А. В. О р е ш н и к о в. Письмо А. А. Ильину от 13 июня 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина.

Сребреники с надписью „Лэтар“

57. Л. с. Князь на троне, в нимбе, со скипетром в правой руке. Шапка очень низка. На плечах и груди складки плаща ложатся зигзагами, на коленях — закругляются. По сторонам легенда, в которой бесспорно читается только имя ПЭТАР правее фигуры князя, сверху вниз.

О. с. Княжеский знак Святополка в виде двузубца с крестом на левой лопасти. Концы креста округлены. Между лопастями — дополнительный значок в виде полумесяца рогами вверх. По сторонам легенда, расположенная, по-видимому, вертикально, как на л. с., и трактуемая исследователями по-разному. Тройные точечные ободки на обеих сторонах.

Вес 4,00 г (91 доля). Диамет. 30 мм. Происх.: Нежинский клад 1852 г. Хранение: коллекция Университета Владимира (1853 г.), собрание Л. Х. Иозефа (Петроград, покупка, по свидетельству А. А. Ильина, у торговца монетами Эльтермана в 1917—1918 гг.). Издан: В о л о ш и н с к и й, № 29; Т о л с т о й, 1882, стр. 57, 58, № 103, табл. 9, 12; I. I. T o l s t o j, Der Münzfund von Neschin, ZfN, Bd. X, S. 54; Ч е р н е в, IV, 1891, стр. 22, табл. 11, 6; Т о л с т о й, 1893, стр. 332, рис. 24; О р е ш н и к о в, 1936, стр. 53, 54, № 2, табл. II, 4; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 120, 1. Упомянут: Ч е р н е в, 1888, стр. 44—46; А. А. И л ь и н. Отзыв о работе А. В. Орешникова 1936 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина.

Табл. III (по кн.: Т о л с т о й, 1882)

58. Л. и о. с. подобны предыдущим.

Вес 3,74 г (85 долей). Диамет. 27 мм. Обрезан. Происх.: Нежинский клад 1852 г. (предположительно). Хранение: приобретен «одним антиквариетом случайно у неизвестного офицера»; собрание «г. Прохорова»; коллекция В. М. Иверсена (1906 г.). В сентябре 1964 г. монету приносили в ГИМ для оценки. Издан: И в е р с е н, стр. 11, 12, табл. 1, 5; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 124, 2.

Табл. III.

59. Сребреник, отчеканенный вариантом штемпелей предыдущей монеты. Вес, размер и происхождение неизвестны. Продавался в 1929 г. в Германии. Не издан. Упомянут: Вг. Мзв., Nr. 5705; С о т н и к о в а, Нежинский клад, 125, 1.

60. Сребреник, по сообщению А. В. Орешникова, подобный 57 и 58. Вес, размер и происхождение неизвестны. Хранение: собрание А. А. Сиверса. Продан в августе 1929 г. через антиквариат СФА за границу. Не издан. Упомянут: А. В. О р е ш н и к о в. Письма А. А. Ильину от 27 мая, 13 июня, 5 июля, 27 августа 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина; А. А. И л ь и н. Письма А. В. Орешникову от 7 и 25 августа 1929 г. Архив ГИМа.

Весьма вероятно, что этим сребреником является экземпляр 59. Тогда и три остальные монеты, фигурирующие в «Braunschweiger Münzverkehr» вместе с 59 (34, 42, 55), оказываются принадлежавшими ранее собранию А. А. Сиверса, чем, в таком случае, устанавливаются их типы (три из четырех сребреников Сиверса не включены в данный перечень именно вследствие отсутствия указаний на тип каждого).

„Ярославле серебро“

61. Л. с. Погрудное изображение Св. Георгия в плаще, с копьем в правой руке и щитом — в левой. По сторонам, отвесно — греческая надпись: Св. Георгий. Вокруг два точечных ободка. Между ними розетки из точек, расположенные крестообразно.

О. с. Княжеский знак в виде трезубца с кружком на вершине среднего стержня и шестью точками, помещенными на лопастях знака и в центре кружка. Круговая легенда начинается над стержнем, читается слева направо.

По краю — два точечных ободка, между которыми крестообразно расставлены буквы АМН (N).

Вес 3,24 г (74 доли). Диам. 26 мм. Происх.: «С незапамятных времен монета висела на иконе» (Сообщение Фелькнера, 1797 г.). Хранение: собрание А. И. Мусина-Пушкина (приобретена в Киеве до 1787 г. Предположение Шодуара о гибели монеты во время пожара Москвы в 1812 г. ошибочно, так как из письма К. Ф. Калайдовича А. И. Мусину-Пушкину от 13 декабря 1813 г. ясно, что монета уцелела). Собрание А. А. Мусина-Пушкина (1882 г.; около 1865 г. видел монету А. А. Куник, о чем он сообщил в отзыве на статью Г. Гроде 1862 г. о древнейших русских монетах). Издан: А. И. О л е н и н. Письмо графу А. И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г. «Во граде св. Петра», 1806, стр. 32, рис. (А. Ермолаева) на стр. 28; Т о л с т о й, 1882, стр. 60, 61, № 108, табл. 13, 2, стр. 63, 64. Упомянут: Auszug aus des Russisch-Kaiserlichen Kollegienraths Ch. F. Völkners in St. Petersburg bis jetzt noch ungedruckter Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen, «Allgemeiner Litterarischer Anzeiger», Leipzig, 1797, Nr. 74, S. 764, Anm. **, II; S. d e C h a u d o i r, Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie..., vol. II, Saint-Pétersbourg — Paris, 1837, p. 2, 5; Recueil de planches, Saint-Pétersbourg — Paris, 1836, 2me partie, 1, 3; П. А. Б е с с о н о в. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича, и особенно для изображения ученой его деятельности. ЧОИДР, М., 1862, кн. III, стр. 98; [Н. Г р о т е], Zum zweiten Bande der Münzstudien. Die ältesten russischen Münzen. Von Kunik in Petersburg, в кн.: Münzstudien, herausgegeben von H. Grote, Bd. 4, Leipzig, 1865, S. 310, 311; Т о л с т о й, 1882 (библиография); И л ь и н, № 5.

Табл. III (по кн.: Т о л с т о й, 1882).

62. Л. и о. с. подобны 61, но подробности неразличимы из-за плохого качества карандашной протирки экземпляра, который, к тому же, является скорее литой копией с монеты.

Вес 5,39 г (1 золотник 47 долей), с ушком — 5,83 г (1 золотник 57 долей). Приклепано ушко. Происх.: найден на шее костяка при раскопках Л. К. Ивановским курганов у с. Калитино Царкосельского уезда Санкт-Петербургской губ. в 1874—1875 гг.³⁴ Не издан. Упомянут: И. И. Т о л с т о й. Письмо А. А. Кунику от 15 марта 1885 г. ЛО Архива АН СССР, ф. 95, оп. 2, д. 852, л. 27, 28, рис.

Табл. III (по письму Т о л с т о г о, 1882)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И л ь и н, № 8, 22.

² С о т н и к о в а, Киевский клад, стр. 116, 117; С о т н и к о в а, Нежинский клад.

³ Т о л с т о й, 1882.

⁴ Там же, стр. II, III.

⁵ Т о л с т о й, 1893, стр. 356.

⁶ И л ь и н, № 9, 20, 23, 36; М е ц.

⁷ В ГИМ'е — 51 экз., в ГИМ'е УССР — 36 экз.

⁸ Т о л с т о й, 1882; Т о л с т о й, 1893.

⁹ Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII. СПб., 1898, стр. 71—75.

- ¹⁰ Сотникова, Киевский клад, 5, 3, 6, 7, 7, 1, 11, 2, 22, 1.
- ¹¹ Сотникова, Нежинский клад, 23, 2, 15, 1, 45, 1.
- ¹² Там же, 18, 1, 29, 3, 47, 1.
- ¹³ Там же, 24, 1, 55, 1, 61, 1.
- ¹⁴ Сотникова, Киевский клад, 6, 10, 6, 11, 6, 12, 11, 3, 24, 2.
- ¹⁵ Там же, 23, 1.
- ¹⁶ Сотникова, Нежинский клад.
- ¹⁷ Сотникова, Киевский клад, стр. 117.
- ¹⁸ Н. Барсуков, ук. соч., стр. 72—75; Чернев, IV, 1891, стр. 13.
- ¹⁹ Д. А. Толстой. Письмо С. Г. Строганову от 23 авг. 1852 г. «Зернин», стр. 38, 39.
- ²⁰ Освящение и открытие Киевского Художественно-промышленного и научного музея императора Николая Александровича. Киев, 1905, стр. 29; Волошинский.
- ²¹ Н. А. Ильин. Отзыв о книге А. В. Орешникова 1936 г. Архив ОНГЭ, Бумаги Ильина; Монеты из коллекции Йозефа покупались в 1920-х гг. Эрмитажем и несколькими ленинградскими собирателями (см. И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л. — М., 1964, стр. 77—80), но сребреников среди этих приобретений не было.
- ²² Чернев, 1888, стр. 67, 68; Петров, 1895, стр. 69, № 5—12; Петров, 1897, стр. 288; Петров, 1915, стр. 18, 19; Альбом Захариевского, л. 51.
- ²³ Сотникова, Нежинский клад, 82, 1.
- ²⁴ Сотникова, Киевский клад, 23, 1.
- ²⁵ А. В. Орешников. Письма А. А. Ильину от 27 мая, 13 июня, 5 июля, 27 августа 1929 г. Архив ОНГЭ. Бумаги Ильина; А. А. Ильин. Письма А. В. Орешникову от 7 и 25 августа 1929 г. Архив ГИМ'а.
- ²⁶ Толстой, 1882, стр. 187—194.
- ²⁷ Чернев, 1888; Н. И. Петров. Монеты великого князя Изяслава Ярославича. Тр. IX АС, т. 1, М., 1895, стр. 109—115; Орешников, 1936; В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, вып. 57, М., 1955; Янин, 1956, стр. 166.
- ²⁸ Бауер, 1926.
- ²⁹ См. примеч. 27.
- ³⁰ А. А. Медынцева. Сребреник из Заречья на Стугне. СА, 1965, № 1, стр. 289—290; А. А. Медынцева. Сребреники из Новгорода Малого. СА, 1969, № 4, стр. 259, 260.
- ³¹ Одиннадцатый экземпляр золотых монет Владимира; семь принадлежат Эрмитажу, по одному — ГИМ'у, ГИМ'у УССР и ОАМ.
- ³² Во время подготовки тома к изданию данный экземпляр был обнаружен в собрании Эрмитажа (Э, 6. Ранее числился как монета неизвестного происхождения).
- ³³ Толстой, 1882, стр. 7—10.
- ³⁴ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского, МАР. № 20, СПб., 1896, стр. 1, 2, 35, 72.

СЕСТРОРЕЦКИЕ РУБЛИ (1770—1778 гг.)

Одной из характерных особенностей денежного хозяйства России XVIII в. была постоянная резкая диспропорция металлов в обращении. На медную монету, едва она успела привиться в монетной системе после 1700 г., легла тяжкая нагрузка, которая временами становилась для нее просто непосильной. Наиболее ярким проявлением таких непомерных претензий к меди были попытки вводить в обращение сделанную из нее монету самых высоких номиналов — рублевую и полтинную. Однако каждый раз это происходило по-своему.

Первый опыт такого рода был приобретен еще в XVII в., во время денежной реформы царя Алексея Михайловича. Но медные полтины 1654 г. с их очень малым весом (ок. 20 г) представляли совсем особое явление. Перед инициаторами реформы вопрос о реальной ценности новой медной монеты вообще не стоял, и медь для них была не более, как случайным материалом для изготовления первых русских знаков денег.

Выпуск екатеринбургских квадратных «плат» 1725—1728 гг. имел резко противоположный характер. Количество ставшей за четверть века очень легкой (40 руб. из пуда) медной монеты в обращении достигало такого угрожающего уровня, что пример недавнего врага — Швеции, научившейся покрывать недостаток серебра полноценными медными монетами-плитами, представлялся Петру I соблазнительным.

Намерение выпускать медные рубли и полтины снова возникло в мае 1762 г., когда в спешном порядке производилась перечеканка всей прежней медной монеты 16-рублевого в пуде содержания в 32-рублевую. В это время впервые появляются небывалые, удвоенные в переделке номиналы — четырехкопеечники из грошей и гривны из пятаков.

«Всеподданнейший доклад» Сената, предлагавший Петру III пополнить набор новых медных номиналов полтиной и рублем, датирован 22 мая 1762 г.¹, а всего тремя днями позже последовал указ, в котором обращение медной монеты ставилось в прямую связь с исподволь назревавшим тогда вопросом о выпуске в России ассигнаций. «Не переставали мы помышлять о изобретении легчайшего и надежнейшего средства хождение медных монет облегчить и в самой комерции удобным и полезным сделать, учреждением Государственного Банка, в котором бы все и каждый, по мере своего капитала и произволения, за умеренные проценты, пользоваться могли; и хождение банковых билетов представлялось тотчас яко самое лучшее и многими примерами в Европе изведенное средство»².

За кратковременностью правления Петра III, дело не пошло дальше проекта выпуска медных рубля и полтины — весом в 500 и в 250 г — и изготовления рисунков для них; ассигнации появились в России только в 1769 г. Примечательно, что сразу вслед за тем в 1770 г. всплыл и вопрос о медных рублях, хоть в официальных документах связь между теми и другими вовсе не подчеркивается. На этот раз проектировался рубль весом в 2¹/₂ фунта (1 кг), так как, вступив на престол, Екатерина II тотчас же позаботилась о возвращении медной монеты в «первобытное состояние», т. е. о восстановлении 16-рублевой в пуде монетной стопы.

«Для начинающейся войны на расходы первой кампании учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту уверенность, какая есть к настоящим деньгам» — написала Екатерина II на представленном ей в конце 1768 г. проекте. Его окончательная редакция предусматривала выпуск до конца 1769 г. 2,5 или даже 3 миллиона рублей, при обеспечении его 2 миллионами рублей медной монеты. Однако обнародованный 28 декабря 1768 г. манифест объявлял о выпуске только 1 миллиона руб. ассигнациями, которые «имели бы хождение наравне с ходячею (т. е. медной. — И. С.) монетой» и обеспечивались такой же суммой³.

«Ходячая монета» упомянута и в тексте, напечатанном на ассигнациях (рис. 1). «Мы императорским нашим словом торжественно объявляем за нас и преемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная последует выдача денег требующим оную» — говорилось в манифесте. Это обязательство выполнялось неукоснительно; но в конце 1769 г. в обращении находилось уже 2 169 975 рублей бумажных денег и в 1770 и 1771 гг. соответственно 3 757 700 и 4 291 325 рублей⁴. Поэтому монетные дворы страны едва справлялись со все увеличивавшимся объемом производства по медному переделу.

Представлялось чрезвычайно выгодным снабжать Ассигнационные банки для разменных операций рублями вместо пятаков: значительная часть монеты надолго задержится в кладовых банков, а если их клиенты даже будут находить предлагаемую монету не совсем удобной — их дело воздержаться от обмена, в котором им не отказывают! Зато для изготовления рубля будет достаточно одного удара штемпеля вместо двадцати.

«Для лучшего и удобнейшего хождения в народе медных денег, заборорассудили мы установить новую рублевую монету»... — эта формулировка указа 1770 г. близка по духу к цитированному выше документу 1762 г.⁵ В феврале — марте 1770 г. был утвержден проектный рисунок; если на всех медных монетах, начиная с полушки, изображался вензель императрицы, то новые рубли должны были остаться анонимными. Дата заменила изображение московского герба на грудном щитке орла. Место чеканки обозначалось на гурте монетного кружка. Все производство, требовавшее создания специальных машин, возлагалось на находившийся вблизи от столицы Сестрорецкий завод,⁶ уже располагавший опытом монетного дела.

Сразу же началось проектирование и изготовление нужных для производства механизмов и в декабре 1770 г. первые два «абдрука» медных рублей и два бракованных монетных кружка были представлены на рассмотрение Сената, который постановил оставить присланные образцы для хранения у себя⁷.

Интерес к необычной затее то угасал, то вновь оживал. Во всяком случае, в 1771 г. ни Сенату, ни заводу дело еще не представлялось безнадежным: об этом свидетельствует изготовление нового штемпеля с этим годом, тогда как более поздних штемпелей уже никто не знает, хотя работа над медным рублем продолжалась еще несколько лет. Завод первым убедился в невыполнимости поставленной задачи, но Сенат время от времени вспоминал о своих решениях и побуждал к продолжению опытов; в 1776 г. его забота о медных рублях уже прямо связывается с предполагавшимся выкупом ассигнаций, но наиболее устойчивым оставался расчет удешевить изготовление монеты для размена⁸.

Новое производство на первых же шагах встретилось с проблемой, которая в конце концов оказалась неразрешимой: я имею в виду технологию заготовки монетных кружков. Нечего было и думать высекать их из пластины толщиной в 25—27 мм, поэтому поначалу решили нарезать кружки из «штыковой меди» (заранее обточенных медных валов) на специально построенной для этого вододействующей пыльной машине, но поставленные в раму полтора-два десятка пил, несмотря на водяное охлаждение, перегревались и вытягивались, полотна начинали по-разному «вилиться», поэтому кружки получались кособокие, самых причудливых форм, а пилы часто рвались.

Затем попытались организовать отливку кружков в формах, но при этом приходилось вручную удалять с каждого кружка заусеницы на стыке половинок форм и «путь» — прутки металла, застывавший в литнике, а затем обтачивать поодиночке на токарном станке,

№.484447

50

ОБЪЯВИТЕЛЮ СЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АССИГНАЦИИ ПЛАТИТЬ МОСКОВСКОЙ
БАНКЪ ПЯТДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ
ХОДЯЧЕЮ МОНЕТОЮ. 1775 ГОДА.

МОСКВА. *Висентъ Давидовъ*

Висентъ Давидовъ

Висентъ Давидовъ

Висентъ Давидовъ

№.484447

№.484447

Рис. 1. Пятидесятирублевая ассигнация Московского банка 1775 г. Государственный Эрмитаж.

Рис. 2. «Пугачевский рубль». Серебряный и медный экземпляры. Государственный Эрмитаж.

причем требовалась исключительно высокая точность: при заметных отступлениях от проектного диаметра сегменты гуртильного кольца во время обжимки ломались. Затраты труда были таковы, что изготовить двадцать пятаков оказывалось гораздо дешевле, чем смастерить один рубль.

В 1776 г. завод выдвинул предложение изменить проект рублевика и перейти на кружки более широкие, но зато и более тонкие, которые можно было бы высекать машиной из медных «досок». Сохранился уникальный образец такого рубля, однако, как видно, и этот опыт не дал удовлетворительного результата. В 1778 г. работа над рублем в Сестрорецке была приостановлена до особого распоряжения, а в следующем году окончательно прекращена⁹.

В какой же мере нумизматика способна проиллюстрировать сестрорецкие опыты 1770—1778 гг. на своем материале и помочь лучше разобраться в опубликованных документах?

«Пугачевский рубль» 1771 г. Известны довольно редкие серебряные кружки размера рублевика конца XVIII — начала XIX в., отиснутые средней частью сестрорецких штемпелей 1774 г. Отсутствие имени правителя дало любителям нумизматики повод окрестить анонимные рубли 1771 г. «пугачевскими», хотя выпускались они на столичном монетном дворе. В Эрмитаже имеется уникальный медный «пугачевский рубль», отиснутый на екатерининском пятаке (рис. 2).

Около 1780 г. Петербургскому монетному двору под нажимом близких к императрице любителей нумизматики пришлось впервые заняться изготовлением так называемых н о в о д е л о в, причем для этого не только использовались старые подлинные штемпели, но и вырезанные заново (для таких редких старинных монет, как рубли и ефимки царя Алексея Михайловича, золотые царевны Софьи и т. п.). В этой фабрикации «игрушек» для коллекционеров нашли применение и сестрорецкие штемпели.

Доставка штемпелей из Сестрорецка в Петербург датируется с завидной точностью. В нумизматической коллекции И. Позье, бывшего придворного ювелира русских императриц, доставшейся после его смерти в 1779 г. Женевскому музею, оказался серебряный оттиск сестрорецких штемпелей. Очевидно, он был послан Позье кем-то из его петербургских друзей, так как сам коллекционер уехал на родину еще в 1764 г.¹⁰ Этот оттиск чеканен штемпелями, уже пострадавшими от ржавчины, следы которой видны на любых новоделах сестрорецких рублей. Таким образом, устанавливается, что тронутые ржавчиной еще в Сестрорецке штемпели были доставлены в Петербург вскоре же после прекращения опытов и что любители нумизматики познакомились с ними ранее всего по «пугачевским» серебряным новоделам.

Сестрорецкий рубль 1771 г. Н. П. Румянцева — Ф. И. Круга. В настоящее время название «сестрорецкий рубль» чаще всего относится к новодельным медным кружкам

1771 г., а то и к более или менее грубым подделкам, которых изготовлено на диво много. Однако задолго до появления тех и других получил известность первый сестрорецкий рубль, — подлинный и многие годы считавшийся единственным. В 1823 г. гр. Н. П. Румянцев (1754—1826) привез его, вернувшись из путешествия по югу России, и сразу же отослал в Петербург для определения академику Ф. И. Кругу (1764—1844), с которым находился в дружеских отношениях.

Незадолго до смерти Н. П. Румянцев подарил Кругу все свои русские монеты. В 1835 г. в Петербургской немецкой газете был помещен обзор крупнейших частных нумизматических коллекций обеих столиц, вскоре перепечатанный по-русски в Санкт-Петербургских ведомостях. «Выбитый в Сестербеке (Сестрорецке. — *И. С.*) 1771 года медный рубль весом 2 фунта 9 лотов» назван в числе наибольших редкостей богатой коллекции Ф. И. Круга¹¹.

Имеющиеся в литературе XIX в. скудные сведения об этой монете можно пополнить, обратившись к переписке ее первого владельца. Отсылая свою новинку, Н. П. Румянцев писал Ф. И. Кругу из Гомеля 9 октября 1823 г.: «Среди того, что я посылаю Вам, Вы найдете толстый медный цилиндр, на одной из плоских сторон которого имеется орел, как на наших рублях, в углублении. Что это? Может быть, плохо сделанный штемпель для подделки рублей?... и какой смысл в окружающей цилиндр надписи, которую я не могу прочесть?»¹² В письме от 26 ноября Румянцев уже благодарит Ф. И. Круга за все, что тот сообщил «относительно медного рубля»; но тут же следуют расспросы, из которых видно, что ответ был немногословен, так как Н. П. Румянцев готов был признать в своем приобретении ... рубль царя Алексея Михайловича, о котором только что читал: «в настоящее время передо мною находятся ... материалы для IV тома «Государственных грамот» и там имеется указ царя Алексея Михайловича, ... чтобы были отчеканены медные рубли»...¹³

Очевидно, сохранность «медного цилиндра» была неважной: Н. П. Румянцев не мог разобрать на нем дату; затрудняло его и чтение гуртовой надписи. Ф. И. Круг тоже в первый раз встречался с такой монетой, но более чем вероятно, что ему уже был знаком в петербургских коллекциях «пугачевский рубль» с датой «1771», поэтому какая-то отправная точка для определения у него имелаась.

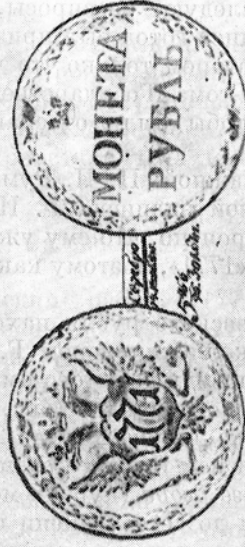
Догадка о неудовлетворительном состоянии румянцевского рубля находит подтверждение в записи, сделанной в 1835 г. петербургским коллекционером Г. И. Лисенко (1784—1842) в его каталоге русских монет — как раз по поводу добытого им еще в 1810 г. у монетчиков Петербургского монетного двора «пугачевского рубля» (рис. 3). «Сего же года есть рубль медной, круглой, обширностью более вершка, весом 2 фунта 27 золотиков (вес совпадает с указанным выше, ок. 930 г. — *И. С.*); на нем гуртик красивыми начальными буквами, частью связью... *Сестреръцкаго монетнаго двора* (курсив мой. — *И. С.*). Буквы оные во всю толщину рубля. Такая единственная до сего времени и достопримечательная медная монета куплена канцлером графом Румянцевым, кажется, случайно в Крыму (она довольно сбита)...»¹⁴ Далее по поводу упомянутой выше газетной статьи Лисенко обрушивается на Круга с обвинениями в присвоении коллекции Румянцева.

В этой же записи говорится, что Лисенко, который в Петербурге не был вхож к Румянцеву, в 1824 г. встретился с ним случайно на ярмарке в Ромнах и даже уступил графу одну из своих монет; но это могло быть только в 1823 г., когда Румянцев возвращался из Крыма, а Лисенко, как это видно из других записей, в последний раз побывал на Украине. Вероятно, в Ромнах ему и довелось увидеть редкий рубль.

В 1857 г. Ф. Ф. Шуберт, по памяти сравнивая монету Круга с новодельными, отметил, что начертание гуртовой надписи на ней имело более простой («primitif») характер, чем на новоделах и гуртильное кольцо состояло из 4 частей, а не 3, как у новоделов¹⁵.

Изложенные выше данные о степени сохранности рубля Румянцева — Круга должны послужить коррективом к его единственному графическому воспроизведению¹⁶. С. И. де Шодуар, интересуясь прежде всего т и п о монеты, известной по уникальному экземпляру плохой сохранности, имел все основания потребовать от рисовальщика ее

На рубль семь суртика нить ни какого: онъ отлитъ на С. Петербуржскомъ Монетномъ Дворѣ 1830 года, и чеканенъ старыми екатеринскими и Павловскими — Пугачевскими Поддольскими и т. п. нитями своего рода сять рубль медной, круглой, обширности болѣе Фришка, вѣсомъ Звучити Извольниковъ, но на нѣмъ суртике Красавица наглыми бровями, густою свѣтлою: С. ПЕТЕРБУРГЪ 1835. годотъ. Сестреречкаго Монетного Двора. Буквы онѣ со око толщину рубль.

4 Такая единственная до его времени и достопримечательная медная монета чеканена Келлеромъ Трефрмомъ Вурмбургомъ, крѣпѣ слугиною отъ Врмму — (она урочно сѣта), и которая съ прогилами медными отъ него Трефромъ, дѣл составленъ, каталогомъ Келлеру Академии Наукъ Ф. И. Кречу, по какому

Рис. 3. Протирка «пугачевского рубля» и запись 1835 г. о рубле Н. П. Румянцова в каталоге коллекции Г. И. Лисенко.
Государственный Эрмитаж.

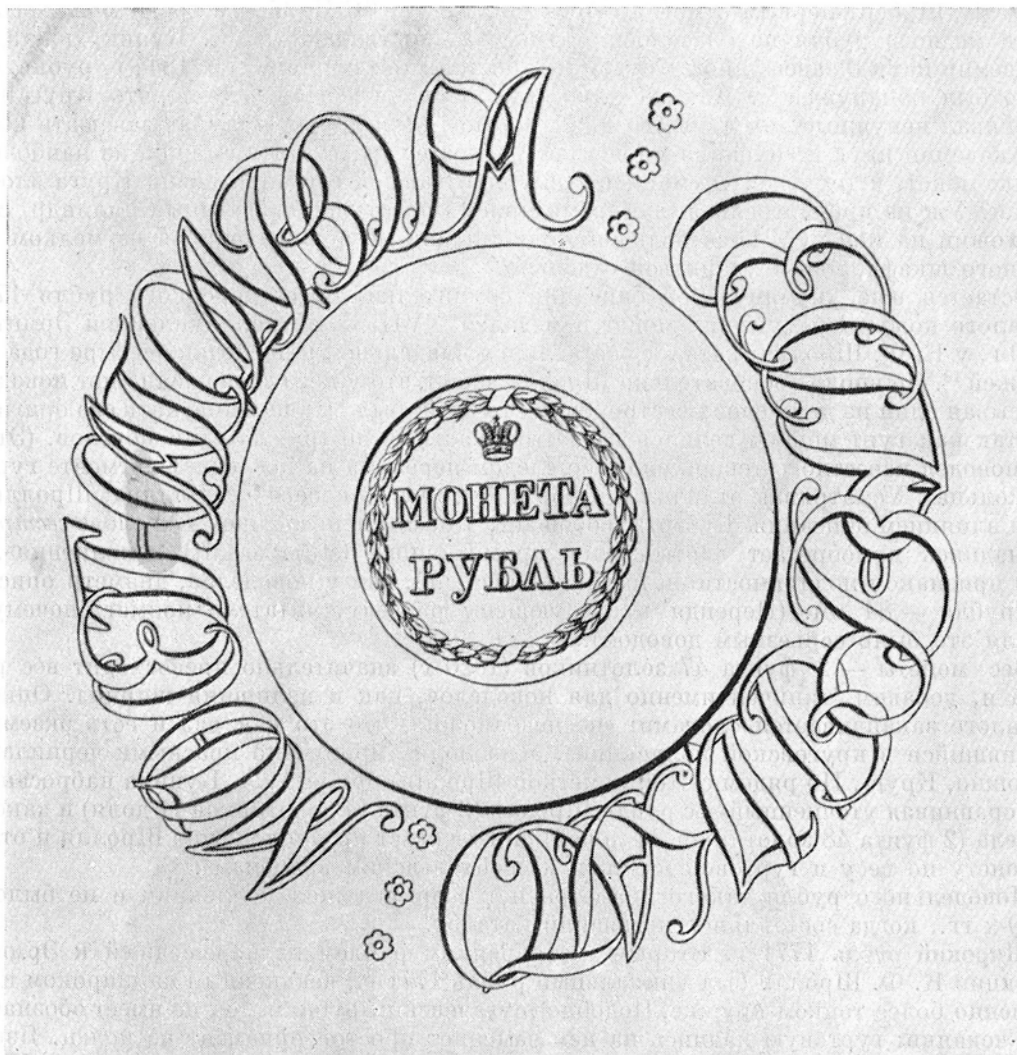

Рис. 4. Рубль Н. П. Румянцева (по Атласу Шодуара).

«реконструкции» (не исключено, что ему для ориентировки был предоставлен и экземпляр «пугачевского рубля»). Необходимо иметь в виду, что расположив гуртовую надпись по кругу, художник, вынужденный увеличивать на развертке расстояние между вершинами букв, неизбежно искажал ее (рис. 4). Однако, помимо расположения букв, соединенных вязью, и приметных особенностей некоторых (например, наличие нижней перекладины у Ц, на новоделах отсутствующей), рисунок сохраняет по крайней мере один важнейший, чисто индивидуальный признак оригинала, указывая начало гуртовой надписи по отношению к сторонам монеты. Если мысленно накладывать на них циферблат, оно придется на «I» — если вершины букв обращены к гербовой стороне, или на «XI» — если они поставлены по «словеснику». При этом отметим, что komponуя таблицу, художник мог и не учесть, правильно ли он располагает развертку по отношению к сторонам монеты.

Ф. Ф. Шуберт первым отметил, что после смерти Ф. И. Круга среди монет его коллекции медного рубля не оказалось. Позже это подтвердил А. А. Куник, докладывая в Академии наук о завещанной Кругом коллекции: при приемке ее в 1844 г. рубль, будто бы, не был обнаружен¹⁷. Как же такое могло случиться? Известно, что Круг иногда променивал ненужные ему дублеты монет, но мог ли он, давно задумав завещать коллекцию Академии наук и сохранив множество редкостей, расстаться с одной из наиболее известных монет, к тому же, «крумянцевской», вызывавшей еще при жизни Круга злостные сплетни? Уж не просмотрели ли во время приемки этот толстый медный цилиндр, совсем не похожий на монету? Из-за большой толщины он, не помещающийся на мелком лотке монетного шкафа, мог и храниться отдельно.

Остается еще упомянуть об описании сомнительного сестрорецкого рубля 1771 г. в каталоге коллекции русских монет и медалей XVII—XIX вв., купленной Эрмитажем в 1869 г. у К. Ф. Шролля; каталог составлялся владельцем в последние четыре года перед продажей¹⁸. Не вполне основательно Шролля верил, что у него совершенно нет новоделов, и описывая один из двух своих сестрорецких рублей, был склонен признать его оригинальным, так как гурт монеты делился на четыре части, а не три, как у новоделов. (Это мог быть новодел известного теперь вида, со следом перелома на последнем сегменте гуртильного кольца). Усматривая отличия и в форме букв гурта своего экземпляра, Шролля, под явным влиянием описания Шуберта, сообщает, что «после последнего *E* в слове *сестрорецкаго* надпись приобретает черты более примитивного (*stümperhaft*) исполнения». Еще одним признаком подлинности он называет больший, чем у новоделов, диаметр описываемого рубля — 84 мм. (Перейдя к следующему разделу, читатель поймет, почему для Шролля это было серьезным доводом).

Вес монеты — 2 фунта 47 золотников (1020 г) значительно превосходит вес рубля Круга и, добавим, типичен именно для новоделов, как и излишняя ширина. Описание в каталоге заканчивается словами: «не невозможно, что это как раз и есть экземпляр, находившийся в круговской коллекции», а на полях приписано красными чернилами — «возможно, Круг». Но рядом с этой пометкой Шролля, рукой А. А. Куника набросана еще одна: сравнивая уточненный вес рубля Шролля (2 фунта 47 золотников 71 доля) и какого-то новодела (2 фунта 48 золотников 11 долей) он отвергает предположение Шролля и относит его монету по весу и гуртовой надписи к «рейхелевским временам».

Новодельного рубля такого диаметра нет в эрмитажной коллекции и не было уже в 1920-х гг., когда составлялся нынешний каталог.

Широкий рубль 1771 г. Вторым сестрорецким рублем из перешедшей к Эрмитажу коллекции К. Ф. Шролля был уникальный рубль 1771 г., чеканенный на широком и соответственно более тонком кружке. Подобно «пугачевским рублям», он не имеет обозначения места чеканки: гуртовую надпись на нем заменяет простой орнамент из колец. Язвинки от ржавчины, тронувшей штемпели еще в Сестрорецке, заметны и на этом рубле. Небольшой перекокс верхнего штемпиеля в прессе привел к тому, что один край охватывающего штемпель кольца продавился на широкой закраине кружка. Ширина штемпеля с кольцом может быть определена приблизительно в 80 мм, диаметр же отчеканенного им широкого рубля — 101 мм, при толщине 15 мм (рис. 5).

Вес монеты — 1048,9 г — значительно превышает весовую норму 16-рублевой стопы. Это постоянно наблюдается у рублей-новоделов, однако, на этот раз сомневаться в подлинности этого рубля нет оснований, поскольку он существовал задолго до опубликования документа 1776 г. — предложения перейти на более тонкие кружки, которые могла бы высекать машина. Изготовление подобного образца не оставило следа в документах, но вполне вероятно, что предложение опиралось на какие-то предварительные опыты, а точность веса одиночного, пробного, экземпляра была не так уж и важна.

К. Шролля, живя в Петербурге, собирал монеты около 50 лет, но о составе его коллекции кое-что выяснилось только накануне продажи. Не знал о ней репортер Немецкой газеты, и в печати собрание Шролля вообще не упоминалось; Г. Лисенко, писавший о многих петербургских собраниях, ничего внятного сообщить не мог, хотя в его записках

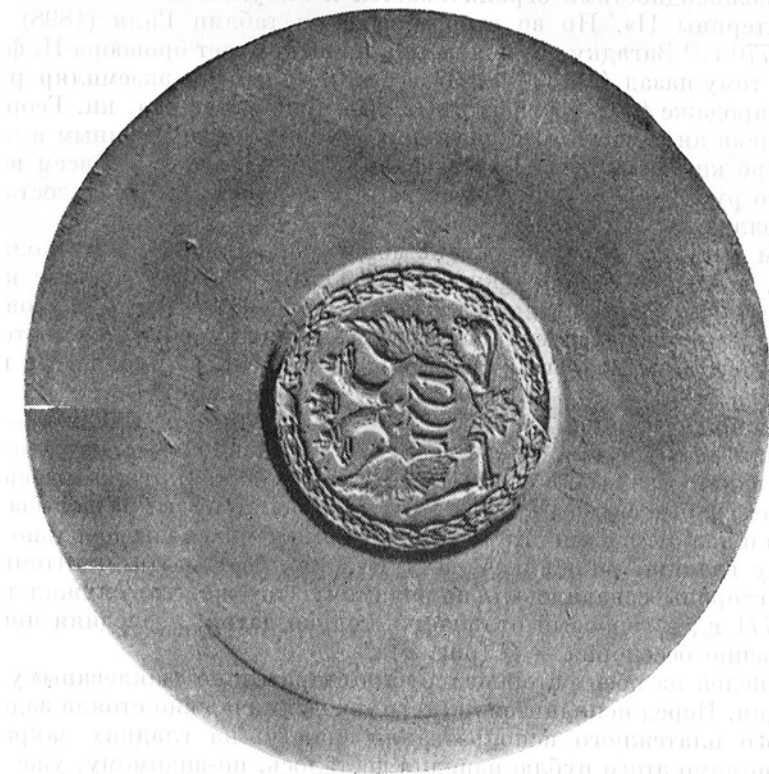
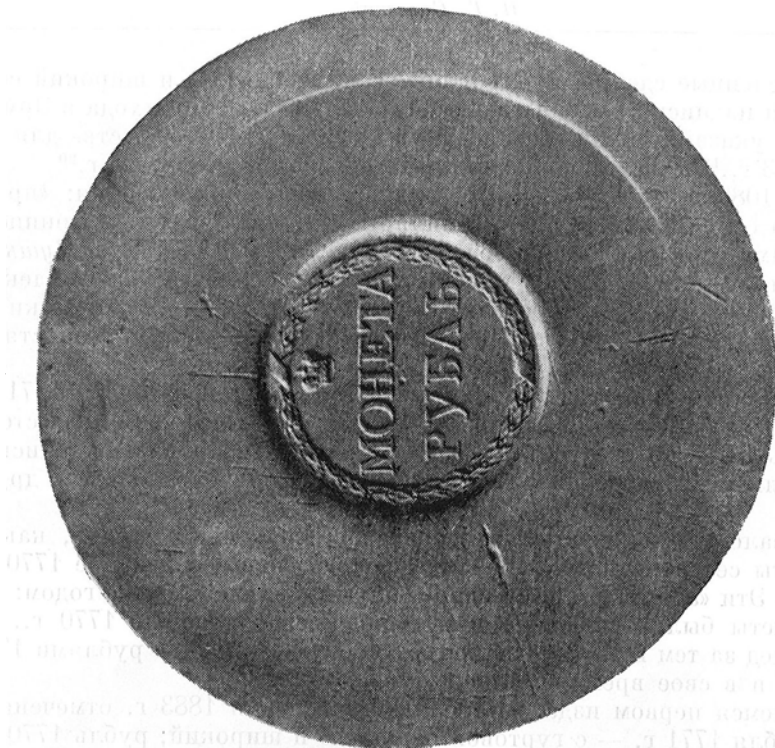

Рис. 5. Широкий сестрорецкий рубль 1771 г. Государственный Эрмитаж.

отмечены многочисленные сделки со Шроллем. Таким образом, и широкий сестрорецкий рубль без гуртовой надписи получил известность только после прихода в Эрмитаж: впервые он описан (без указания принадлежности) в 1-м издании руководства для собирателей Х. Х. Гиля, в 1883 г.¹⁹ а уже как экземпляр Эрмитажа издан в 1894 г.²⁰

Описание № 1089 в каталоге К. Шролля заканчивается словами: «происходит из одного старинного собрания. Другие экземпляры мне неизвестны», а приписка Шролля красными чернилами открывает имя прежнего владельца: *граф Мусин-Пушкин*. Шроллер был «достойным преемником» А. И. Мусина-Пушкина (1744—1817): коллекция последнего — одно из наиболее «засекреченных» владельцем нумизматических собраний конца XVIII — начала XIX в., издавна интересовавшее своими редкостями исследователей.

Подлинный сестрорецкий рубль 1770 г. Если подлинный рубль 1771 г., принадлежавший Ф. И. Кругу, считается потерянным, то в настоящее время известен и впервые публикуется здесь подлинный рубль 1770 г. с гуртовой надписью. Это исключительно важно, так как наличие его позволяет гораздо увереннее подходить ко всем другим экземплярам.

Выше указывалось, что первые два образца сестрорецких рублей, как итог почти целого года работы сестрорецкого «конструкторского бюро», в декабре 1770 г. были доставлены в Сенат. Эти «абдруки», несомненно, и датировались тем же годом: ведь проектный рисунок монеты был утвержден императрицей еще в начале 1770 г., а штемпели могли попасть вслед за тем в течение двух-трех недель. Встречу с рублями 1770 г. можно было предвидеть, и в свое время она и произошла.

В упоминавшемся первом издании таблиц Х. Х. Гиля 1883 г. отмечены только две разновидности рубля 1771 г. — с гуртовой надписью и широкий; рубль 1770 г. еще неизвестен. Теми же разновидностями ограничивается и выпущенный в 1894 г. том «Монеты царствования Екатерины II». Но во втором издании таблиц Гиля (1898) упоминается впервые и рубль 1770 г.²¹ Загадку его появления приоткрывает брошюра П. фон Винклера 1899 г.: «Года два тому назад (в 1896—1897 гг. — *И. С.*) один экземпляр рубля 1770 г. вдруг появился в продаже (в С.-Петербурге) и был приобретен вел. кн. Георгием Михайловичем»²². Приписка аналогичного содержания сделана А. А. Ильиным в принадлежавшем ему экземпляре книги «Монеты царствования Екатерины II». Совсем недавно стало точно известно, что рубль 1770 г. находился вплоть до конца 1967 г. в составе попавшей в США бывшей коллекции вел. князя²³.

В выпущенном в 1902 г. печатном списке монет, разыскиваемых для коллекции Георгия Михайловича, назван и сестрорецкий рубль 1770 г.²⁴ Зная, что этот коллекционер никогда не приобретал дублеты, его поиски можно объяснить только неудовлетворительной сохранностью уже имевшейся монеты. Эта догадка подтверждается состоянием долго остававшегося не известным второго экземпляра сестрорецкого рубля 1770 г., принадлежавшего Эрмитажу.

Рубль эрмитажного собрания отличается малым диаметром кружка — 72,5 мм, но толщина его обычная — 26 мм, при весе 926 г, не достигающем нормы, как и вес экземпляра Круга (934 г), близкий к названному. Способ изготовления кружка очевиден: обе его стороны покрывают грубые борозды, оставленные зубьями пилы, раздвигавшей медный «штык»; они видны и под отгисками штемпелей, которые продавлены довольно слабо и даже чуть косо; поэтому гладкие закраины монеты остались необжатыми. Штемпель «словесника» (оборотной стороны с надписью), по-видимому, тот же, что служил и позже, при чеканке рублей 1771 г., а гербовый отличается только датой, последняя цифра которой, к счастью, совершенно бесспорна — 0 (рис. 6).

Отгиски штемпелей на обеих сторонах рубля старательно «заклеваны» ударами какого-то острого орудия. Перед исполнителем этого «злодеяния» явно стояла задача погасить, лишить возможного платежного использования монету: на гладких закраинах следов ударов нет. Но и помимо этого рублю изрядно досталось, по-видимому, уже просто от небрежного обращения с ним.

Рис. 6. Подлинный сестрорецкий рубль 1770 г. Государственный Эрмитаж.

Гуртовая надпись поставлена вершинами букв к «словеснику», «на циферблате» начало ее приходится на XI. Она выполнена такой же «вязью», как и надписи новоделов, но первое слово выписано довольно жирной линией с малозаметными утолщениями и лишь во второй части нажимы и тонкие линии контрастируют. *Сестреръцаго* до *ъ* выписано слишком просторно и последние буквы пришлось теснить, как и всю вторую половину надписи, в которой слова сомкнуты. Местами надпись оттиснулась слабо, да и сохранность гурта неважная, а конец надписи на нем сильно патинирован. Из-за размера кружка надпись не помещалась целиком — она заканчивается мачтой последнего *Р*, скорее всего, при гурчении пошли на то, чтобы укоротить последний сегмент кольца. Его стыки видны перед словом *сестреръцаго* слабее, после него — явно. Поскольку они расположены строго диаметрально, приходится признать, что было еще два стыка, т. е. всего их было ч е т ы р е ²⁵.

На первый взгляд гуртовая надпись имеет мало общего с кольцом круговского рубля 1771 г., изображенным на таблице у Шодуара, однако в обеих надписях буква *Ц* имеет соединяющую мачты прямую с рожком на конце; есть и другие черты сходства. Мнение Ф. Ф. Шуберта, называвшего выполнение надписи на рубле Круга «примитивным», позволяет признать, что рисовальщик основательно «улучшил» надпись, но характеристика Шуберта вполне может быть отнесена к нашему рублю.

Привлекает внимание совпадение многих признаков рассматриваемого рубля и круговского: оба «довольно сбиты», имеют почти одинаковый вес и совершенно одинаковый диаметр (если доверять рисунку), причем диаметр приметный, необычно малый. Главное же, даже гуртовая надпись обеих монет начинается, возможно, в одной и той же точке — на XI — если в круговском экземпляре она стояла верхами букв к словеснику. Законченность надписи на рисунке можно объяснить характером издания, допускавшим реконструкции, начертание недостающих букв художнику было известно. Замечательно, что даже небольшой перекося словесника показан на таблице (ср. нижнюю часть ободка).

Очевидная «запущенность» рубля (помимо произведенного, скорее всего, в Сестроречке перед доставкой в Сенат «погашения») — ссадины, старая патина на части гурта вызывают сомнения, что его испортили во время хранения в Сенате. Ведь монеты могли быть утащены отсюда еще в XVIII в. Возможно, что к влиятельнейшему коллекционеру, канцлеру Румянцеву, каким-то образом попал около 1823 г. один из «сенатских» экземпляров (подобно тому, как к графу А. И. Мусину-Пушкину его широкий рубль). Следует отметить, что в переписке Румянцева с Ф. И. Кругом нет и намека относительно происхождения монеты. Приобретение ее в безлюдном тогда Крыму может быть лишь домыслом Г. И. Лисенко.

Незачем и объяснять, как важно было бы знать вес и диаметр и иметь фотоснимки заблудившегося где-то в США второго экземпляра. Не могло ли предварительное знакомство Ф. И. Круга с сестроречким рублем только в его «пугачевской» ипостаси 1771 г. иметь следствием, что он, второпях отвечая Н. П. Румянцеву в 1823 г., признал и присланный «цилиндр» рублем не 1770-го, как следовало, а 1771 г., да так и остался при этом мнении? Ведь научные интересы Круга лежали в допетровском времени; XVIII и XIX вв. для него были лишь скучным придатком «настоящей» русской нумизматики! Г. И. Лисенко сделал свою запись только в 1835 г., а видел «довольно сбитую» монету мельком, двенадцать лет назад! Наконец, и художник, выполнивший «реконструкцию» для таблицы Шодуара, располагал, в лучшем случае, слепком или эстампажем, а руководствовался, скорее всего, тем же «пугачевским» рублем 1771 г.!

Несмотря на удивительные совпадения, все сказанное пока что остается предположением. Рубли 1770 г. могли пролежать в Сенате и до 1890-х гг. Вся беда в том, что в данном случае документация Эрмитажа оставляет исследователя совершенно беспомощным.

Первый сестроречкий рубль — новодел 1771 г. появляется в Эрмитаже только в 1851 г. вместе с купленной у Я. И. Рейхеля (1780—1856) русской частью его коллекции ²⁶, единственным он значится и в каталоге 1858 г. ²⁷ Между 1858 и 1917 гг. документы отмечают приход только двух шроллевских рублей. В 1894 г. в «Монетах царствования Екатерины II» отмечены в коллекции Эрмитажа только новоделы 1771 г. Каталог 1858 г. был заменен

новым, составлявшимся уже в XX в. (одним почерком доведен до 1917 г.). Составитель не делал различия между подлинными монетами и новоделами, столь обильными в русской нумизматике XVIII в., но в то же время, ни один из сестрорецких рублей в этот каталог почему-то вообще не попал!

А. А. Ильин начал работать над русской коллекцией после 1921 г. Он исключил из основного собрания все новоделы, заведя для них особый каталог, а сестрорецкие рубли (все тот же широкий и две разновидности новодела 1771 г.), напротив, вписал в основной, под литерными номерами. Как все монеты дореволюционного фонда (и дар И. И. Толстого, 1917 г.), они записаны без указания происхождения. Несколькими листами ранее под № 176^г значится и рубль 1770 г. Приходится признать поэтому, что он появился где-то после 1894 г. и до 1921 г. Приди он уже при Ильине, он должен был бы при записи получить шифр книги поступлений, как все сестрорецкие рубли, позднее приобретенные Эрмитажем; однако, не исключается и ушущение А. А. Ильина, например, при включении в основное собрание монет коллекции Академии наук.

Рубль 1771 г. с особым гуртом. В собрании Эрмитажа имеется экземпляр рубля, чеканенный штемпелями 1771 г., но совсем особым гуртильным кольцом, ранее не известным. Он поступил в 1930-х гг. из бывш. Музея Штиглица (кн. поступлений 44-а/501, № 252). Диаметр его кружка 76 мм, толщина 26 мм, вес 1009,3 г, гурт поставлен по лицевой, т. е. гербовой, стороне, и легенда начинается «по циферблату» на V (рис. 7).

Начертание гуртовой надписи представляет некоторую аналогию изображению гурта на таблице Шодуара, но это впечатление создается более всего от того, что в обоих случаях очень велик «нажим» при сохранении тонких линий. Вовсе не наблюдается здесь стилистического разнobia гурта 1770 г., как будто собранного из двух разных надписей; много своего в особенностях переплетения букв и в деталях некоторых из них (Т, Ц). Ясно виден только один стык кольца и определить, из скольких сегментов оно состояло, нет возможности.

Кружок сильно обжат — на краях отпечатались раковины от ржавчины — и кое-где между гуртом и плоскостью монеты образовались как бы заусеницы. Под оттисками штемпелей едва заметны легкие параллельные бороздки — следы обработки поверхности (но только не шлифения). Вероятно, кружок отлит в форме и обточен, хотя радиальных следов реза не сохранилось. Как видно из документов, такой способ испытывался в Сестрорецке в 1770-х гг., естественно, он мог оставить какой-то след. (Именно к нему обратились и для фабрикации новоделов).

Вес монеты превышает норму очень незначительно. Среди всех учтенных новоделов нет ни одного настолько легкого: их средний вес — около 1023 г. Появление ранее не известного гуртильного кольца, выполненного вполне в духе XVIII в., очень важно, но твердо признавать этот экземпляр одним из пробных оттисков 1770-х гг., вероятно, еще преждевременно.

Новоделные рубли 1771 г. Наиболее многочисленную группу сестрорецких рублей составляют датированные 1771 г. толстые кружки с гуртовыми надписями двух разновидностей. Не всякому владельцу подобной, в общем довольно редкой монеты, легко примириться с тем, что это всего лишь новодел. К тому же, в «Монетах царствования Екатерины II», где новоделы последовательно и безоговорочно отделяются от настоящих монет, сестрорецкие рубли описаны среди подлинных. А. А. Ильин также признал более правильным включить все сестрорецкие рубли в каталог основного собрания, а не новоделов. Однако само рассуждение в тексте тома о двух разновидностях гурта показывает, что его настоящий автор — Х. Х. Гиль вовсе не отвергал версию о новоделах: он предлагал считать «новоделами 1836 г.» рубли со 2-м гуртом, а об остальных высказался как о «более ранних».

Если учесть еще, что именно в издании «Монет царствования Екатерины II» впервые опубликованы многочисленные документы XVIII в., которые отрицают возможность сколько-нибудь удовлетворительной чеканки в Сестрорецке 1770-х гг., становится очевидным, что автор и издатель видели разницу между коллекционерскими «игрушками» —

Рис. 7. Сестрорецкий рубль 1771 г. с особым гуртом. Государственный Эрмитаж.

новоделами и сестрорецкими новоделными рублями, которые привлекались в каталог подлинных монет как важные памятники русской нумизматики.

Два варианта новоделов 1771 г. различаются по расположению на совершенно одинаковой гуртовой надписи стыков трех сегментов кольца. В одной — первый стык проходит по второй букве слова *сЕстреръцаго*, во второй по третьей букве — *сеСтреръцаго*. Соответственно, второй стык в первом случае отрезает у последней буквы этого слова *О* маленькую часть слева, а во втором — справа; третий стык в одном случае проходит по букве *А* (*монетНАго*) во втором — правее ее. Кроме того, немногие рубли второй разновидности чеканены поврежденным кольцом, у которого переломилась одна из составных частей и виден четвертый стык, отделяющий всего две буквы *НА* в слове *монетНАго*.

Первое упоминание о сестрорецких новоделах находится в первом томе каталога коллекции Рейхеля, выпущенном в 1847 г. В разделе «Фальшивые монеты», охватывающим, в основном, новоделы, антикварные подделки старинных монет и т. п., рубль назван «копией» медного рубля 1771 г. Рейхель был совершенно незнаком с историей сестрорецких опытов 1770-х гг.: он сообщает, что подобные рубли должны были чеканиться в 1771 г. на 10 рублей из пуда (!) и что будто бы они предназначались для оплаты труда рабочих Сестрорецкого завода в расчете, что те будут продавать монеты как медь, которая тогда ценилась по 6 руб. за пуд, но намерение выпустить такие рубли, — заканчивает Рейхель, — осуществлено не было. Далее читатель встретится с первоисточником этой версии, в которой, несомненно, таятся смутные представления о е к а т е р и н б у р г с к и х медных платах.

Рейхель был тесно связан с Монетным двором, и если даже не имел непосредственного отношения к появлению новоделов, несомненно, располагал наиболее полной информацией, но этого вопроса он не касается. Описанный Рейхелем рубль находится в Эрмитаже с 1851 г. С указанием прежнего владельца он вошел в каталог, составленный не позднее 1858 г. Это был п е р в ы й сестрорецкий рубль Эрмитажа!

Только через десять лет после Рейхеля историю изготовления «копий» сестрорецких рублей изложил Ф. Ф. Шуберт. Повторив странное утверждение Рейхеля о мнимом назначении медных рублей, он уже не касается монетной стопы, и далее сообщает следующее: «Этот рубль был выпущен в очень малом числе и был отозван из обращения. Но два штампера были сохранены на Петербургском монетном дворе и в 1836 г. по приказу Министра финансов (Е. Ф. Канкрин. — *И. С.*) выгравировали новое гуртильное кольцо, руководствуясь оригинальным рублем коллекции Круга, и были отчеканены многие экземпляры. Эти экземпляры довольно редки, но подлинным является единственно только рубль Круга»...²⁸ Рассказ Ф. Ф. Шуберта с упоминанием приказа Канкрин 1836 г. повторил в 1879 г. на заседании Академии наук академик А. А. Куник²⁹.

Ссылки на давно умерших Ф. И. Круга (1844) и Е. Ф. Канкрин (1845) делают версию о легальном изготовлении копий в 1836 г. на первый взгляд вполне солидной и неуязвимой, но знакомство с историей сестрорецких рублей эрмитажной коллекции порождает первые сомнения.

Не странно ли, что такая интересная монета, изготовленная в изрядном количестве по приказу самого министра финансов, не была передана в Минкабинет Эрмитажа, куда аккуратнейшим образом доставлялись все образцы чеканки? Ведь первый сестрорецкий рубль, появившийся здесь — рейхелевский, купленный в 1851 г. Однако пусть уж новодел 1836 г. почему-то не попал в Эрмитаж, но и к Ф. И. Кругу, который предоставил Монетному двору для копирования свой уникал, тоже не пришел ни один из отчеканенных тогда новоделов!

Не трудно убедиться, что новоделы, если они и вправду чеканились в 1836 г., в течение добрых десяти лет оставались никому не известными. Чтобы проверить достоверность названной Ф. Ф. Шубертом даты, проследим упоминания о сестрорецких рублях в литературе и в других нарративных источниках, а затем обратимся и к самим монетам.

Приписка Г. И. Лисенко в его каталоге сделана в 1835 г., но особенность этого каталога в том и заключается, что составитель по 1841 г. включительно постоянно возвращался

к разным страницам. Запись 1835 г. была инспирирована газетной статьей, в которой упоминался рубль Круга, но на листе, отведенном для монет 1771 г., в 1836 г. должен был бы появиться и оттиск самой монеты, новенького новодела, пополнившего коллекцию Лисенко: ведь свою службу в столице он начинал на Монетном дворе и постоянно поддерживал с ним связь.

В 1836 г. вышло третье издание «Таблиц русских монет» Лоренца Панснера. В нем имеется упоминание о «крайне редких рублевиках в 4 фунта весу (!), которые чеканились в Сестрорецке в 1771 г.»³⁰. Вот откуда взял Рейхель сведения о весе рублей! Поскольку медный рубль 1771 г. фигурирует еще в первом издании Панснера 1831 г.,³¹ становится ясным, что и в 1836 г. он имел в виду все еще единственный тогда подлинный рубль Ф. И. Круга.

Выпуская свой каталог в 1847 г., Я. И. Рейхель странным образом не придал значения тому, что ошибка Панснера была давно исправлена. В 1837 г., когда — по Шуберту — изготовление новоделов уже было в прошлом, вышли все три тома известного труда С. И. де Шодуара на французском языке, а в 1840 г. закончилось печатание и уже упоминавшегося русского издания, где со ссылками на подлинные указы сообщается об учреждении в 1770 г. новой медной монеты достоинством в 1 рубль и весом в 2¹/₂ фунта, на 16 руб. из пуда. «Монеты выдвельвались только в 1771 г., — писал Шодуар — и, кажется, выпущены не были»³².

И для Шодуара, влиятельного петербургского собирателя, в 1836—1840 гг. единственным сестрорецким рублем, пунктуально указываемым в обоих изданиях, оставался уникам Ф. И. Круга, а о новоделах он и понятия не имел!

Ни о подлинном, ни о новодельном сестрорецком рубле не говорится в «Воспоминаниях» петербургского купца-собирателя С. А. Еремеева, предметом коллекционерской страсти которого была как раз русская медная монета XVIII и XIX вв.³³ Еремеев, составивший на своем веку несколько коллекций русских медных монет, которые он обычно дарил каким-либо учреждениям,³⁴ в 1841 г. ничего не знал о сестрорецких новоделах.

Таким образом, до 1847 г. — года выхода каталога Рейхеля, где впервые описан среди подделок сестрорецкий рубль, последний нигде не упоминается, поэтому и названная Ф. Ф. Шубертом дата, и изложенные им обстоятельства изготовления новоделов, сомнительны. Известно, что публикуя свой уникальный константиновский рубль 1825 г. в том же каталоге, где приведены и рассматриваемые сведения о сестрорецких рублях, Шуберт мог написать о нем далеко не все, что знал, и далеко не так, как знал³⁵. Не было ли у него и на этот раз причин сдвинуть подальше, в область всепрощающей давности, совсем не такое далекое изготовление на Монетном дворе новоделов? Ни Е. Ф. Канкрин, будто бы приказавшего чеканить, ни Ф. И. Круга, будто бы давшего свой образец, в живых не было, а в 1840-х гг. при наличии только что появившегося изображения в труде Шодуара, в образце не нуждались.

Достаточно вескую причину, которая могла бы побудить Ф. Ф. Шуберта поступиться точностью, можно усмотреть в чувствительном ударе, который был нанесен петербургским любителям нумизматики в начале 1840-х гг. Узнав, что на Монетном дворе фабрикуются «фальшивые монеты», Николай I приказал истребить все новодельные штемпели³⁶.

Как видно из примера Г. И. Лисенко, фабрикацией новоделов занимался не только Монетный двор, принимавший по ценнику заказы на изготовление старыми штемпелями медалей и монет. При случае имели возможность услужить коллекционеру и отдельные мастеровые Монетного двора. Переборка фонда штемпелей для уничтожения «фальшивых» могла привлечь внимание к сестрорецким и повести к изготовлению, время от времени и по секрету, копий рублей 1771 г. — где-то в 40-х — 50-х гг. XIX в.

Ниже кратко описаны экземпляры собраний Эрмитажа, Исторического музея, Русского музея, монеты, любезно предоставленные академиком Б. Е. Быховским, В. Ф. Груздевым, М. И. Крючковым, М. М. Максимовым. Описываются также рубли, изображения которых вместе с достаточно полными сведениями имеются в литературе и в аукционных каталогах. Упоминаются и монеты, сведения о которых более кратки.

Монеты с первым гуртом

1. Диам. 76 мм, толщина 26 мм, вес 1028,50 г. Гурт поставлен по л. с., на кольце около стыков — сколы. Следы ржавчины штемпелей имеются на закраинах обеих сторон. Следы обточки кружка заметны только под тиснением гурта. Бывший экземпляр Я. Рейхеля (Reichel, № 4626). Рукопись «Каталог русских монет имп. Эрмитажа», т. II, № 5517. Эрмитаж, основное собрание № 191^а.
2. Диам. 76 мм, толщина от 25,5 до 27 мм, вес 1031,10 г. Гурт стоит по л. с., следы сколов близ стыков кольца. Под тиснением, оставившим следы ржавчины на закраинах обеих сторон, ясно видны концентрические следы реза. Стружка заламывалась под резцом, оставляя характерные язвочки. Такие же следы просматриваются и под оттисками штемпелей. Бывш. собрание гофмейстера Алексеева. Эрмитаж, кн. пост. 44-а/644, № 4641 (рис. 8).
3. Диам. по л. с. 78 мм, по о. с. — 76,6 мм, толщина 25,0—26,0 мм, вес 1042,60 г. Гурт поставлен по л. с., на кольце — сколы у стыков. На закраинах обеих сторон следы ржавчины на кольце, но имеющееся почти всегда характерное овальное пятнышко на оборотной стороне, над короной, вероятно, счищено. Поверхность обеих сторон и гурта сохраняет следы обточки резцом с задирами стружки, они же заметны и под оттисками штемпелей. На л. с. верхняя часть кромки штемпеля при чеканке, вероятно, получила какое-то повреждение и была подправлена резцом. Бывш. собрание Музея Революции. Эрмитаж, кн. пост. 583/957, № 341.
4. Диам. 76 мм, толщина 25,5—26,5 мм, вес 1024,40 г. Гурт поставлен по о. с. Очень темный экземпляр, на нем была наведена искусственная «медальная» патина (обжиг в обмазке из мумии). Заметны следы ржавчины на закраинах и следы обточки кружка резцом. Экземпляр имеет большое сходство с номером 777 в Атласе Ф. Ф. Шуберта (заметно сдвинут вниз «словесник»). Возможно, происходит из собрания И. И. Толстого, купившего монеты Ф. Ф. Шуберта. Принадлежал А. А. Ильину. Эрмитаж, № 191^ж.
5. Диам. 77 мм, толщина 26 мм, вес 1023 г. Гурт стоит по л. с., на обеих сторонах следы ржавчины на закраинах, на о. с. и под тиснением гурта заметны следы обточки кружка. ГИМ, кн. пост. № 203203.
6. Диам. 77 мм, толщина 26 мм, вес 1022,5 г. Гурт поставлен по л. с., сохранность кольца хорошая, следы ржавчины на закраинах обеих сторон, под чеканкой на обеих сторонах видны следы обточки. ГИМ, кн. пост. № 203102.
7. Диам. 77 мм, толщина 22 мм, вес 1023,5 г. Гурт поставлен по л. с., на оттиске штемпеля л. с. дата повреждена, вероятно, намеренно, чтобы выдать монету за чеканку 1770 г. Следы ржавчины на обеих сторонах, на о. с. следы обточки резцом, которые заметны и под оттиском штемпеля. ГИМ, кн. пост. № 203103.
8. Диам. 78 мм, толщина 25 мм, вес 1050,20 г. Гурт поставлен по л. с., часть гуртильного кольца с буквами «АГО Д.». отломана и при чеканке приставлена. Следы ржавчины на закраинах обеих сторон, следы обточки кружка на обеих сторонах, заметны и под оттиском штемпеля о. с. ГИМ, кн. пост. № 203104.
9. Диам. 76 мм, толщина 26 мм, вес 1021 г. Гурт поставлен по л. с. Коллекция В. Ф. Груздева, г. Пушкин.
10. Диам. 77 мм, толщина не указана, вес 1055 г. На закраине л. с. справа от герба следы небольших ударов. Coin Galleries, New York, July 11, 1955. The Bernard Komm Collection. Plate XVII, № 1395.
11. Диам., толщина и вес неизвестны, сохранность хорошая. В. М. И в е р с е н. Несколько редких и интересных русских монет из собрания В. М. Иверсена. Записки Нумизматического отделения имп. Русского Археологического общества, т. I, стр. 24, 25, табл. IV, № 38.
- 12 и 13. Диам., толщина и вес не указаны, сохранность хорошая. Вел. кн. Г е о р г и й М и х а й л о в и ч. Монеты царствования имп. Екатерины II, СПб., 1894, т. II, № 238. В описи коллекции В. Дюпона на л. 59 отмечено наличие 2-х экз.

Рис. 8. Новодельный сестрорецкий рубль 1771 г. 1-й вариант гуртильного кольца (описание, № 2).
Государственный Эрмитаж.

Монеты со вторым гуртом

14. Диам. 76 мм, толщина 26 мм, вес 1022,20 г. Гурт поставлен по л. с. Обе стороны кружка шабровались до чеканки, следы напильника видны на о. с. под оттиском штемпеля, а закраины прошаброваны, вероятно, и после чеканки, чтобы убрать следы ржавчины. На л. с. под чеканкой слабые следы параллельных линий. Происхождение неизвестно. Эрмитаж, основное собрание, № 191^e (рис. 9).
15. Диам. 80 мм, толщина 23—24 мм, вес 1040,80 г. Гурт поставлен по л. с., следы сколов у стыков кольца. Кружок до чеканки обрабатывался напильником, поверх следов которого отпечатались следы ржавчины, но о. с. заполирована, вероятно до чеканки. Оттиски штемпелей на обеих сторонах слегка смещены. Бывш. коллекция Алексева. Эрмитаж, кн. пост. 44-а/664, № 4642 (рис. 10).
16. Диам. 77 мм, толщина 26 мм, вес 1025 г. Гурт поставлен по о. с. На обеих сторонах следы обточки кружка резцом, стружка заламывалась. Следы ржавчины на закраинах не заметны. ГИМ, кн. пост. № 203105.
17. Диам. 75 мм, толщина 26—27 мм, вес 1023 г. Следы радиальной обработки резцом кружка, следы ржавчины на закраинах с обеих сторон. Коллекция В. Ф. Груздева, г. Пушкин.
18. Диам. 74 мм, толщина 27,5 мм, вес 1045 г. Кусочек кольца с буквами *ТНА* был отломан, приставлен при чеканке. Следы ржавчины на обеих сторонах. Коллекция Б. Е. Быховского, Ленинград.
19. Диам. 75 мм, толщина 25,5—26 мм, вес 1024 г. Следы шабровки на обеих сторонах кружка. Та же коллекция.
20. Диам. и толщина неизвестны, вес 1023,2 г. Следы шабровки на обеих сторонах. Коллекция М. И. Крючкова, Ленинград.
21. Диам. 77 мм, толщина 30 мм, вес 1028 г. Следы ржавчины счищены почти полностью. Adolph Hess Nachfolger, Frankfurt-M., Katalog 210. Russische Münzen des 14. — 18. Jahrhunderts. Dubletten russischer Museen, 1932, Nr. 1633, Taf. II; Felix Schlessinger, Berlin — Charlottenburg, Katalog 12. Sammlung aus ausländischem Museumsbesitz, 1934, Nr. 439, Taf. 2, Nr. 430.
22. Диам. 77 мм, толщина 26 мм, вес 1032 г. Следы ржавчины на л. с. (На о. с., возможно, счищены). J. Schulman, Catalogue de séries importantes de monnaies et médailles de diverses provenances, Amsterdam, 1930, N° 730, pl. XVI.
23. Диам. 76,5 мм, вес 1037 г. Следы ржавчины, гурт поставлен по о. с. Henry Selligmann, Hannover, Katalog IX. Münzen und Medaillen aller Zeiten und Länder, 1931, Nr. 1402, Taf. 14.
24. Диам. 75 мм, толщина неизвестна, вес 1017 г. Следы обточки кружка резцом. На закраинах следов ржавчины не заметно. Adolph Hess Nachfolger, Frankfurt-M., Sammlung des Herrn Gustav Klingert in Moskau. Russische Münzen, 1910, Nr. 1841, Taf. VIII.
25. Диам. и толщина неизвестны, вес 1040 г. Коллекция М. М. Максимова, Москва.
26. Данные о весе и размерах отсутствуют. Коллекция В. В. Узденникова, Москва.
27. Диам. 76 мм, толщина 29—27 мм, вес 1013,80 г. Отливка с подлинного рубля. Гос. Русский музей. № 1748.
28. Диам. 76 мм, толщина 25—26 мм. Гурт поставлен по о. с. Гальванокопия с неизвестного экземпляра рубля. Эрмитаж.
- 29 и 30. Данные о весе и размерах отсутствуют. Два экземпляра рубля со 2-м гуртом. Опись коллекции В. Дюпона, л. 59. (Бывш. собрание вел. кн. Георгия Михайловича).

Рис. 9. Новодельный сестрорецкий рубль 1771 г. 2-й вариант гуртильного кольца (описание, № 14).
Государственный Эрмитаж.

Тип гурта установлен быть не может

31. Диам. 76,5 мм, толщина неизвестна, вес 1022 г. На обеих сторонах следы ударов. На о. с. сверху, кажется, врезана какая-то надпись. Rudolf Kube, Berlin, Auktions-Katalog, Sammlung russischer Gold-, Silber- und Kupfermünzen nebst Medaillen. Aus dem Besitze des Herrn Herm. Hesse, Petersburg, 1910, Nr. 1151, Taf. III. Общим для новоделов сестрорецких рублей является употребление одной и той же пары штемпелей, в равной мере испорченных ржавчиной. Под штемпель поступали гурченные кружки и, как правило, гуртовая надпись поставлена по лицевой стороне, но

Рис. 10. Новodelный сестрорецкий рубль 1771 г. 2-й вариант гуртильного кольца (описание, № 15).
Государственный Эрмитаж.

у немногих экземпляров обеих разновидностей гурт перевернут. Общим признаком является и постоянное превышение весовой нормы. Литые кружки имели завышенный вес, и при их обточке снималась лишь часть лишнего. Многие кружки сохраняют следы обточки на токарном станке — в виде концентрических следов производившего обдирку резца. Они заметны иногда даже под оттисками штемпелей, а порою и под тиснением гурта, и наблюдаются в обеих группах, но более характерны для группы с 1-м гуртом.

Для части рублей 2-й группы характерна ручная обработка кружков (шайбровка напильником), иногда довольно небрежная. Как правило, это был прием подготовки кружка

Рис. 11. Антикварная подделка. Гравировка после травления кислотой. Государственный Эрмитаж.

что изготовление новоделов, начавшееся около середины 40-х гг., имело случайный, спорадический характер. Монеты выпускались от случая к случаю, по заказам отдельных лиц. Местом чеканки было, несомненно, медальное отделение Монетного двора с его прессами ручного действия.

Существует очень много антикварных подделок сестрорецких рублей. Выполнялись они главным образом способом травления с последующей доработкой резцом, на литых кружках, чаще всего желтой меди (латунь). По всей вероятности, подобная фальсификация получила особый размах после того, как не стало возможности добывать новоделы, т. е. во второй половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Петра III. СПб., 1896, Документы, № 35.
- ² М. К а ш к а р о в. Денежное обращение в России, т. I. СПб, 1898, стр. 1.
- ³ Там же, стр. 2—4.
- ⁴ Там же, табл. на стр. 24, 25.
- ⁵ Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Екатерины II, т. I. СПб., 1894, Документы, № 155.
- ⁶ Там же, № 156, 157, 158, 163.
- ⁷ Там же, № 167.
- ⁸ Там же, № 171, 200, 203, 252.
- ⁹ Там же, № 260 и 261.
- ¹⁰ РБС. Плавильщиков-Примо. СПб., 1905, стр. 276.
- ¹¹ «Санкт-Петербургские ведомости», 14 ноября 1835 г., № 260, стр. 1044.
- ¹² Архив АН СССР, ф. 88, оп. 2, № 74. Переписка Ф. И. Круга с Н. П. Румянцевым, № 160 (язык французский, как и далее).
- ¹³ Там же, № 166. Н. П. Румянцев руководил работой «Комиссии печатания Государственных Грамот и Договоров», созданной по его инициативе. В 1823 г. он занимался IV томом издания, где помещен и известный указ Алексея Михайловича. Н. П. Румянцев не совсем точно излагает его содержание и в одном из следующих писем исправляет свою ошибку.
- ¹⁴ Библиотека ОНГЭ. Рукопись Г. Л и с е н к о. «Историко-нумизматическое описание русских монет с изображениями», т. II, л. 141.

- ¹⁵ T. F. de Schuber t, Monnaies russes des derniers trois siècles, depuis le czar Ioan Wasiliewicz Groznyi jusqu'à l'empereur Alexandre II. Avec un Atlas, Leipzig, 1857, p. 208—209, N° 777.
- ¹⁶ S. de Chaudoir, Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, vol. I—III, Saint-Petersbourg — Paris, 1836—1837; С. де Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Перевод с французского В. А. [Анастасевич], СПб., 1837, ч. I, «Собрание изображений» — 1837, ч. II — 1841.
- ¹⁷ Записки имп. Академии наук, вып. 35, СПб., 1879, Протоколы, стр. 56.
- ¹⁸ Архив Эрмитажа, опись VI, П, № 127. См. В. von Kühne, Belohnung-Medaillen Peters des Großen in der Schroll'schen Sammlung, «Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde», Bd. IV, Berlin, 1868; см. также Bd. V, 1870, S. 144 — о продаже коллекции; Б. Кенне. Наградные медали в коллекции г. Шролля. Древности, т. III, вып. 1. М., 1879, стр. 62. О самом Г. Ф. Шролле, уроженце Архангельска, но большую часть жизни прожившем в Петербурге, известно удивительно мало. Записки Г. И. Лисенко относят начало его собирательской деятельности к 1820-м гг., по-видимому, он был еще жив в 1882 г., когда Ю. Б. Иверсен издал альбом миниатюрных гравированных портретов «Любители русских древностей». В списке портретированных Шролля назван среди живых.
- ¹⁹ Х. Гиль. Таблицы русских монет двух последних столетий. СПб., 1883, стр. 41—43 (гурты).
- ²⁰ Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Екатерины II, т. II, СПб., 1894, стр. 34, 35, № 237 и 238.
- ²¹ Х. Гиль. Таблицы русских монет двух последних столетий. Изд. 2-е. СПб., 1898, стр. 35. См. также: А. Ильин и И. Толстой. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. Руководство для собирателей. СПб., 1910, стр. 13.
- ²² П. фон Винклер. Из истории монетного дела в России. Медные рубли 1770—1778 г. СПб., 1899, стр. 11.
- ²³ Коллекция вел. князя, переданная им в 1910 г. Музею Александра III, во время первой мировой войны была эвакуирована, а в начале 1918 г. похищена, вывезена за границу и оказалась в распоряжении вдовы собирателя. Распродажа монет началась в 1950 г. в Лондоне. Часть коллекции, приобретенная В. Дюпоном (США) в течение некоторого времени экспонировалась в Смитсоновском музее, а в 1966 г. была предложена для приобретения Министерству культуры СССР. Полученная при этом опись впоследствии поступила в Эрмитаж. В 1-й части на л. 58 значится: «1770, медь, рубль, (нет в Г. М.)» — т. е. не описана в издании: Вел. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования имп. Екатерины II. В 1967 г. часть этой коллекции (преимущественно золото и платина), в количестве 257 предметов, попала в руки гангстеров, ограбивших виллу Дюпона («The Numismatist», January 1968, 37—38).
- ²⁴ Вел. кн. Георгий Михайлович. Список монет, недостающих в моем собрании. СПб., 1902, стр. 55.
- ²⁵ Деление кольца на 2 дуги в 180° невозможно — они не снимались бы с монет.
- ²⁶ Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, Bd. I, St. Petersburg, 1842, S. 422, Nr. 4626. Разрешение цензора датировано 1847 годом.
- ²⁷ ОНГЭ. Рукопись «Каталог русских монет императорского Эрмитажа», т. II, стр. 471, № 5517.
- ²⁸ T. F. de Schuber t, op. cit., p. 208, 209.
- ²⁹ Записки имп. Академии наук, вып. 35, 1879, стр. 56 (Протоколы).
- ³⁰ L. von Pansner, Tabellarische Übersicht von Rußlands Münzen nebst Angabe ihres Gehalts und wieviel derselben in jedem Jahre geprägt worden sind, Leipzig, 1836, S. XXXV.
- ³¹ Dr. L. von Pansner, Versuch einer tabellarischen Übersicht der russischen Münzen, Sankt-Petersburg, 1831.
- ³² С. де Шодуар, ук. соч., ч. I, стр. 200.
- ³³ «Северная пчела», 1841, № 146; Записки С.-Петербургского Археолого-нумизматического общества, т. I, 1844, стр. 432 и сл.
- ³⁴ И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник (Тр. ГИМ, вып. XXV), М., 1955, стр. 83.
- ³⁵ И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л. — М., 1964, стр. 22.
- ³⁶ Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, стр. 180, примечание I: «... монеты, чеканенные на С.-Петербургском монетном дворе, большую часть при Екатерине II, копиями старых штемпелей и даже вновь придуманными. Все они, к счастью, по высочайшему повелению императора Николая I уничтожены около 1840 года. Сообщено мне это г. Я. Рейхелем, присутствовавшим при уничтожении этих штемпелей».

НАГРАДНЫЕ МЕДАЛИ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1769—1770 гг.

В русско-турецкой войне 1769—1774 гг. столкнулись интересы таких могущественных держав, как Россия, Англия, Австрия и Франция. Поставив перед собой задачу коренным образом решить черноморскую проблему, русское правительство начало военные операции на суше и на море. Сухопутные войска действовали под предводительством П. А. Румянцева, ожидая поддержку флота на трех морях, — Азовском, Черном и Средиземном. Кроме того, посланные в Морею русские агенты готовили восстание греческих городов, находившихся под турецким игом.

Сражения на суше начались зимой 1769 г., вскоре после официального объявления войны. Одновременно в Кронштадте шла лихорадочная тайная подготовка к отправке в Средиземное море военной экспедиции. Корабли перед дальней дорогой из Балтийского моря через Гибралтар в Средиземное море срочно пришлось обшивать тесом и конопатить смоленным войлоком. Отсюда вся эскадра получила несколько ироническое название «обшивной», под которым она упоминается и в официальных документах. Командир Кронштадтского флота вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов 4 июня 1769 г. был произведен в адмиралы и назначен начальником эскадры¹.

18 июля состоялось торжество отправки эскадры Спиридова, на котором присутствовала сама императрица с небольшой свитой². Вечером того же дня корабли снялись с рейда. Начался тяжелый четырехмесячный поход, которого еще не знал русский флот со времени своего основания.

Экспедиция была осложнена многими трудностями. Болезни среди экипажа, неисправности судов, дипломатические переговоры задерживали продвижение эскадры, вслед которой слались высочайшие депешы с нетерпеливыми требованиями торопиться, пока противник не разгадал смелого стратегического хода. 18 ноября флагман «Св. Евстафий» первым прибыл в Порт-Магон. Позднее к нему присоединились и другие, вышедшие с ним одновременно суда, а потом эскадра под командованием Д. Эльфинстона³.

Приход Архипелагской экспедиции в Средиземное море был чрезвычайным событием. Естественно, что мимо него не мог пройти и Я. Я. Штелин, автор большинства русских медалей того времени. Среди бумаг Штелина сохранился помеченный 1770 г. лист с наброском медали, на которой изображен флот в открытом море. Сверху листа надпись по-французски: «Оборотная сторона медали на прибытие русского флота в Средиземное море». Адресат, которому Штелин предполагал послать проект, — гр. Иван Григорьевич Чернышев, вице-президент Адмиралтейц-Коллегии, принимал живейшее участие в делах экспедиции. Под наброском помещены несколько проектов латинских надписей, как например: «До Геркулесовых столпов», «Неожиданно», «Дошли туда, куда никто не доходил» и др. В обресе медали должна была стоять надпись «морская экспедиция в Азию»⁴. Проект не получил осуществления, события разворачивались быстро, и последовавшая вскоре Чесменская победа затмила собой ее предысторию. В проектах остались и шест-

надцать медалей задуманной Штелиным серии на события русско-турецкой войны 1769—1774 гг.⁵

Архипелагская экспедиция блестяще оправдала себя. Сражение при Чесме, где была истреблена значительная часть турецкого флота, явилось кульминационной точкой успехов русских в Средиземном море.

Коллекция медалей Эрмитажа обладает исключительной по своей полноте группой памятников, связанных с Архипелагской экспедицией. Посвященная им литература носит сугубо описательный характер, поэтому интересно обратиться к источникам и документам, освещающим историю их создания.

Вскоре после Чесменской битвы Адмиралтейц-Коллегия решила отчеканить медаль в честь Алексея Григорьевича Орлова, номинального командующего русскими эскадрами, которому была приписана слава победителя в сражении, выигранном Спиридовым⁶.

В письме от августа 1770 г. к И. Г. Чернышеву Екатерина сообщает: «И бысть России радость и веселие!» — такую надпись я выбрала для медалей, кои Адмиралтейство сделает гр. А. Гр. Орлову; на одной стороне будет его профиль, окружена как водится его именем и пр., а на другой акция сожжения флота, примерно как приложенный рисунок, но сколь возможно сходственнее с планом акции. В *exerge* напишется Чесма 24 и 26 июня 1770»⁷.

Несколько позднее императрица подробно описывает орловскую медаль, подчеркивая выразительность надписей на русском языке⁸, «...который, происходя от славянского особенно удобен для надписей».

Изготовление медалей в честь А. Г. Орлова было приурочено к годовщине Чесменской победы. За неделю до торжества, 15 июня 1771 г. И. Г. Чернышев пишет президенту Берг-Коллегии гр. А. Е. Мусину-Пушкину: «...При сем имею честь послать к вашему сиятельству два штемпеля, которые покорнейше прошу закалить приказать, сделав удобными к тиснению медалей. Которые впрочем надобны необходимо к 22 числу нынешнего месяца хотя на вечер. Излишне кажется напоминать вашему сиятельству, чтоб рекомендовано было мастеровым людям осторожность, чтоб оные были невредимы и тайность, чтоб до времени про них никто не знал, а остается мне теперь только, что золотых было на 500 червонных, серебряных на 1000, но из самого чистого серебра, да бронзовых 30»⁹.

В письме Мусину-Пушкину от 22 июня Чернышев с благодарностью извещает о получении 10 золотых медалей по 100 червонцев и добавляет: «Вам мой государь известно, сколь мне таковых же серебряных до 40 медалей к пятнице т. е. 24 числа к 12 часу или лучше сказать после обедни надобно»¹⁰.

24 июня 1771 г. в доме И. Г. Чернышева состоялось торжественное празднование Чесменской победы. Всем присутствующим были розданы медали в честь А. Г. Орлова¹¹. На лицевой стороне медалей изображен поясной портрет Орлова в парадной форме кавалергарда, в каске с пышным плюмажем, с жезлом полководца в руках. Вокруг портрета надпись — *гр. а. гр. орловъ. побѣдитель и истребителъ турецкаго флота*. Под портретом подпись медальера Иоганна Балтазара Гасса: *J. B. Gass*. Обратная сторона медали занята планом Чесменского сражения, над которым на бандероли надпись: *И бысть россіи радость и веселіе*, в обрезе: *Чесма іюня 24. и 26 1770 въ благодарностъ побѣдителю отъ адм. колл.*¹² (рис. 1). Этот памятник — один из ярких образцов медальерного искусства второй половины XVIII в. Портрет Орлова можно по праву назвать самой удачной работой Гасса. Обратная сторона медали с планом сражения и выразительной надписью решена как мемориальная доска в память побед русского флота.

Развитие русской медали в XVIII в. шло по трем основным линиям — памятные медали, медали в честь выдающихся государственных деятелей и наградные. Медаль в честь Орлова соединяет в себе черты всех трех групп. Посвященная памяти Орлова, она вместе с тем прославляет успехи русского оружия. Кроме того, золотые и серебряные экземпляры этой медали были разосланы как награды высшим офицерам — участникам Чесменского сражения. В ноябре 1771 г. И. Г. Чернышев посылает одну из них Г. А. Спиридову с сопровождающим ее письмом:

Рис. 1. Медаль в честь А. Г. Орлова.
Работа И. Б. Гасса, 1770 г.

«Адмиралтейц-Коллегия в честь победителю турецкого флота сделала медали и презентуя оные тому она за наипристойнее почла за непременно подходит к вашему высокопревосходительству яко соучастнику сей знаменитой победы, послала золотую медаль, каковой кроме его самого никому дано не было, кою я по повелению Адмиралтейц-Коллегии и препровождаю, а при сем же приложены две серебряные медали для господ контр-адмиралов Елманова и Грейка, которые прошу ваше высокопревосходительство им доставить»¹³.

Для матросов и солдат, участвовавших в Чесменском сражении,

указом от 23 сентября 1770 г. была учреждена наградная медаль: «Жалуем мы еще всем находившимся на оном во время сего счастливейшего происшествия как морским так и сухопутным нижним чинам серебряные на сей случай сделанные медали, и соизволяем, чтоб они в память того носили их на голубой ленте в петлице»¹⁴.

На лицевой стороне наградной Chesменской медали изображен профильный портрет Екатерины II, окруженный надписью: *б. м. екатерина II. императ. и самодерж. всеросс.* Внизу подпись медальера: *Т. Ивановъ*. На оборотной стороне над охваченным пламенем турецким флотом надпись *бьль*. Внизу в обресе: *Чесме 1770 года июля 24 д*. Над обресом справа — монограмма медальера Самойлы Юдина¹⁵ (рис. 2).

Награждение медалями за Чесменский бой растянулось на несколько лет. В делах Архива Морского Министерства за 1777 г. еще встречаются поданные для награждения списки участников сражения¹⁶.

Среди медалей эрмитажного собрания, связанных с русско-турецкой войной 1769—1774 гг., есть несколько редких экземпляров, назначение которых до последнего времени было неясным. Это золотые медали весом в 20, 15, 12 и 5 червонцев и две серебряные размером и весом в рублевик. Все они имеют ушки, что прямо указывает на их наградной характер.

На лицевой стороне золотых медалей профильный погрудный портрет Екатерины II в короне, в богатом парадном платье и мантии с лентой ордена Андрея Первозванного через плечо. Подпись медальера на двух больших медалях начертана полностью — Тимофей Иванов, на меньших — Т. Иванов. Круговая надпись: *б. м. екатерина II. имп. и сам. всер. заступница вѣрнымъ*. На оборотной стороне — на берегу бурного моря Константинопольский храм св. Софии. Молния, сверкнувшая из облаков, которые окружают парящий в небе крест, разрушает минареты храма-мечети. По сторонам надпись: *потщитесь — и низринется*, внизу в обресе — *поборнику православия* (рис. 3). Аналогичные изображения и надписи имеются на серебряных медалях¹⁷ (рис. 4).

Медали эти чрезвычайно редки. В XVIII в. единственный раз одна из них была упомянута в парижском издании 1796 г. Анонимный автор его, посетивший Россию в 1790—1792 гг., описывает увиденную им в коллекции генерала Сухтелена медаль, «изображающую разрушение Софийского храма в Константинополе». Медаль, как он сообщает далее, «была сделана в память рождения великого князя Константина, которого императрица хотела возвести на греческий престол»¹⁸. Такое ошибочное определение объясняется, очевидно, тем, что в 1779 г. действительно была отчеканена медаль в память рождения Константина, на оборотной стороне которой аллегорические фигуры — Вера, Надежда и Любовь, держат новорожденного на фоне виднеющегося вдали Софийского собора¹⁹.

Медаль «поборнику православия» не встречается ни в печатных, ни в рукописных нумизматических трудах XVIII в.²⁰ Казалось бы, раньше многих должен был узнать о всякой

Рис. 2. Наградная медаль для матросов — участников Чесменского сражения. Работа Т. Иванова и С. Юдина, 1770 г.

Рис. 3. Офицерские золотые медали для участников Архипелагской экспедиции 1769—1770 гг. Работа Т. Иванова и С. Юдина (в незначительном уменьшении).

русской медали Я. Штелин, однако, ее нет в составленном им рукописном каталоге русских медалей 1778 г. Нет упоминаний об этой медали в переписке Штелина с хранителем Британского музея Кингом, для которого Штелин подбирал и высылал русские медали²¹.

В 1842 г. Рейхель в каталог своей коллекции включил серебряную медаль «поборнику православия», которую он считал не получившим осуществления проектом наградной медали за русско-турецкую войну 1769—1774 гг.²² Спустя 30 лет Ю. Б. Иверсен опубликовал несколько принадлежавших ему отисков

медалей из своей коллекции и что особенно ценно, привел выдержки из дел архива Монетного двора, ныне недоступных, поскольку архив погиб в 1917 г. В документах Монетного двора медали 1769 г. названы: «медали на нынешний военный случай». Было приказано отчеканить различных величин золотые медали: 20 медалей по 20 червонцев, 30 медалей по 15 червонцев, 40 медалей по 12 червонцев, 100 медалей по 5 червонцев и 200 медалей по 3 червонца. Предписывался также выпуск серебряных медалей весом в 18, 15, 10, 5 и 2 золотника²³.

По неизвестным причинам штемпели лицевых сторон медалей оказались уничтоженными и ко времени выхода в свет наиболее полного каталога штемпелей Петербургского Монетного двора (1908 г.) назначение оставшихся штемпелей оборотных сторон было уже неясно для составителя каталога, включившего их без какого-либо объяснения в раздел «сохранившихся от медалей царствования Екатерины II отдельных штемпелей»²⁴. Медаль «поборнику православия» не упомянута также и в литературе о русских наградных медалях²⁵.

Все, казалось бы, свидетельствует о том, что описанные выше памятники эрмитажного собрания являются лишь пробными экземплярами не выпущенных наградных медалей, если бы не история одной из них. С 1889 г. в Чесменской бухте велись водолазные работы по обследованию места сражения. В 1900 г. Морской музей получил значительное количество вещей из обломков «Св. Евстафия». В их числе были предметы для богослужения, русские и иностранные монеты, несколько серебряных русских медалей²⁶. Годом позднее 6 апреля 1901 г. в Эрмитаж поступила золотая медаль «поборнику православия» с записью: «найдена на дне Чесменской бухты в обломках затонувшего корабля «Св. Евстафий»²⁷. Водолазные работы на «Евстафии» продолжались еще несколько лет, однако, никаких новых сведений о находках там медалей нет.

Находка медали «поборнику православия» на борту «Св. Евстафия» позволяет высказать ряд предположений по поводу назначения всей группы памятников.

Во время отправления «обшивной» эскадры экипаж был буквально осыпан монаршими милостями. Спиридов получил орден, 4 тыс. рублей подъемных, кроме 700 рублей ежемесячного жалования и 480 тыс. на чрезвычайные расходы, все офицеры «третье жалование не в зачет»²⁸. Медали «поборнику православия», по-видимому, также были задуманы как своего рода папущение в трудном и опасном деле. Обычно наградные медали поступали в распоряжение лица, командующего всей операцией. Руководство Архипелагской экспедицией, связь действия русского флота и повстанцев на материке были поручены гр. А. Г. Орлову. Находясь в Италии — в Венеции, а затем в Ливорно, он держал в своих руках все нити этого сложного предприятия. Между Орловым и Петербургом поддерживалась оживленная переписка. В одном из писем императрицы Орлову от 6 мая 1769 г. имеются

Рис. 4. Серебряная медаль для участников Архипелагской экспедиции 1769—1770 гг. Работа Т. Иванова и С. Юдина.

следующие строки: «Чаю и ревеню приказала к вам отправить, также новосделанные медали и панагеи, а с флотом отправлю церковную утварь, ризы и книги»²⁹. Из «новосделанных медалей» 1769 г. можно назвать только одни «поборнику православия», видимо, посланные Орлову для наград участникам экспедиции.

Вместе с А. Г. Орловым в Италии находился его брат Федор Григорьевич, обер-прокурор Сената, принимавший активное участие в действиях русских агентов в Море. Он первым присоединился к эскадре Спиридова, прибыв 23 ноября 1769 г. в Порт-Магон, где с 18 ноября стоял «Св. Евстафий»³⁰. На этом корабле Ф. Орлов и пребывал вплоть до дня Чесменского боя. Во время сражения «Св. Евстафий» был в авангарде русского флота. Видя, что корабль приблизился к горящему турецкому кораблю «Реал-Мустафа», Спиридов вместе с Ф. Орловым и несколькими офицерами команды перешли в шлюпку, незадолго до того, как флагман русской эскадры взлетел на воздух. Большая часть команды погибла, капитан корабля А. И. Круз чудом спастся³¹.

Золотая медаль «поборнику православия», найденная спустя 130 лет в обломках затонувшего корабля, могла принадлежать кому-либо из лиц, находившихся на нем в момент боя. Можно предполагать, что она принадлежала скорее всего Ф. Г. Орлову, который получил ее от брата не только в силу родства (что было вполне обычным явлением в то время), но и в качестве награды за заслуги в войне. Деятельность Ф. Орлова высоко расценивалась в Петербурге, императрица очень часто лестно отзывалась о нем в переписке тех лет³².

Рескрипты Екатерины II А. Г. Орлову, Г. А. Спиридову, манифесты, разосланные агентами в Море, изобилуют высокопарными фразами о борьбе с противниками и притеснителями христианства — турками. «Мы ... рассудили воспользоваться настоящим случаем к облегчению жребия христианских в Греции на твердой земле и на Архипелагских островах под жестоким игом злосчастия магометанского страждующих народов», — так гласит высочайший рескрипт на имя Спиридова³³. «Потщитесь и низринется» (власть турок — Е. III.) — призывает медаль, объявляющая Россию заступницей поправленного христианства.

Медаль «поборнику православия» — интереснейшее явление среди русских наградных медалей XVIII в. В то время, как подобные воинские награды еще со времени Петра I давались за участие в успешном сражении или после окончания войны, эта медаль была своего рода напутствием, пожеланием счастливого исхода кампании, которым правительство хотело поощрить ее участников. Отсутствие даты подтверждает это предположение.

Известно, что итоги русско-турецкой войны 1769—1774 гг. не оправдали всех надежд русского двора. Соотношение сил в Европе, необходимость решения польской проблемы, а главное — крестьянское восстание Пугачева внутри страны, — заставили заключить Кучук-Кайнарджийский мир, так до конца и не решивший черноморской проблемы. Понятно, что медаль, предсказывавшая полное поражение Турции, в этой ситуации оказалась одиозной и не получила распространения. История русской медали знает случаи, когда подобные выпуски изымались специальными указами³⁴. Поскольку все, что было связано с подготовкой Архипелагской экспедиции, держалось в строжайшей тайне (возможно, проект медали из этих же соображений был составлен самой императрицей), ее легко было изъять из истории наградной медали в России. Тем большую ценность приобретает группа наградных медалей Архипелагской экспедиции, хранящаяся в эрмитажной коллекции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общий морской список, СПб, 1885, ч. II, стр. 404.

² Камер-фурьерский журнал за 1769 г., стр. 142, 143.

³ Е. В. Т а р л е. Три экспедиции русского флота. М., 1956, стр. 57.

⁴ Архив АН СССР, ф. 170, оп. I, № 29, л. 32.

⁵ Там же, л. 21—30.

⁶ С. У ш а к о в. Жизнь графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. СПб., 1811, ч. II, стр. 100.

- ⁷ Русский Архив. СПб., 1871, столбец 1341. См. Д. А. Р о в и н с к и й. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887, т. II, стр. 1399. Слова взяты из Евангелия от Луки.
- ⁸ Сб. ИРИО, т. 13, СПб., 1874, стр. 120, 121.
- ⁹ ЦГИА ВМФ, ф. 172, оп. 310, л. 41, 42.
- ¹⁰ Там же, л. 46.
- ¹¹ С. У ш а к о в, ук. соч., ч. III, стр. 38.
- ¹² Ю. Б. И в е р с е н. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1885, ч. II, стр. 68.
- ¹³ ЦГИА ВМФ, ф. 172, оп. 310, л. 84. Посылая Спиридову золотую медаль Адмиралтейц-Коллегия стремилась «позолотить пиллюлю, компенсировать обиженного адмирала, у которого было отнято заслуженное право считаться победителем турецкого флота. В ОНГЭ имеется серебряная, Орловская, медаль с ушком для ношения.
- ¹⁴ ПСРЗ, т. XIX, СПб., 1830, № 13512.
- ¹⁵ СРМ, № 167. Дата на медали неверна.
- ¹⁶ Описание дел архива Морского Министерства, т. V, СПб., 1878, стр. 635, № 1448.
- ¹⁷ ОНГЭ: А-з 262, золото, диам. 53 мм, вес 69,33 г с ушком; А-з 263, золото, диам. 48 мм, вес 51,96 г, с ушком; А-з 264, золото, диам. 45 мм, вес 41,65 г, с ушком; А-з 265, золото, диам. 31 мм, вес 17,34 г; РМ 1428, серебро, диам. 39 мм, вес 24,63 г.
- Имеются также оттки штемпелей золотых медалей в серебре, которые следует считать лишь пробными экземплярами.
- ¹⁸ Voyage de deux français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne fait en 1790—1792, vol. III, Paris, 1796, p. 48, 103.
- ¹⁹ СРМ № 185.
- ²⁰ Медали нет ни в анонимном издании Дмитриева-Мамонова 1770 г. («Слава России или собрание медалей дел Петра Великого и еще некоторые». 1770 г. июня 4 дня [без указания места издания]), ни у Тиргала (P. R i c a u d de T i r e g a l, Médailles sur les principaux événements de l'Empire de Russie, Potsdam, 1772), ни в рукописном томе Медальных Комитетов, наиболее полно охватывающем русские медали до конца 70-х гг. XVIII в. (РОГПБ F—IV—64). Нет ее также и в рукописном каталоге медалей и штемпелей коллекции И. И. Шувалова 1773 г. (ЦГИАЛ, ф. 783, оп. I, № 570, л. 50—53).
- ²¹ Cabinet des médailles russes de la naissance de Pierre le Grand jusqu'à nos jours, 1778. (Архив АН СССР, ф. 170, оп. I, № 43. Переписка с Кингом. РОГПБ, ф. 871, Штелин, № 202). В письмах Кинга и Штелина 1771—1785 гг. подробно перечисляются все вышедшие в то время в России медали.
- ²² Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, Bd. I, St. Petersburg, 1842. У Рейхеля была серебряная солдатская медаль (№ 2451) и оттиск малой золотой в серебре (№ 2452).
- ²³ Ю. Б. И в е р с е н. Неизданные и редкие медали Юлия Иверсена. СПб., 1874, стр. 7, 8.
- ²⁴ В. П. С м и р н о в. Описание русских медалей. СПб., 1908, стр. 167 и 171.
- ²⁵ Л. И. Г о л е н и щ е в - К у т у з о в. Медали на знаменитейших происшествиях до флота относящиеся. Записки ученого Комитета Морского штаба, ч. VIII—XI, СПб., 1829—1834; Н и к о л а е в. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии, т. II (1725—1801 гг.). СПб., 1899. В обеих работах упомянуты лишь наградные медали за Чесменское сражение.
- ²⁶ С. Ф. О г о р о д н и к о в. Модель-камера, впоследствии Морской музей имени императора Петра Великого. СПб., 1909, стр. 71.
- ²⁷ ОНГЭ. Русские поступления 1894—1916 гг., л. 47, № 30. В книге поступления не указан вес поступившей медали, но по внешнему виду всех четырех золотых медалей можно судить, что со дна моря была поднята самая большая из них.
- ²⁸ РБС, Смеловский — Суворина, стр. 247.
- ²⁹ Сб. ИРИО, т. I, СПб., 1867, стр. 19.
- ³⁰ Выпись из дневных записок одного российского путешественника из Балтийского в Средиземное море в 1769—1770 гг. (записки Г. А. Спиридова). «Старина и новизна», ч. I, СПб., 1772, стр. 20.
- ³¹ А. Я. Г л о т о в. Чесменский бой. «Отечественные записки», т. III, СПб., 1820, стр. 64, 65. Глотов сообщает интересную подробность «... Плавая на обломке Круз удивился собственной тяжести ..... вспомяв, что у него все карманы были наполнены червонцами, которые он перед сражением на случай себе положил,.... с поспешностью выгрузил их из ближайших карманов и облегчил себя до того, что мог подплыть к плававшей близ него мачте». Возможно, вместе с золотыми монетами он положил в карман и медаль.
- ³² Сб. ИРИО, т. 10, СПб., 1872, стр. 415, 416, 419, 420, 424. Медаль могла принадлежать также и другому лицу, погибшему на борту «Евстафия» князю Ф. А. Козловскому, посланному в 1769 г. курьером к А. Г. Орлову в Италию, который оставил его при себе. (А. В е й д е м е й е р. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия, ч. I. СПб., 1846, стр. 90).
- ³³ Ф. В. В е с е л а г о. Материалы для истории русского флота. СПб., 1886, ч. II, стр. 370; см. также: Манифест к славянским народам Балканского полуострова 19 января 1769 г. Сб. ИРИО, т. 87, СПб., 1893, стр. 323.
- ³⁴ Так, например, известны специальные указы времени царствования Елизаветы об изъятии и обязательном возвращении в казну монет Иоанна Антоновича и медалей на смерть Анны Иоанновны, на которых изображено Провидение, дарующее России наследника престола — младенца Иоанна. См. М. Г. Д е м м е н и. Сборник указов по монетному и медальному делу в России. СПб., 1887, т. I, стр. 382.

ДВЕ ПЕЧАТКИ С ГЕРБОМ гр. ПЛАТОВЫХ

В сфрагистическом собрании отдела нумизматики хранятся две печати с гербом гр. Платовых. Одна из них, выполненная из горного хрусталя, происходит из коллекции А. А. Войтова и атрибутирована им как печать казачьего атамана М. И. Платова¹.

Вторая — стальная с деревянной рукояткой поступила из бывшего Гербового музея. В картотеке коллекции, составленной гербоведом В. К. Лукомским, значится как принадлежавшая сыну атамана М. И. Платова, Ивану Матвеевичу².

Обе печати, разные по форме, имеют совершенно одинаковую гербовую композицию с включенными в нее орденовыми знаками.

Первая печать с гербом Платовых значительно отличается от остальных печаток эрмитажного собрания. Изготовленная из целого кристалла горного хрусталя, она имеет форму катушки. Ее профиль плавный и упругий. Высота 8, 5 см. Рукоять обработана алмазной гранью, которая, преломляя свет, придает изделию своеобразный вид. Полу-сферическая верхняя часть рукоятки удобна для охвата рукой, рисунок граней подчеркивает роль рукоятки как несущей части, плоская овальная нижняя грань образует «рабочее поле» печати.

Геометрическая четкость и строгость форм платовской печати позволяет сделать вывод, что этот экземпляр, относящийся ко второму десятилетию XIX в., выполнен еще в стиле русского классицизма последней трети XVIII в. Печатка интересна и тем, что она двусторонняя. На верхней плоскости, ограниченной изображением символа вечности (змея, держащая в пасти свой хвост), вырезан вензель из латинских букв, которые можно прочесть как GIP. Овальная форма нижней плоскости соответствует гербовой композиции; очень точно и искусно вписанной в овал.

Герб изображен со всеми присущими ему атрибутами. В центре щита — малый щиток (червлёный), где изображен сидящий на коне казак с булавой в руках. За щитком в лазоревом поле видны два скрещенных жезла (насеки) и два бунчука. Над щитком — дворянская корона. В золотой главе большого щита — «возникающий» императорский орел — знак жалованного герба. В нижней части щита — восемь пушек на фоне знамен. Над щитом — графская корона, над ней — три шлема с нашлемными фигурами; щитодержатели — два казака со знаменами. Под щитом — девиз «За верность, храбрость и неутомимые труды» и орденовые знаки.

Как известно, один из героев Отечественной войны казачий атаман гр. Матвей Иванович Платов за большие военные заслуги был награжден орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Георгия II, III и IV классов, Владимира I, II и III степеней, Анны I степени и Иоанна Иерусалимского³.

Эти ордена и должны быть изображены на его печати. Однако на хрустальном экземпляре видны другие орденовые знаки, а именно: Анны, Владимира, прусского ордена «Pour le Mérite», французского Почетного Легиона и медаль участника войны 1812 года.

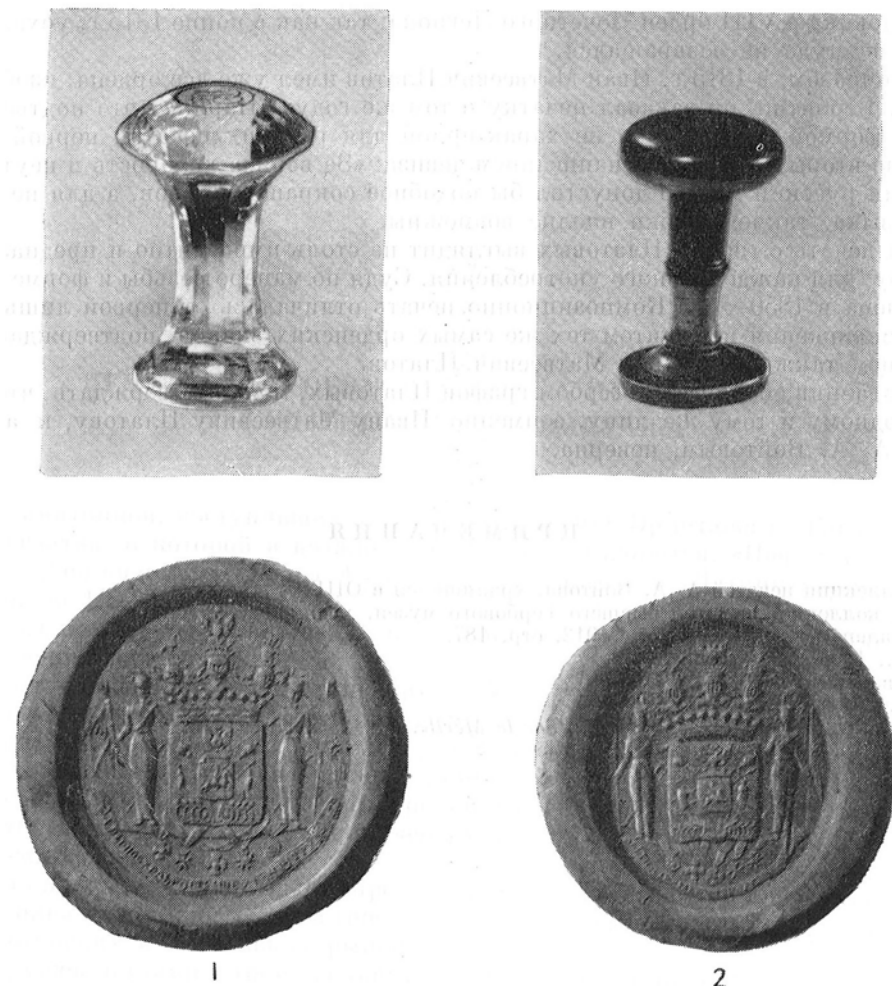

Рис. 1. Печати И. М. Платова.

1 — общий вид первой печати и ее матрица, 2 — общий вид второй печати и ее матрица.

Судя по инициалам и орденским знакам, печатка принадлежала не самому атаману М. И. Платову, а его второму сыну Ивану Матвеевичу-младшему (1795—1874 гг.), казачьему полковнику.

Начиная с 1808 г. И. М. Платов служил в Атаманском полку своего отца, участвовал в русско-турецкой войне 1809—1812 гг., во время Отечественной войны сражался у Гродно, Смоленска, Бородина, Малоярославца. В 1820 г. Иван Матвеевич вышел в отставку. До своей смерти в 1874 г. он безвыездно жил в Новочеркасске, имея большой конский завод и поставляя коней для армии.⁴

Как известно, Матвей Иванович Платов был возведен в потомственное графское достоинство в октябре 1812 г. Следовательно, печать, о которой идет речь, не могла быть выполнена ранее этого года.

Иван Матвеевич получил первый орден Владимира IV степени 3 июня 1813 г.⁵ Орденом Анны II степени он был награжден в декабре 1814 г.,⁶ а прусским орденом «Pour le Mérite» — в ноябре 1815 г.⁷ Вероятно, в это же время Платов получил от французского

короля Людовика XVIII орден Почетного Легиона, так как в конце 1815 г. уехал из Франции и больше туда не возвращался.

Таким образом, в 1815 г. Иван Матвеевич Платов имел уже все ордена, изображенные на печатке. Вероятно, он заказал печатку в том же году в Париже, что подтверждается, во-первых, формой, совершенно не характерной для русских печаток первой половины XIX в. и, во-вторых, неверным написанием девиза: «За вернос храбрость и неутомим труды». Едва ли русский мастер допустил бы подобное сокращение слов, а для не знающего русского языка, такие ошибки вполне возможны.

Вторая печать с гербом Платовых выглядит не столь импозантно и предназначалась, по-видимому, для каждодневного употребления. Судя по манере резьбы и форме рукоятки, она выполнена в 1850-х гг. Композиционно печать отличалась от первой лишь иным порядком расположения под щитом тех же самых орденских знаков, подтверждающих, что ее владельцем также был Иван Матвеевич Платов.

Итак, сравнив обе печати с гербом графов Платовых, можно утверждать, что они принадлежат одному и тому же лицу, а именно Ивану Матвеевичу Платову, и атрибуция, сделанная А. А. Войтовым, неверна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список коллекции печатей А. А. Войтова, хранящийся в ОНГЭ.

² Картотека коллекции печатей бывшего Гербового музея, хранящейся в ОНГЭ.

³ Военная галерея 1812 года. СПб., 1912, стр. 187.

⁴ РБС. СПб., 1905, т. 14, стр. 20, 21.

⁵ Список кавалерам, 1838, ч. 2, стр. 146.

⁶ Там же, ч. 3, стр. 129.

⁷ G. L e h m a n, *Die Ritter des Ordens Pour le Mérite*, Bd. 2, Berlin, 1913, S. 350—351.

ПЕЧАТКА ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Среди памятников, поступивших в отдел нумизматики Эрмитажа из Гербового музея, интересна печатка, о которой в каталожной карточке говорится: «Печать с гербом рода Энгельгардт... по-видимому, Егора Антоновича Энгельгардта. Датируется после 1820 г. и, вероятно, до 1852 г.»¹

Перед исследователем стоят две задачи — определить кому принадлежала печатка и как можно точнее датировать ее.

Печатка стальная с белой костяной рукояткой, грибообразной формы, характерной для подобных изделий 1850-х гг., на овальной матрице помещен герб рода Энгельгардт. Гербовый щит пересечен. В верхнем, лазоревом, поле — шестиугольная золотая звезда, в нижнем, червленом, — три серебряные лилии².

Щит увенчан шлемом с дворянской короной и клейнодом (нашлемной фигурой) — два черных орлиных крыла и между ними «возникающий» ангел с мечом в правой руке и пальмовой ветвью в левой.

Гербовый щит положен на Владимирскую звезду и Мальтийский крест таким образом, что четыре конца креста видны из-за гербового щита, — композиция, распространенная на гербах Мальтийских и Тевтонских рыцарей³.

Щит окружен лентами с тремя знаками орденов — Владимира, Анны и Мальтийского. Девиз герба — «Loyal et Franc» (Верный и свободный).

Мальтийский орден, искавший связей с Россией с начала XVII в., достиг некоторых успехов лишь при Екатерине II в связи с наличием общего врага — Турции. В царствование Павла I резиденция Ордена была перенесена в Петербург, а сам Павел в 1798 г. был избран великим магистром. Пришедший к власти в 1801 г. Александр I отказался от звания великого магистра, Орден потерял свое значение, а в 1817 г. был «официально признан несуществующим в России»⁴. Однако за короткое время его существования в России было широко распространено награждение Мальтийскими знаками. Наличие их на печатке помогает уточнить имя ее владельца. Из многочисленных представителей фамилии Энгельгардт только двое имели знаки Мальтийского ордена. Это — Лев Николаевич Энгельгардт (1766—1836) и Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862).

О Льве Николаевиче Энгельгардте известно немного. В 1798 г. он был произведен в полковники; в июне 1798 г. награжден шпагою с Анненским крестом. В последующие годы «произведен в генерал-майоры и получил командорство ордена св. Иоанна Иерусалимского»⁵, а 7 ноября 1807 г. — орден св. Анны II степени, украшенный алмазами⁶. В списке награжденных орденом св. Владимира Л. Н. Энгельгардт не значится.

Егор Антонович Энгельгардт начал свою карьеру в Коллегии иностранных дел в 1796 г., в канцелярии вице-канцлера кн. Куракина. В 1799 г. Энгельгардт был назначен секретарем Мальтийского ордена и вслед за тем секретарем великого магистра⁷.

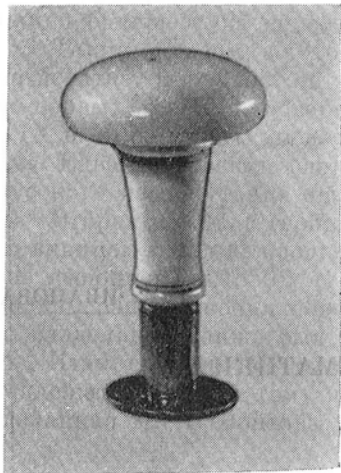

Рис. 1. Общий вид и матрица печати Е. А. Энгельгардта.

После коронации Александра I в 1801 г. Егор Антонович — помощник статс-секретаря Государственного Совета, откуда в 1811 г., «по особой склонности к занятиям воспитательной частью, был переведен в Педагогический институт, причем ему сохранено было все содержание по званию помощника статс-секретаря, хотя дела Совета до него уже не касались; это продолжалось и во все время службы Энгельгардта в Лицее»⁸.

В 1816 г. Энгельгардт становится директором Царскосельского Лицея, сменив таким образом В. Ф. Малиновского, заложившего лучшие традиции в системе образования лицеистов.

Деятельность Е. А. Энгельгардта исследователи оценивали

по-разному. В документах Института русской литературы говорится следующее: «Суммирование фактов убеждает, что он [Е. А. Энгельгардт] не стоял на том политическом уровне, который был представлен в Лицее наиболее передовыми педагогами (и прежде всего А. П. Куницыным), был лишь их попутчиком, человеком ограниченных взглядов, но в то же время стремившимся по мере сил и возможностей сохранить лучшие традиции Лицея»⁹.

Но даже такая либеральная позиция считалась неприемлемой для директора Лицея. Именно поэтому вскоре после назначения Е. А. Энгельгардт впал в немилость. В мае 1822 г. Лицей и Благородный пансион поступили в распоряжение вел. кн. Константина Павловича, по приказу которого Лицей был превращен в военное учебное заведение.

Попытки отстоять Лицей от бюрократической опеки привели к тому, что в октябре 1823 г. Энгельгардт оказался уволенным. Позже, в 1829 г., в письме к вел. кн. Константину Павловичу Николай I высказывал уверенность в том, что «ученики, подобные выпущенным во вкусе Энгельгардта, не будут более выходить из Лицея»¹⁰.

В 1834 г. Е. А. Энгельгардт приглашен гр. Канкриным на должность директора редакции «Земледельческой газеты». Он принял это предложение и издавал газету в течение 19 лет.

В 1838 г. газету передали из ведомства Министерства финансов в Министерство государственных имуществ, а в 1852 г. после упразднения должности директора, Е. А. Энгельгардта назначили членом-корреспондентом Ученого Комитета Министерства государственных имуществ.

За время службы, кроме Мальтийского ордена, Егор Антонович получил ордена Анны II степени в 1810 г.¹¹ и Владимира II степени в 1820 г.¹² Скончался он в 1862 г.

Таким образом, изготовление печатки следует отнести ко времени между 1820 г. и 1862 г.

Если же принять во внимание форму рукоятки, манеру резьбы герба и его композиционное расположение на рабочем поле, то можно считать, что печатка исполнена в начале 1850-х гг., так как для экземпляров более раннего времени характерно «ампирное оформление», а в более поздний период, начиная со второй половины 50-х гг., печатки перестают быть высокохудожественными произведениями прикладного искусства.

Поскольку принадлежность орденских знаков, изображенных под гербовым щитом, Е. А. Энгельгардту подтверждается документально, печатка принадлежала именно ему, а не Л. Н. Энгельгардту.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Картотека коллекции печатей ОНГЭ.
- ² На печатке цвета изображены графически, т. е. лазоревый — параллельными горизонтальными линиями, червлёный — параллельными вертикальными, золото — точками, серебро обозначения не имеет.
- ³ Ю. В. Арсеньев. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте 1907—1908 гг. М., 1908, стр. 239.
- ⁴ Подробнее см. Новый энциклопедический словарь. СПб., б. г., т. 25, стр. 556—558.
- ⁵ РБС. СПб., 1912, стр. 258.
- ⁶ Список кавалерам, 1838, ч. 4, стр. 55.
- ⁷ РБС. СПб., 1912, стр. 254.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Пушкин. Итоги и проблемы изучения. АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). М. — Л., 1966, стр. 163.
- ¹⁰ Сб. ИРПО. Б. м., 1910, т. 131, стр. 313.
- ¹¹ Список кавалерам, 1843, ч. III, стр. 4.
- ¹² Там же, ч. IV, стр. 60.

Y. Diukov

COINAGE IN THE BOSPORIAN KINGDOM IN THE FIFTH AND FOURTH CENTURIES B. C.

The political events of the fifth and fourth centuries B. C., such as the advent to power of the new Dynasty of Spartakides, and the policy of uniting the cities of the Bosphorus into a single state, were reflected in the evolution of coinage. Highly important in this light is the fact that Theodosia and Phanagoria which had never before minted money of their own, issued a certain amount of coins.

Typologically, the coins of these cities differ sharply from the specimens struck in Panticapaeum. Each issue comprised comparatively few pieces, from which it is clear that the coins could not have been economically significant.

The fact of striking independent coins may thus be regarded as a purely political demonstration, showing that the cities resented the policy of unification and protested against the attempts to deprive them of their sovereignty.

The stabilization of the political and economical situation in the Bosphorus in the fourth century B. C. was accompanied by changes in coinage. Gold and copper began to be used in addition to silver. An important change is observed in the types of Bosporian coins. Deities closely linked with local Bosporian cults, came to be represented on coins. These devices persisted for a long time afterwards.

V. Brabich

CONTORNIATES AND PUBLIC FESTIVALS IN THE FOURTH — FIFTH CENTURY ROME

The brass coin-shaped plaques known as contorniates provide important evidence illustrating the political and cultural life in the fourth — fifth century Roman society. The contorniates were probably commemorative plaques or rewards distributed on the days of great public festivals. The Roman aristocracy used them as a means of propaganda in favour of the restoration of the old régime, an activity in which they sought an alliance with the Emperors.

I. Sokolova

A HOARD OF CHERSONESE COINS OF THE THIRD QUARTER OF THE NINTH CENTURY

The paper is a publication of 45 whole specimens and 2 fragments of coins of two types, one showing on the obverse the letter π , and on the reverse the letter π ; the other having a π on the obverse and a λ on the reverse. The coins were found by the group of I. A. Antonova dur-

ing the excavations of Chersonese in 1964. They are in a poor state of preservation and display an inferior technique of casting.

The coins composing the hoard are tentatively identified as the first issue of cast Chersonese coins minted in the mid-ninth century, for they bear no monogram or initials of the Emperors. The legend in the form of two letters, π and χ ($\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\omega}\nu\omicron\varsigma$) permits to compare the pieces with the seals of the Chersonese archons. By the type on the obverse, the seals are dated to the first half of the ninth century. The author believes that they belonged to the archon of the city who ruled in the years immediately following 836. The continued existence of certain elements of self-government, seen from the conservation of the office of the archon, provided a necessary condition for minting coins without the Emperor's name, a thing altogether unparalleled in the Byzantine Empire of the tenth century, of which Chersonese formed a part.

A. Bykov

KHAZAR COINAGE IN THE EIGHTH AND NINTH CENTURIES

The problem of coinage in the Khazar Kaganate, was first raised and discussed by E. Zambaur in three works published since 1902. He identified the imitations of Kufic dirhems occurring in Russian tenth-century hoards as Khazar coins, but did not substantiate his opinion otherwise than by pointing out that the Khazars displayed an inclination for commercial activities. T. J. Arne (1914) admitted the probability of the existence of Khazar coinage, but he observed that the hypothesis of E. Zambaur was not sufficiently supported by numismatic proofs. R. R. Vasmer (1926) rejected the supposition of E. Zambaur as an instance of wishful thinking. He was supported by V. L. Yanin (1956) who denied the existence of currency among the Khazars. The view of E. Zambaur was shared by V. V. Kropotkin: he defined imitations of the "Bezliudovo type" as Khazar pieces. But he did not in any way prove his definition either; nor did he specify which particular type of imitations among the Bezliudovo hoard (mid-tenth century) he had in mind.

While studying the Devitsa hoard of Kufic coins, the author of the present paper arrived at quite a different conclusion. Some preliminary information about the hoard was published in 1941 (КСИИМК, XIV, p. 119). The definition of 42 coins belonging to the hoard, showing the legend *al-Muhammadiya*, 150 and the sign X, seemed doubtful to him. Following R. R. Vasmer who came across a coin of this type among the Kohtla hoard in 1923, the pieces in question were defined in 1941 as counterfeit Abbasid dirhems. During the examination of the coins the author observed a curious thing: though bearing the date 150/767—68, they all had some other characteristics which showed them to be either earlier or later in date. The hoard contained, in addition to these, 44 more dirhems no less unusual than the ones described. The 86 specimens fall into 12 types, each marked by a most fantastic combination of the ruler's name, the date and the mint. For instance, Type I, al-Ma'mūn, Madīnat al-salām, 103 or 104 (2 specimens); Type II, Sarqand (for Samarqand), 108, reverse of the time of al-Manṣur. Palaeographic analysis has revealed numerous errors in the legends. The script resembles that of the eighth-century Abbasid coins, but is not identical with it. The combination of dating characteristics shows that the coins may be assigned to the late eighth — early ninth centuries. A comparison with the counterfeit Abbasid dirhems in the Hermitage collection proves that the latter — as might well be expected — are faultless as regards both type and legends, but are made of silver-plated copper, while the dirhems from the hoard are silver of superior quality. They vary in weight within the limits of the Abbasid dirhems. There are numerous specimens minted by the same obverse and reverse dies (Type II — 8 specimens, Type IV — 30 specimens, Type XI — 38 specimens). This suggests that the centre of production was not far from the place of discovery (Korotoyak district, Voronezh region).

To sum up, the 86 coins under discussion are not Abbasid dirhems, either authentic or counterfeit. Nor can they be regarded as productions of the Slavs or Finns of Eastern Europe, who

(according to R. R. Vasmer) did not fall within the area of the circulation of the Kufic dirhems before the turn of the ninth century. These specimens may be defined only as Khazar coins, and for this there are reasons of historical, economical and numismatic character.

(1) Wars and commercial relations made the Khazars familiar with Oriental coins since the late seventh century. The fact that the Khazars used coins as money, is proved by materials from excavations and numerous finds of Kufic coins (see works of R. R. Vasmer, and maps of R. Jakimovicz and V. V. Kropotkin).

(2) There existed a trade route leading along the Volga and the Don ("the river of the Slavs" of Ibn Ḥordābeh) which traversed the land of the Khazars, and was used in the transportation of Oriental silver to Eastern, Central and Western Europe, till the year 965 when Sarkel was destroyed by Sviatoslav.

(3) Many Moslems, both prisoners of war and local born, resided in the land of the Khazars. The latter group appeared after 737 when the Kagan embraced Islam which he professed for a certain period.

(4) There existed a group of people able to produce coins with legends in Arabic (see Arabian and Persian records relative to the status of Moslems in the Kaganate, and their social and economic activities in Khazar towns).

(5) The evolution of Khazar coinage proceeded in three successive phases similar to those seen in Soghd in the seventh and eighth centuries and the Volga Bulgaria in the tenth century. These phases in Khazar coinage are illustrated by (a) the three types of imitation coins found among the Devitsa hoard, (b) the 86 dirhems from the hoard described above, and (c) the dirhems of 223/837—38 from Arḍ al-Ḥazar (Land of the Khazars).

N. Ivochkina

COPPER COINS OF THE NUCHEN STATE

(1115—1234)

The paper deals with the copper coins of the Chin dynasty (1115—1234). The monetary system of the Nuchen state was built on the model of that of China. The main coin in circulation was the *ch'ien*, a Chinese copper coin widely spread in the countries of the Far East. Copper was regarded as a monetary metal. The price of the *ch'ien* was determined by the value of its 3.7 grams of copper. Each individual coin having but a small value, a string consisting of about 1,000 pieces was used as a monetary unit.

The government profited by its right of minting, issuing coins with reduced weight having various denominations, from 1 to 10 *ch'ien*, so that the real value of a string of 10-*ch'ien* coins sometimes fell to one-third of its face value. The same purpose was served by reducing the number of coins in a string, the latter continuing to function as normal currency. The reduction of the copper content in coins to a degree where cheap alloys often exceeded the fixed standard, was also a common enough method resorted to by the treasury with a view to raising additional profit.

While making copper the basis of the monetary system, the state continuously abused popular trust in copper coins, and this was the main contradiction of the system of currency in the Empire.

V. Potin

COINS FROM OLD RUSSIAN BURIALS AND THEIR IMPORTANCE AS ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHICAL EVIDENCE

In the course of the past fifty years, hoards of coins formed the main object of study by the specialists. Individual specimens were dealt with only in a small number of minor papers. The importance of this kind of material for numismatic, archaeological and ethnographic research has not yet been properly realized.

Coins derived from burials are of particular interest. Analysis of pieces from nearly five hundred barrows and graves of the ninth — thirteenth centuries, discovered in different parts of Old Russia, suggests a classification of coins from burials into two clearly defined groups: (1) coins used as personal ornaments, and (2) coins used as the "dead obolus".

The coins used as ornaments have not so far been described with necessary completeness. No attempts have been made to study them, or to classify them as archaeological or numismatic material. Some of these pieces served as pendants and were attached to necklaces, others served as costume plaques sewn on to garments, or formed part of wire finger-rings. Coins of this class are provided either with a hole or with a loop for purposes of suspension. The loops fall into two varieties, those made of wire and those made from a metal plaque; the last mentioned type might be either flat or pyramidal in shape, its surface being smooth or ribbed. The loops were fixed to the coins by a variety of techniques (soldering, riveting, or letting a wire ring through a hole in the coin). Wire loops are most frequent in the Novgorod and Rostov-Suzdal regions, and are generally dated to the eleventh century, probably its second half. The coins with the loops made of ribbed plaques seem to refer to a time before the eleventh century, though occurring in burials and hoards of later date. The coins with the loops soldered on to them are as a rule dated to the eighth — tenth centuries.

The custom of placing in the graves "burial coins" or the "dead obolus" is known to have been practised among many peoples of different countries and at different epochs. Some authorities (A. Kotliarevsky, D. Anuchin, L. Niderle) ascribed it to eastern Slavs as well. Their opinion was based on the data of archaeological excavations and on ethnographical research of recent times. It is clear from the evolution of the custom among the population of the European part of our country, from antiquity to the fifteenth — seventeenth centuries, that in the territory of old Russia it was characteristic not of the Slavs but of the peoples of the Finno-Ugrian group; it is also observed in burials of the Baltic tribes and of the Normans. The custom of sacrificing the "dead obolus" took different forms. The coin might be placed in the mouth of the deceased, in his or her hand, or upon the breast. Sometimes coins were placed in the burial as attributes of commercial activities in which the dead man was engaged during his lifetime; in such cases they were often accompanied by weights and a balance.

The south-eastern coast of Lake Ladoga, and the region between the Volga and the Oka, were the main areas where the custom of the "dead obolus" was practised. Several burials with coins placed on the chest of the skeleton have also been discovered on the eastern coast of the Chudskoye Lake. The latter form of the custom is found in Slav barrows occurring in regions with the population consisting of different ethnical groups. It is either a result of mutual influence or a modification of the custom of providing the dead with coins as ornaments. The relatively small number of burials reflecting the custom of the "dead obolus", which find analogies among the burials of Birka (Sweden), while it does not disprove the well-established existence of political, economical and cultural links between Russia and Scandinavia, in no way tends to strengthen the position of those specialists inclined to exaggerate Norman influence over eastern Slavs.

These considerations, and the study of the coins found in burials, permit to draw some further conclusions: (1) the custom of the "dead obolus" is an evidence of the early use of coins as currency in Eastern Europe; (2) in the territory of Old Russia, the interval between the date of coinage and the employment of the piece in the capacity of the "dead obolus" often reaches 50—100 years, though sometimes it is shorter; (3) the time distance for the use of coins as ornaments is frequently as long as 200 or even 300 years.

I. Dobrovolsky, V. Potin

HUNGARIAN IMITATIONS OF ALMORAVID DINARS

A copper coin of Hungarian origin dating from the twelfth century is published. It bears legends imitating Oriental inscriptions. The coin was found at the Lenkovtsy village, Chernovitsy region (Ukrainian Soviet Socialist Republic). The paper also contains data of twelve more coins similar to the one in question, which are now in the collection of the Hermitage.

In the opinion of the authors, the material used in making the coin is not imported copper, but local Hungarian metal. The gold dinar of the Almoravids must have served as a prototype for the coin. It is difficult to tell exactly which particular issue of the dinars was chosen as a model for the copper imitations, but judging by the quantity of the finds, it was probably the issue of 'Ali b. Yusuf (1106—1143) rather than that of Yusuf b. Tashfeen (1087—1106). The penetration of the dinars into the area of the Middle Danube might have been effected via the Apennine Peninsula. As to the possible causes for the production of imitation dinars, they must be connected with the existence in Hungary of Moslem population engaged in commerce and coin minting.

T. Minasian

A HOARD OF POLISH AND LITHUANIAN MID-SIXTEENTH CENTURY COINS IN THE COLLECTION OF THE HERMITAGE

The hoard, comprising seventy-nine Polish, Lithuanian and Prussian coins, was discovered in April, 1961, at a distance of 12 km from Minsk.

The earliest coin among the hoard is a half-groat of Kazimiers IV. It was minted between the years 1479 and 1492. The latest piece is the Lithuanian half-groat of Zygmunt August; it was made in 1549. The hoard is dated to the middle of the sixteenth century. In addition to Lithuanian coins, it includes Polish groats and Danzig and Prussian half-groats.

The composition of the hoard shows that the opinion advanced in numismatic literature concerning the uniformity of currency circulated in Poland and Lithuania after 1545, is not quite correct. This view may be corroborated or rejected with further accumulation of knowledge relative to the sixteenth century coins.

V. Potin

NUMISMATICS AND MEDIAEVAL ART

Mediaeval coins began to be studied later than those of Ancient Greece and Rome. It was owing to this circumstance, and to the limitations of numismatic research of the nineteenth century, that the interests of the specialists have up to the present been focused almost entirely on the economic significance of the fifth to the seventeenth century coins. Their artistic value has been underestimated by the scholars. The paper gives briefly the author's views on the subject. A list of the most important books dealing with it is given in the Notes.

M. Sotnikova

LOST SPECIMENS OF RUSSIAN COINS OF THE TENTH AND ELEVENTH CENTURIES

(Corpus of the Earliest Russian Coins)

The monograph of I. I. Tolstoy (1882), an encyclopaedia of all nineteenth century knowledge concerning the earliest Russian coins, though still up-to-date as to method, is felt to be no longer exhaustive as to material.

Recent finds of Russian coins of the tenth and eleventh centuries, postdating Tolstoy's publication, and the concentration, in the largest Soviet museums, of numerous collections formerly owned by private persons, have made it both necessary and possible to compile a new Corpus of the earliest Russian coins. The approaching millennium of Russian coinage provides a further stimulus for this work.

Tolstoy published at different times 150—170 Russian coins of this period. The new Corpus records over 320 specimens known *de visu*, in reproductions, or from descriptions. The doubling of the number of coins is due not only to recent finds. It has been achieved mainly through checking and summarizing old and forgotten data relating to the coins already known.

Fresh information has been discovered in some archives and libraries of Leningrad, Kiev and Moscow. By analysing the information obtained from archival documents and books, and by carefully studying the coins themselves, the history of almost each individual specimen has been established. There are, however, some 60 pieces which have been lost sight of. Their traces disappear in private, mainly pre-Revolutionary, collections.

The paper contains a list of missing specimens. In the author's opinion, the publication of this brief catalogue may help to discover some of them before the Corpus is completed.

I. Spassky

SESTRORETSK ROUBLES (1770—1778)

The paper is a brief account of the process of developing the technology of coining heavy copper roubles weighing 1 kg. The production of the coins was planned at the Sestroretsk Mint near St. Petersburg in 1770—1778. A description of several unique specimens of authentic roubles, belonging to the Hermitage collection, is given. The thick one-rouble coin of 1770, poorly preserved, with an inscription round the edge and a date deliberately erased, may be one of the two pattern pieces submitted to the Senate in December, 1770. (The other specimen, probably as poorly preserved, is now in the USA where it came with the collection of the Grand Duke Georgy Mikhailovich). The author also admits, and indeed, substantiates, the supposition that the Hermitage specimen may be identified with the piece known to have been owned by Count N. P. Rumiantsev in the 1820's, and later by F. I. Krug, and published by S. de Chaudoir; it was assigned to 1771 by reason of its bad condition, as the dies of this year, preserved at the Petersburg Mint, were already well known at the time. Between the 1780's and 1810's, the so-called "Pugachov's roubles", minted on round silver blanks with the central part of the die, were familiar to most collectors. There is a description of a one-rouble coin of 1771 in the Hermitage collection; this piece was minted with the help of a previously unknown edge which may be regarded as authentic.

The study of over twenty late nineteenth-century copies coined with the help of authentic dies of 1771, and of newly made edges of two types, brings the author to the conclusion that some of their individual features make the supposition of their having been produced simultaneously (Schubert), highly improbable.

Since no specimens of the Sestroretsk roubles are mentioned before 1847 (Reichel), either by Panser (1836), Chaudoir (1837), Yermeyev (1841), or Lisenko (1842), who knew only the unique specimen of Rumiantsev-Krug, and since the first piece entered the Hermitage collection only in 1856, the author views the version advanced by Schubert, namely that the later copies were coined in 1836 on the command of Count Kankrin, Minister of Finance, as fiction prompted by a desire to shield certain individuals who effected illegal minting of these pieces at the Mint in the 1840's and 1850's.

Y. Shchukina

MEDALS OF THE ARCHIPELAGO CAMPAIGN

The collection of medals owned by the Hermitage includes some interesting specimens connected with the Russo-Turkish war of 1769—1774, and the Archipelago Campaign of the Russian Navy which sailed to the Mediterranean from Kronstadt. The Chesme Battle was the culmination point of the campaign. It was reflected in a medal struck in honour of Count A. G.

Orlov, nominal Commander-in-Chief. In addition to these well-known commemorative medals, the Hermitage owns four gold and two silver ones having on the reverse a representation of the Cathedral of Hagia Sophia at Constantinople being destroyed by lightning, and a legend underneath reading "To a defender of the Orthodox faith".

The study of contemporary documents and some data obtained in the beginning of the twentieth century, when remnants of Russian ships sunk during the battle were raised from the bottom of the Chesme Bay, lead the author to the conclusion that medals of the third type were distributed, by way of encouragement, to sailors about to start on their dangerous mission.

Later the issue of the medals was discontinued in connection with the unexpected turn of events; only a comparatively small quantity were issued, and this makes the surviving specimens in the Hermitage collection all the more valuable.

A. Pokorna

TWO SEALS WITH THE ARMS OF THE COUNTS PLATOV

The paper contains a definition of the owners of two seals in the Hermitage collection. The seals bear the arms of the Platovs. One of them was formerly regarded as belonging to Ataman M. I. Platov (1751—1818), a hero of the war of 1812; the other was defined as the seal of his son, I. M. Platov (1795—1874). The style of the first-mentioned seal, and the combination of decorations represented on it, show that it could not have belonged to M. I. Platov. The decorations are the ones awarded to I. M. Platov. Thus both the seals are found to have been owned by I. M. Platov.

G. Ivanova

A SEAL FROM THE COLLECTION OF THE DEPARTMENT OF NUMISMATICS

The author establishes the ownership of one of the Hermitage seals. The analysis of style, and certain elements in the arms, show that the seal, made no earlier than the 1850's, was owned by E. A. Engelhardt (1775—1862), Director of the Lyceum at Tsarskoye Selo in 1816—1822.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ	Археологические известия и заметки Московского археологического общества, т. 1—7. М., 1893—1899.
Альбом Захариевского	Альбом монетных снимков Н. Г. Захариевского. Киев, 1896 (рукопись). Научная библиотека Киевского Государственного университета, 902/АЛБ.
АН СССР	Академия наук СССР.
АП УРСР	Археологічні пам'ятки УРСР, т. 1—9, Киев. 1949—1960.
Бауэр, 1926	Н. Бауэр. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. ИГАИМК, т. 5, Л., 1926.
ВАИ	Вестник археологии и истории.
ВВ	Византийский временник.
ВДИ	Вестник древней истории.
ВИА	Вестник истории и археологии Петербургского археологического института.
Волошский	Я. Волошский. Описание древних русских монет, принадлежащих Минцкабинету Университета св. Владимира из числа найденных близ Нежина в мае 1862 г. Киев, 1853.
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	Государственный Исторический музей, Москва.
Древности	Древности. Труды Московского археологического общества.
Жизневский	А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Древности, т. XII, вып. 1, М., 1881.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
«Зернин»	Архив ОНГЭ. Бумаги Строганова. Сборник рукописных документов, касающихся нежинской находки, с названием «Зернин» на корешке общего переплета.
Зернин	Первые 11 страниц в вышеназванном сборнике, содержащие описание и рисунки 25 из 28 нежинских сребреников, присланных в Эрмитаж в 1853 г. Рукопись подписана экстра-ординарным профессором Харьковского университета А. П. Зерниным (1821—1866).
ЗОАО	Записки Одесского археологического общества (Одесское общество истории и древностей), т. 1—33. Одесса, 1844—1919, т. 34 (I), 1960 (1961).
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. 1—13. Спб., 1852—1918.
ЗРАО	Записки Русского археологического общества, т. 1—12. Спб., 1886—1902. Новая серия.
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАИ	Историко-астрономические исследования.
ИАК	Известия Археологической комиссии, вып. 1—66. Спб., Пг., 1901—1918.
Иверсен, 1906	В. М. Иверсен. Несколько редких и интересных русских монет из собрания В. М. Иверсена. Спб., 1906.
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК	Институт истории материальной культуры.
Ильин	А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.
ИРАИК	Известия Русского археологического института в Константинополе.

- ИРАО Известия Русского археологического общества, т. 1—10. СПб., 1859—1884.
- К а н и в е ц В. И. К а н и в е ц. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале. Материалы по археологии европейского Северо-Востока, вып. I, Сыктывкар, 1962, стр. 145—154.
- К а р г е р М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. 1, М. — Л., 1958.
- Каталог Уварова Каталог собрания древностей А. С. Уварова. М., 1907.
- КДА Киевская духовная академия.
- кн. пост. книга поступлений.
- К р о п о т к и н (I) В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.
- К р о п о т к и н (II) В. В. К р о п о т к и н. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
- КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- К у н и к А. К у н и к. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением Георгия Победоносца. Историко-нумизматическое исследование. СПб., 1860.
- К у х а р е н к о Ю. В. К у х а р е н к о. Средневековые памятники Полесья. М., 1961.
- ЛГУ Ленинградский государственный университет.
- ЛОИА Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (Архив Института).
- л. с. лицевая сторона.
- МАВГ Материалы по археологии восточных губерний России, т. 1—3. М., 1893—1899.
- МАО Московское археологическое общество.
- МАР Материалы по археологии России, № 1—37. СПб., Пг., 1866—1918.
- М а р к о в А. М а р к о в. Топография кладов восточных монет (сасанидских и кувшитских). СПб., 1910.
- М е ц Н. Д. М е ц. Сребреники из с. Митьковки. СА, 1960, № 1, стр. 205—214.
- МИА Материалы и исследования по археологии СССР.
- н. с. новая серия.
- НиС Нумизматика и сфрагистика.
- ОАК Отчет Археологической комиссии.
- ОАМ Одесский Археологический музей.
- ОИПК Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
- ОНГЭ Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа.
- О р е ш н и к о в, А. В. О р е ш н и к о в. Херсоно-византийские монеты. 1905 Труды Московского нумизматического общества, т. III. М., 1905.
- О р е ш н и к о в, А. В. О р е ш н и к о в. Херсоно-византийские монеты (Дополнение). Нумизматический сборник, т. I, М., 1911.
- О р е ш н и к о в, А. В. О р е ш н и к о в. Денежные знаки домонгольской Руси. 1936 М., 1936.
- о. с. оборотная сторона.
- П е т р о в, 1895 Н. И. П е т р о в. Коллекции древних предметов и монет, пожертвованные церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии Н. А. Леопардовым. Киев, 1895.
- П е т р о в, 1897 Н. И. П е т р о в. Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Изд. 2-е, Киев, 1897.
- П е т р о в, 1915 Н. И. П е т р о в. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при имп. Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915.
- П л е т н е в В. А. П л е т н е в. Об остатках древностей и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.
- П о т и н В. М. П о т и н. Находки западноевропейских монет на территории древней Руси (X—XIII вв.). Труды Государственного Эрмитажа, т. IX. Л., 1967.
- Працы Працы Археологічної Камісії, Менск.
- ПСРЗ Полное собрание русских законов.
- РБС Русский биографический словарь.
- РОГПБ Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Р у с а н о в а И. П. Р у с а н о в а. Курганы полян X—XII вв. М., 1966.
- СА Советская Археология.

- Самоквасов, Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908.
 Могилы
- Самоквасов, Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической квалификации. Варшава, 1892.
 Основания
- Сб. ИРИО Сборник имп. Российского исторического общества.
 СГЭ Сообщения Государственного Эрмитажа.
- Славянские древности Л. Нидерле. Славянские древности, М., 1956.
- Сотникова, — М. П. Сотникова. Сребреники Киевского клада 1876 г.
 Киевский клад НиС, 3, Киев, 1968.
- Сотникова, М. П. Сотникова. Нежинский клад 1852 г. (реконструкция
 состава) НиС, 4, Киев, 1971.
- Список кавалерам, — Список кавалерам российских императорских и царских орде-
 1838 нов всех наименований за 1838 г. СПб., 1839, ч. 2, 3.
- Список кавалерам, — Список кавалерам российских императорских и царских орде-
 1843 нов всех наименований за 1843 г. СПб., 1844, ч. 4.
- СРМ Собрание русских медалей. Издание Археографической комиссии.
 СПб., 1840.
- СФА Советская Филателистическая ассоциация.
- Толстой, 1882 И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княже-
 ства Киевского. Спб, 1882.
- Толстой, 1893 И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты X—XI вв. ЗРАО,
 т. 6. СПб., 1893 г., стр. 310—382.
- Тр. АС Труды археологического съезда (цифра после сокращения «Тр.»
 обозначает порядковый номер съезда), т. I—XV—1871—1916 гг.
- Тр. ВСК Труды Владимирского статистического комитета.
- Тр. ВУАК Труды Владимирской ученой архивной комиссии.
- УЗЛГУ Ученые записки Ленинградского Государственного университета.
- УЗУГУ Ученые записки Уральского Государственного университета.
- УИМ Императорский Российский исторический музей. Указатель па-
 мятников. Изд. 2-е, М., 1893.
- Фасмер, Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных
 списком II секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной
 культуры. Сообщения ГАИМК, т. 2, Л., 1929, стр. 281—324.
- Харлампович П. В. Харлампович. Монетные skarby, знойдзеныя у
 Беларусі. Менск, 1927.
- ЦГИА ВМФ Центральный Государственный исторический архив Военно-Мор-
 ского флота.
- ЦГИАЛ Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЦГИА УССР Центральный Государственный исторический архив УССР.
- Чернев, 1888 Н. Чернев. Заметки о древнейших русских монетах. ВАИ,
 1888, вып. VII.
- Чернев, III, Н. Чернев. Заметки о неизданных и редких монетах, помещенных
 1891 на таблицах 6, 7 и 8. Сборник снимков с предметов древности, находя-
 щихся в г. Киеве в частных руках, вып. 3, 4. Киев,
 1891, стр. 7—13.
- Чернев, IV, Н. Чернев. О нежинских сребрениках с именем Петр. В том же
 1891 сборнике, стр. 21—28.
- ЧОИДР Чтения в Имп. обществе истории и древностей Российских.
- Э Эрмитаж.
- ЭВ Эпиграфика Востока.
- Янин, 1956 В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья.
 Домонгольский период, М., 1956.
- Ярославское Ярославское поволжье X—XI вв. Под ред. А. П. Смирнова. М.,
 поволжье 1963.
- Bahr f. E. Bahr feld t. Münzen- und Medaillensammlung Marienburg,
 Danzig, 1901.
- Bauer N. Bauer, Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11.
 und 12. Jahrhunderts, «Zeitschrift für Numismatik», Bd. 39, 1929,
 S. 1—187; Bd. 40, 1930, S. 188—288.
- Bg. Mzv. «Braunschweiger Münzverkehr», Nr. 3, Juli—Sept. 1929, S. 18.
- Sahn Adolf E. Sahn, Versteigerungs-Katalog, Nr. 66, Frankfurt-
 am-Main, 1930.
- CNH L. Rethy, G. Probszt, Corpus nimmorum Hungariae, Graz,
 1958.

Список сокращений

Duplessy	J. Duplessy, La circulation des monnaies arabes en Europe occidentale du VIII ^e siècle, «Revue numismatique», t. 18, 1956.
HBzN	«Hamburger Beiträge zur Numismatik».
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua.
Gum.	M. Gumowski, Podręcznik Numizmatyki Polskiej, Kraków, 1914.
NK	Numismatikai Közlöny.
NZ	«Numismatische Zeitschrift».
Raudonikas	V. J. Raudonikas, Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930.
RN	«Revue numismatique».
SC, I	Scythica et Caucasica. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893.
ZfN	«Zeitschrift für Numismatik».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ю. Л. Д ю к о в. О монетной чеканке Боспорского царства в V—IV вв. до н. э.	5
В. М. Б р а б и ч. Конторниаты и зрелища в Риме IV—V вв.	10
И. В. С о к о л о в а. Клад херсонских монет середины IX в.	16
А. А. Б ы к о в. О хазарском чекане VIII—IX вв. (Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов)	26
Н. В. И в о ч к и н а. Медь в денежном обращении чжурчженского государства Цзинь (1115—1234 гг.)	37
В. М. П о т и н. Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии	49
И. Г. Д о б р о в о л ь с к и й, В. М. П о т и н. Венгерские подражания альморавидским динарам	120
Т. Н. М и н а с я н. Клад польских и литовских монет середины XVI в. из собрания Государственного Эрмитажа	126
В. М. П о т и н. Нумизматика и средневековое искусство	130
М. П. С о т н и к о в а. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. К корпусу древнейших русских монет	137
И. Г. С п а с с к и й. Сестрорецкие рубли (1770—1778 гг.)	155
Е. С. Щ у к и н а. Наградные медали Архипелагской экспедиции 1769—1770 гг.	178
А. А. П о к о р н а. Две печатки с гербом гр. Платовых	186
Г. А. И в а н о в а. Печатка из собрания отдела нумизматики Государственного Эрмитажа	189
S u m m a r i e s	192
С п и с о к с о к р а щ е н и й	199

Труды Государственного Эрмитажа

Т о м XII

НУМИЗМАТИКА

Редактор <i>Г. А. Алексеева</i>	М-43457. Подп. к печ. 2/VII 1971 г. № 4558
Оформл. <i>Г. В. Васильева</i>	Формат 84×108 ¹ / ₁₆ , бум. типографская № 1
Худож. ред. <i>С. М. Малахов</i>	Печ. л. 12,75. Усл. печ. л. 21,55. Уч.-изд. л.
Техн. ред. <i>В. В. Кленова</i>	15,36. Тираж 3200. Заказ 1430. Цена 1 р. 89 к.
Корректор <i>Л. В. Морозова</i>	

Издательство «А в р о р а». Ленинград, Д-65, Невский пр., 7/9

Орлена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26